

Глава 1

КУЛЬМИНАЦИЯ И СМЕНА ПОЗИЦИЙ. «ДВЕ ЛИ РОССИИ СОШЛИСЬ ВОЕВАТЬ?»

Святки — сколько для русского человека в этом слове сокрыто светлых воспоминаний, сколько тепла, берущих начало в детстве, отрочестве, юности, девичестве! В этом слове и Светлое Рождество Христово, и торжественное богослужение в храмах с тысячами весело горящих свечей, и нарядная елка с Вифлеемской звездой, и подарки, и Новый год, и каникулы, и Крещение с водосвятием и ледяной купелью, и Татьянин день...

Кирилл Космин и Петя Усачев, как и многие другие, хранили в себе это тепло и воспоминания. Наступившая поздней осенью распутица, а затем зима временно прервали активные боевые действия Добрармии. Перед Святками Космин и Усачев отпросились в отпуск и уехали в Ростов. Туда приехали вечером, как раз перед всеобщей Рождественской службой. На улице было морозно и сухо. Легкие снежинки кружились в воздухе. Темно-синее небо высветилось звездами.

Когда в вечерних сумерках они подходили к знакомому дому, Кирилл посмотрел на освещенные окна и увидел в одном из них желанный женский силуэт.

— Смотри, Петя. Не Женя ли стоит и высматривает кого-то? — спросил он, обращаясь к Усачеву.

— Она. Точно она! Вот сестра, стоит у окна и ждет нас. Вот женское чутье! — с восхищением отвечал тот, всматриваясь в окна.

Женщина у окна, верно, заметила их и отпрянула вглубь комнаты. Следом, ускоряя шаг, офицеры почти бегом взлетели на высокое крыльцо. Парадная дверь дома была от-

крыта. Уже в прихожей им на встречу вышел радостный Гордей Гордеевич, кинувшийся обнимать и расспрашивать желанных гостей. Быстро пройдя прихожую, расстегивая и снимая на ходу ремни с шашками, фуражки, развязывая башлыки, распахивая шинели, одновременно обнимаясь и общаясь с Гордеем Гордеевичем, они стремительно и живо ворвались в натопленную чисто убранную гостиную. Там их с улыбкой встречала дородная и еще довольно молодая хозяйка дома, и, видно, приболевший Петр Михайлович, с шарфом на шее, приветствовавший сына и гостя хриплым голосом. Конечно, первым делом он со слезами бросился к Петру Петровичу и крепко прижал его к своей груди.

— Боже мой! Радость-то какая. Петенька живой, здоровый! На праздник обрадовал Господь! Здравствуйте родные мои! Желанные! — запричитал он.

— Располагайтесь Кирилл Леонидович! К столу, господа офицеры! С дороги-т водочки с огурчиком! Да и мы разговеемся. Ведь Звезда уже! Сочельник-то прошел. Матушка, а ну-ка неси из закровов все, что осталось, мечи на стол графинчик, да огурчики, да грибки, да селедочку, да хлебушек пшеничный. Да стопочки не забудь! — засуетился Гордей Гордеевич.

Хозяйка забежала. Кирилл в смущении остановился на полпути, не найдя взглядом в большой и светлой гостиной той, о ком давно тосковала его душа.

— Почему нет ее? Неужели она не рада моему приезду? Ведь верно видела нас, когда мы подходили к дому. Неужели я зря так торопился увидеть ее? — закрутились вопросы и мысли в голове Космина.

На минуту-другую сильнее горечь и обида закрались в его сердце.

— Что с тобой, Кирилл? Да на тебе лица нет! Пап, а где Женя? — радостно спрашивал Петя.

— Да только что тут была! Весь день у окна стояла, молчала, ровно ждала кого-то, а как темнеть начало, у зеркала со свечей сидела. Гадала ли!? А тут подошла к окошечку да как вскрикнула и убежала куда-то, — отвечал Петр Михайлович с радостью и утирая слезы на глазах.

— Не плачь, пап. Все — слава Богу. Живы, как видишь! Женя, да где же ты? — громко успокаивая отца и зовя сестру, говорил Петя.

Кирилл со скорбью и тоской хранил гробовое молчание. Так продолжалось несколько минут. Он уже было потянулся застегнуть шинель и откланяться, как вдруг двустворчатые двери, ведущие в одну из комнат, раскрылись... С румянцем на лице, с сияющими глазами, со слегка растрепанной гривой волос, в великолепном длинном платье с большим декольте вышла, и даже не вышла, а, распахнув двери настежь, выступила она. Лишь мгновение искала она его глазами среди окружающих родных и близких людей. А потом случилось то, чего никак не ожидал ни он, ни кто другой.

Стремительно, как лань, забыв все приличия и свою девичью гордость, она пробежала по гостиной и со слезами бросилась ему на грудь, охватив своими руками его плечи в серой шинели. Глухие, беззвучные рыдания сотрясали ее тело, когда Кирилл с нежностью, любовью, сдерживаясь перед окружающими его людьми, обнял и стал тихонько целовать ее в голову. В гостиной воцарилось неожиданное, полное, но доброжелательное молчание. А Кирилл и Женя утонули в объятиях друг друга.

А потом было недолгое, но радостное застолье, во время которого они сидели рядом, бок о бок, и он держал ее горячую руку в своих руках. Все чокались, выпивали, закусывали. И они тоже со всеми вместе, но как бы и вдвоем, не со всеми. Счастливые, они прятали глаза от всех. Потому что ничто в мире в тот момент не существовало кроме них для них самих. Все собирались в церковь на всенощную. Собирались и они. А потом было долгое и радостное богослужение. И жарко горело множество свечей, и хор торжественно выводил:

— «Рождество твое, Христе — Боже наш, возсия мирови свет Разума. В нем бо звездам служащие, Звездой учахуся...»

И прихожане сотнями голосов радостно, не всегда впопад, но все же многогласно и складно подпевали хору. И они тоже радостно подпевали и улыбались всем и друг другу. Но среди всего этого огромного числа молящихся и

радующихся Рождеству они все же оставались только вдвоем перед родившимся, воплотившимся на Белый свет Богомладенцем и Спасителем Мира.

* * *

Страны Антанты начали подготовку мирных договоров с побежденными, для чего созывалась мирная конференция. Франция настояла на том, чтобы конференция проходила в ее столице — в Париже, а точнее в Версале. Парижская конференция начала свою работу 18 января 1919 года. В ней принимали участие представители 27 стран, но ведущую роль в ней играли президент США Вудро Вильсон, премьер-министр Великобритании Дэвид Ллойд Джордж и премьер Франции Жорж Клемансо. Побежденные не были приглашены вообще. Не присутствовали и не были приглашены представители России, сотрясаемой Гражданской войной.

Накануне тех событий Вудро Вильсон просил премьера Греции В. Венизелоса обобщить все территориальные притязания Греции к Турции. Тот составил по этому поводу меморандум. В этом документе вся Западная Анатолия должна была войти в Новую Грецию. Стамбул (с населением 360 тысяч греков и 500 тысяч турок), по мнению Венизелоса, следовало бы передать Греции, которая в свою очередь гарантировала бы интернационализацию Проливов. Новую мощную Грецию устроило бы установление протектората грядущей Лиги Наций над Стамбулом и зоной Проливов. Фактически эта зона была бы окружена греческой территорией, а Измир (Смирна) «стал бы вольным городом-портом». Греческий премьер не забыл и Восточную Анатолию, где предполагал создать нечто вроде армянско-греческого государства под мандатом Лиги Наций. Весьма «милое, мирное государство», которое должно было начать свою жизнь с того, чтобы поднять флаг Лиги и депортировать турок. Не сказано было только одно — куда?

Однако проект Венизелоса был положен в дальний ящик. Он показался американской делегации в Париже чрезмерным, поскольку не совпадал с расчетами самого

В. Вильсона. Греческий премьер учел высказанное недовольство и в продолжение двухдневных речей (3 и 4 февраля 1919 года) уже в ходе официальных заседаний конференции поддерживал только мандат Лиги Наций на Стамбул, подчеркнув, что Греция, несмотря на 360-тысячное греческое население, «не выдвигает никаких претензий на Константинополь». При этом он продемонстрировал приличное знание мусульманского богословия и очень неважное знакомство с этнографией и статистикой Малой Азии.

* * *

Как только установился зимний путь в южных областях и губерниях России, войска Красной армии Южного фронта 4 января 1919 года (по новому стилю) перешли в решительное наступление и, сломав упорное сопротивление Донской армии, успешно продвинулись на юг и юго-восток. Развал фронта, который удерживали белоказачьи части, был налицо. Генералу Деникину наконец удалось захватить лидерство в Белом движении на юге. В этих условиях генерал Краснов был вынужден подписать соглашение, положившее начало созданию «Вооруженных сил Юга России», главнокомандующим которыми стал А. И. Деникин. В их состав вошли Добровольческая, Донская и Кавказская (впоследствии Кубанская) армии, а также Черноморский флот. Однако избежать катастрофы Краснову не удалось. 8-я и 9-я армии красных, наступавшие на центральном участке фронта, к концу февраля отбросили деморализованные донские части и вышли на линию Юзовка — Енакиев — южнее Миллерово — восточнее Белой Калитвы. Из 85-тысячной армии генерала Краснова за Северский Донец вырвалось из окружения и отошло не более 15 тысяч человек. Круг спасения Дона отстранил от должности заслуженного генерала и выбрал атаманом угодного Деникину генерала Богаевского. Остатки Донской армии были переданы в полное подчинение главнокомандующему «вооруженных сил Юга России». Началась немедленная реорганизация и пополнение Донской армии за счет мобилизации

донских казаков на территориях, контролируемых Добровольческой армией. Деникину же ценой больших усилий и жертв удалось стабилизировать положение на фронте. Теперь судьба Белого движения в России перешла в руки адмирала Колчака и генерала Деникина.

С большими потугами благодаря борьбе за лидерство в рядах антисоветских и антибольшевистских сил, единство действий белых армий под началом адмирала Колчака все же было достигнуто. Немаловажная роль в этом принадлежала представителям Антанты.

«На нашу дружбу и единение не могут повлиять никакие обстоятельства. Желаю соединиться и встретиться с вами как можно скорее!» — телеграфировал Колчак Деникину в феврале 1919 года.

На эту телеграмму генерал ответил благожелательным письмом. Штабы обеих армий начали координацию своих действий, насколько это позволяли военно-стратегическая ситуация и растянутость линий связи. Главная роль в весеннем наступлении 1919 года отводилась армиям Колчака. Вооруженные силы «Верховного правителя» были сформированы в Сибири. К марту 1919 года они включали в себя Уральскую, Оренбургскую (белоказачью), Западную и Сибирскую армии, Южную армейскую группу — всего 91 тысяча штыков и 26 тысяч сабель, 210 орудий, 1330 пулеметов, 5 бронепоездов. Главный удар Колчака был направлен на Уфу — Самару с целью выхода к Волге и соединения с Деникиным. Главный удар наносила Западная армия генерала М. В. Ханжина. Вспомогательный — на Ижевск и Казань — наносила Сибирская армия генерала Р. Гайды. Так на направлении главного удара штабом Восточного фронта создавалось более чем двойное превосходство в силах и средствах. Им противостояли силы армий красных численностью до 84 тысяч штыков и сабель при более слабом пулеметном и артиллерийском обеспечении.

Колчаковские войска перешли в наступление 4 марта. Прорвав фронт красных армий, расчленив их на две отдельные группы — северную и южную, армии адмирала к началу апреля овладели Актюбинском, Оренбургом, Ор-

ском, Бугурусланом, Бугульмой, Чистополем, Сарапулом, Уфой. Создавались условия для выхода Белых армий Колчака к Волге и соединения их с войсками Деникина.

* * *

Полиция и жандармерия Стамбула были подчинены назначенному британскому коменданту. Общественные организации и профсоюзы турок разогнаны. Военные долги Турции уточнены — 289 млн золотых лир. Подверглись репрессиям национальные организации арабов, армян и даже греков. В Лондоне в кругах верхнего эшелона власти усмехались и поговаривали: «Турция, конечно, не алмаз в короне Британской империи, как Индия, но после наведения порядка заблестит».

Новый турецкий премьер, британский ставленник, санкционировал массовые аресты среди патриотически настроенной интеллигенции Стамбула и Анкары, не склонной к безусловному подчинению Англии. Нижняя палата парламента, в которой прорывались выступления против Антанты и монархические настроения, была распущена уже 21 декабря 1918 года.

К началу 1919 года согласно Мудросскому перемирию турецкая армия сдала войскам союзников 145 тыс. винтовок, 682 пулемета, до 2 тыс. орудий. Хотя во много раз больше оружия разошлось по всей стране. Однако армейские склады в центральной Анатолии сохранялись в полном порядке, и попыток овладеть складами со стороны каких-либо организованных преступных группировок или их разграбления населением не последовало. Массовое уважение турецкого населения к армии сохранялось даже в условиях полного распада Османской империи. Тем временем британцы заняли Мосул и Александретту. В Стамбуле высадились сначала британские, затем французские и итальянские войска. До 16 марта 1920 года, когда была объявлена официальная оккупация турецкой столицы, войска Антанты осуществляли функции «проведения в жизнь Мудросского соглашения». За выполнением его условий «наблюдали»: 41,5 тыс. английских, 59 тыс. французских и 17,5 тыс.

итальянских войск. Формально турецкие войска насчитывали 50 тыс. штыков и сабель. На деле их было во много раз меньше.

До открытия в январе 1919 года общей мирной конференции в Париже Англия и Франция сохраняли за Османской Турцией внешние признаки суверенного государства. Но фактически они готовили условия для изгнания турок «со всеми пожитками, причем не только из Европы» (как писала западная пресса). Английские войска контролировали всю Багдадскую железную дорогу, включая важнейшие туннели в горах Тавра. Во всех крупных средиземноморских и черноморских портах находились английские гарнизоны. Центральная и Западная Анатолия и район Киликии контролировались штабами британских войска в Стамбуле и Багдаде. В Восточной Фракии и в Аданском вилайете расположились французские экспедиционные войска. Наготове были греческие и итальянские части, чтобы высадиться в Анатолии и оккупировать все сколько-нибудь значительные части Малой Азии. Британцы уже «на законных основаниях» заняли Антеб, древний Мараш, Урфу на территории Сирии. Но местные арабы, курды и турки подняли восстание против британцев. Те жестоко подавили эти выступления. Обострилась ситуация в Самсуне и Трабзоне — на черноморском побережье Малой Азии, где Англия поддерживала идею провозглашения греческого Понтийского царства.

Англия и Франция занимали своими войсками наиболее перспективные для них области распадавшейся империи. Стамбул и Армению они решили отдать под мандат США. Были согласованы размежевания в Африке и на Арабском Востоке. Не прошло и месяца, как на исходе февраля 1919 года судьба «больного человека на Босфоре» и османского наследства, казалось, была решена европейскими и американскими душеприказчиками.

Рассчитывая на решение проблемы Западной Армении с помощью Антанты, правительство Армении в феврале 1919 года направило делегацию на Парижскую мирную конференцию. В ее состав вошли А. Агаронян, М. Пападжанян и А. Оганджанян. На очередном заседании конференции Совета десяти в Париже 26 февраля 1919 года был

заслушан лидер армянских дашнаков Аветис Агаронян с требованием к державам обеспечить создание «Армянской демократической республики» с выходом к Черному морю и включением в ее состав части турецких земель в Анатолии. Это вызвало сильнейшее оживление у слушавших его учредителей нового порядка. 14 мая Парижская конференция приняла решение о передаче мандата на Армению Соединенным Штатам Америки. Правительство Армении подготовило необходимые материалы и передало их представителю президента США генералу Дж. Харборду. Однако Сенат США после длительного обсуждения отклонил предложение президента США Вудро Вильсона о принятии мандата на Армению.

Эмир Фейсал из Аравии, еще не Саудовской, но уже проанглийской, требовал примерно того же — исключительно широкого территориально арабского государства к югу от линии Диарбакир — Александретта. Его слушали — не столь внимательно. Союзные державы решили судьбу больших арабских вилайетов как территориально оторванных от остающейся османо-турецкой части. Кроме того, арабы были слишком далеко от Красной (или Белой) России. А вот армяне... Было о чем поразмыслить стратегам из Антанты.

Еще раньше, в марте 1919 года, слово («Покороче, покороче, пожалуйста!» — предупреждал ведущий) было предоставлено лидеру курдских националистов Шериф-паше. Его слушали вообще вполуха, а уж ассирийцев, пытавшихся требовать возвращения на утраченные в связи с войной родные земли, слушать вовсе не стали.

Первые, т. е. непосредственные виновники, вовлекшие Османскую империю в войну: Энвер-паша, Талаат-паша, Джемаль-паша и Джавид-бей — фактически ушли от наказания либо были вне пределов досягаемости. Разрыв отношений турок с немцами положил конец вопросу о выдаче немецкой стороной лидеров младотурецкой партии, скрывавшихся в Германии. На трех публичных процессах в апреле — июле 1919 года были осуждены как «виновники войны», так и «виновники в войне» (военные преступники). Приговорен к смерти арестованный англичанами губерна-

тор Токата Кямилъ Махмуд-паша, инициатор и участник армянской резни 1915 года. Публичная казнь Махмуд-паши через немыслимо позорное для мусульманина повешение стало своего рода искупительной жертвой всего младотурецкого руководства. Мир ислама на Ближнем Востоке содрогнулся от ужаса.

Тем временем, преодолев противодействие командования британских войск в Закавказье, правительство Армении в апреле — мае установило контроль над Карсом, Олти, Кагызваном. Так почти полностью были восстановлены границы Армении 1914 года. Руководство 28 мая объявило страну «объединенной и независимой республикой», заявив, что «для восстановления целостности Армении и обеспечения полной свободы и благосостояния народа Правительство Армении, согласно единой воле и желанию всего армянского народа, заявляет, что с сегодняшнего дня разрозненные части навсегда объединены в независимый государственный союз». В состав парламента Республики Армении были дополнительно введены 12 депутатов — представителей западных армян.

* * *

По всей огромной петле фронтов, охватившей и стягивающей центр европейской Советской России, весной 1919 года развернулась ожесточенная борьба, начался обмен ударами, производимыми белыми и красными армиями с нарастающей силой. Казалось, что петля белых армий и войск Антанты пульсировала на шее молодого революционного государства, то ослабевая, то затягиваясь вновь.

Воспользовавшись тем, что главные силы РККА были втянуты в бои против войск Колчака, генерал Деникин двинул в наступление корпуса Добровольческой и Донской армии. Добровольческая наступала от Ростова на северо-запад. Удары наносились веером — на Мелитополь, Бахмут, Луганск. Целью Донской армии было освобождение от красных верховских станиц Войска Донского. Затем они должны были взять Воронеж. Отдельные части Добровольческой армии (сформировавшие в дальнейшем Кавказскую

армию) наступали на Царицын, Балашов, и ее полки на отдельном участке выше Царицына вышли к Волге. Войсковая группа генерала Эрдели укрепились в степях Калмыкии и подошла к побережью Каспийского моря. Ее целью была Астрахань.

В последней декаде марта корпус Добровольческой армии под началом генерала Май-Маевского занял южный район Донбасса. В корпусе насчитывалось до 6 тысяч штыков и 14 тысяч сабель. Восточнее — в направлении на Луганск — наступал корпус генерала Покровского (дивизии генералов Шкуро и Пржевальского) в составе 12 тысяч штыков и 7500 сабель. Им противостояли части 8-й и 13-й армий общим числом 26 тысяч штыков и 3300 сабель. Правда, их поддерживали отряды партизан-анархистов батьки Махно численностью до 10 тысяч сабель с 20-ю тачанками. И, казалось, силы были равны. Командование Красной армии выделило против корпуса генерала Покровского лишь четвертую часть сил 8-й армии. Основные силы были нацелены на слабейшую, как казалось тогда красным, группу Май-Маевского. Однако белые, в силу подавляющего превосходства в коннице, обладали в несравненно большей степени подвижностью, предприимчивостью и разведкой. Маневр командования красных был ими разгадан. Корпус Май-Маевского временно отступил. Но уже 27 марта войска генерала Покровского перешли в наступление на Луганском направлении и нанесли удар в левый фланг наступающим частям 8-й армии. Этот контрманевр сорвал намеченную операцию красных. Две дивизии 8-й армии вынуждены были изменить направление своего движения. Вместо удара по частям Май-Маевского они вступили в бой с корпусом генерала Покровского. Это, в свою очередь, поставило в тяжелое положение 13-ю армию и соединение Махно. Начальный успех этих войск был быстро сведен на нет казачьей конницей. Ударом кубанской конной группы генерала Шкуро между Мариуполем и Волновахой было нанесено несколько поражений нестойкой в моральном отношении группе Махно. Красные начали отступление по всему Южному фронту. Корпус Май-Маевского в первых числах апреля вновь занял южный Донбасс.

* * *

В том наступлении Космин познакомился с новой тактикой, что применили красные в Гражданской войне. Это случилось на железной дороге под Луганском. Еще в бинокль он увидел дымный шлейф, тянувшийся из трубы паровоза, идущего по железнодорожному пути со стороны города навстречу наступающим частям Дроздовской дивизии. Затем, когда уже оставалось версты три-четыре, офицеры и солдаты двух артиллерийских батарей, направляющихся к городу для поддержки стрелковых полков, слышали дальние гудки тяжелого и мощного локомотива. Отдаленный грохот стальных вагонов, раскаты грома тяжелых орудий сотрясли воздух.

— Господа, да это — бронепоезд! Вам приходилось иметь дело с бронированным паровозом и составом? Это новинка, за которую всерьез взялись большевики, — обратился к офицерам командир батареи штабс-капитан Лукин.

— Что, серьезная боевая машина? — спросил кто-то из офицеров.

Все офицеры обратили стекла биноклей в сторону состава, громыхавшего в отдалении колесами, броней и залпами орудий.

— Еще бы! Это вам, господа, не броневик какой-нибудь. Как минимум две батареи орудий (8–10 стволов), да не меньшее количество пулеметов. И все это на скорости железнодорожного состава, да под прикрытием толстой брони. Ну а на борт такая адская машина может взять сотню-другую стрелков для прикрытия, — отвечал Лукин.

— Будем встречать этот броненосец на колесах? Как прикажете, господин штабс-капитан? — задал вопрос Космин, у которого заныло под сердцем.

— Всенепременно, прапорщик. Приказываю! Быстро развернуть батарею вот в той рожице, что в версте от чугунки. Орудия замаскировать в кустах ветками! Благо зеленью уже обрызгало. Космин, займитесь этим. А я свяжусь с нашей 1-й батареей. Надо предупредить их.

В течение получаса 2-я батарея дивизии была развернута орудийными стволами в сторону железной дороги и замаскирована. Люди приготовились к артиллерийской дуэли с бронированным чудовищем. Состав красных двигался неторопливо и, видимо, успешно обстреливал стрелковые части дроздовцев. Однако это и отвлекло его командира и экипаж. Они не заметили батареи, укрытой недалеко от железнодорожного полотна. Орудия бронепоезда были развернуты на восток и вели огонь по дальним целям. Полотно дороги делало в этом месте поворот на запад. Батарея расположилась южнее состава. Когда до поезда оставалось чуть больше версты, командир батареи приказал зарядить бронебойными и наводить. Поезд медленно полз, громыал броней на стыках, а пушки его методично утюжили позиции дроздовцев где-то в двух-трех верстах восточнее.

— Орудия на прямую наводку! Наво-оди!.. Батарея, по бронепоезду пли! — скомандовал Лукин.

«Б-бах-ах-х-х!» — извергли орудийные стволы.

Какое-то время бронированная паровая машина еще двигалась на юг. Но в бинокли было видно, что красные стали разворачивать башенные пушки.

— Батарея! Огонь! — вновь крикнул Лукин.

Орудия послали снаряды красным очередной раз. Несколько снарядов попало в цель. В составе задымилось два вагона.

— Заряжай гранатами! Прямой наводкой!.. Пли! — орал командир батареи.

Батарея успела дать еще два залпа и явно нанесла чувствительный урон бронепоезду. Тот остановился, развернул орудия на юг и начал класть снаряды по роще. Однако красные явно не видели батареи белых. И в этот момент откуда-то с востока по бронепоезду ударили пушки 1-й батареи дроздовцев. Вероятно, один снаряд попал в паровоз и что-то повредил там. Орудия красных зло огрызнулись. Поезд остановился. По роще ударили пулеметы. Среди артиллеристов сразу появились раненые.

— Прапорщик, немедля оставить позицию! Орудия на передки! Уходим южнее! — прокричал Лукин.

Космин велел исполнять. Орудийная прислуга засуетилась. Пули «максимов» секли и срубали ветви деревьев и кустарников, оперившиеся молодыми листочками, в щепки крошили стволы тополей и акаций. Но орудия были быстро впряжены, а раненые посажены на передки. Через четверть часа батарея Лукина оставила рощу и укрылась в широком логу. Пули и снаряды красных стали безопасны. Но бронепоезд еще минут двадцать поливал рощу.

— Да, вот она — сила бронированных машин и их орудий, тем более на такой мощной тяге, — промолвил Лукин, снимая фуражку и утирая пот на лбу. — Господа, а вы слышали что-нибудь о танках?

— Что-то очень неопределенное и смутное. Танки? Подобие наших броневиков? — спросил Космин.

— О нет, прапорщик! Наши броневики на колесном ходу и не столь маневренны. А французские и британские бронированные машины на гусеничном ходу, и потому бездорожье им не грозит. Двигатели их машин более мощные. Кроме того, у них на борту не только пулеметы, но и орудия, — отвечал командир батареи.

— А что такое гусеничный ход?

— О, неужели вам никогда не приходилось видеть, как передвигается гусеница-сороконожка? Это нечто подобное. У танков гусеница — это стальная лента, набранная из соединенных штифтами стальных ребристых пластин — траков. И таких гусениц две — по левому и по правому борту машины.

— И что ж, на этих машинах вообще нет колес? — с интересом спросил Космин.

— Нет, колеса есть, но они внутри гусеничной ленты, они вращают гусеницы, — рассказывал Лукин.

— Однако, как война двигает науку и прогресс! — произнес кто-то из офицеров.

— Господа, вы еще не имели дело с аэропланами! А вот мне приходилось, — сказал командир батареи.

На следующий день стало известно, что бронепоезд красных был очень сильно поврежден артиллерией дроздовцев и с трудом на малом ходу вернулся в Луганск. Наступление частей Добровольческой армии успешно про-

должалось. За тот бой у железной дороги Космин получил очередное звание и стал подпоручиком. Многие солдаты и офицеры получили тогда награды и повышения.

В степи юга России пришел теплый, солнечный апрель. Вот тогда в верховских станицах Дона и вспыхнуло небывалое по силе и масштабу антисоветское, антибольшевистское восстание. Оно всколыхнуло и потрясло все российское общество, сотрясло основы молодой Советской Республики, заставило большевиков внимательно приглядеться к казачьей и крестьянской основам российской государственности.

* * *

Положение на Восточном фронте было угрожающим. На Дону ширилось и разворачивалось казачье восстание. Войска адмирала Колчака приближались к Самаре, Симбирску, Казани. Остановить наступление Колчака войска РККА под руководством С. С. Каменева не смогли. Образовавшийся разрыв на фронте шириной в 150 км в низовьях реки Вятки закрыть было нечем. Оценив тяжелую ситуацию на Восточном фронте, ЦК РКП(б) во главе с Лениным разработал «Тезисы в связи с положением на Восточном фронте». Были приняты срочные меры по стабилизации положения и разгрому белых армий Колчака. В конце апреля — в мае на Восточный фронт велась переброска значительных воинских сил, вооружения, боеприпасов. К началу мая силы красных на Восточном направлении насчитывали 143 тысячи штыков и сабель, 511 орудий, 2455 пулеметов. Фронт был разделен на Северную группу войск (командующий В. И. Шорин) и Южную группу войск (командующий М. В. Фрунзе). План контр наступления, разработанный Фрунзе, предусматривал разгром основных группировок противника на уфимском и сарапуло-пермском направлениях. Главный удар должна была нанести Южная группа войск из района Бузулука на Бугуруслан, Белебей, Уфу с целью разгрома растянувшихся здесь на фронте в 450 км войск Западной армии Колчака. Северная группа фрон-

тальным ударом на Сарапул и Воткинск наносила удар по Сибирской армии. Для осуществления замысла операции к концу апреля была осуществлена перегруппировка войск. На направлении главного удара было сосредоточено до $\frac{2}{3}$ пехоты, вся кавалерия, конница и артиллерия красных на Восточном фронте.

На должность начальника 25-й дивизии после короткого периода учебы в академии Чапаев был назначен Михаилом Фрунзе — командармом 4-й армией в феврале 1919 года. Дивизию опять формировал сам Василий Иванович в основном из им же собранных частей 22-й Николаевской дивизии и ряда рабочих отрядов. Фрунзе правильно оценил качества военачальника из народа. Тот редко оборонялся и почти никогда не отступал. И оборонительные задачи решал он смело, даже дерзко. В апреле на реке Боровке, севернее Бузулука, боевые действия вела 73-я бригада 25-й дивизии. Фрунзе возложил на бригаду задачу прикрытия района сбора ударной группы Восточного фронта. Группа должна была нанести фланговый удар по белой армии Колчака, наступавшей к Волге. Сбор ударной группы еще не был закончен, когда на Бузулук нацелилась 11-я Уральская дивизия белых. Казалось, 73-я бригада имела пассивную задачу, но Чапаев принял на себя руководство действиями соединения. В предстоящем бою он лично расположил части 73-й бригады: сильные ударные кулаки на флангах и слабую сковывающую группу (два батальона на широком фронте) в центре боевого порядка. Судьба схватки вновь решалась ударом мощной фланговой группы. Чапаев неожиданно перешел в наступление и нанес 11-й Уральской дивизии мощный удар, отбросив ее далеко на север, за реку Кинель.

Боевое новаторство Чапаева не знало шаблонов. Походные движения красных дивизий, как правило, совершались в бригадных колоннах. Но когда 9 мая 1919 года 25-я дивизия двинулась к Бугульме, разведка донесла Чапаеву о встречном движении белых. Он организовал маршевый порядок на широком фронте, приказав бригадам двигаться в полковых колоннах. В итоге белогвардейцы сразу были ох-

вачены превосходящими силами красных полков и понесли поражение по частям. В боях 9–11 мая у селений Татарский Кандыз и Секлетарка были разбиты две дивизии белых.

Фрунзе телеграфировал тогда командованию соседней Туркестанской армии:

«Противник, сосредоточив к востоку от Бугульмы сильную группу, перешел 9 и 10 сего числа в контрнаступление, обрушившись на 25-ю дивизию. В результате двухдневных кровопролитных боев враг разгромлен. Ижевская бригада и 4-я Уфимская дивизия белых понесли тяжелый урон. Красными взято за два дня свыше 2000 пленных, 3 орудия, много пулеметов и другого оружия. Остатки разбитого врага стремятся спастись поспешным отступлением на восток...»

* * *

Еще в сентябре 1918 года Али был ранен пулей в левое плечо в том памятном бою под Орловкой, когда сам Чапай вел кавалерийский полк в атаку под шквалом пулеметных очередей. Недолго парень валялся в лазарете в Николаевске. Молодость и задорный характер взяли свое. Не долечился он и сбежал в свою дивизию. Рана побаливала, особенно вечерами и в плохую погоду, но он не обращал внимания. Главное — его окружали верные друзья-товарищи. Правда, дивизия временно не вела боевые действия, может, оттого, что Чапая послали на учебу в Москву — в Академию, а может, потому, что на осень и начало зимы пришлось сильная распутица и лили затяжные холодные дожди. Но в январе выпал снег, грянули морозы, установилась сухая, солнечная погода. На Южном фронте — на Дону — Красная армия наступала и гнала белых казаков. Слухи об этом приходили в Николаевск самые радостные. А тут в феврале возвратился сам Чапай, и закрутилось...

Новенькая черкеска у Али полиняла и оборвалась, бешмет выцвел. Большая туркестанская папаха потерялась еще в бою под Орловкой. Мягкие сапоги украли, пока он был лежачим в лазарете. Но Али не унывал. Добыл себе сапо-

ги солдатские, кирзовые, папаху хоть и старую, но кубанку. А главное, кинжал, шашка-гурда и винтовка были всегда с ним.

Как-то в начале апреля заскучал Али по своей Чулпан. Решил проведать и посватать ее. Отпросился у Салима на четыре дня и ускакал с двумя своими друзьями в знакомый аул, что на реке Камелик. Один друг его — татарин-строитель Керим, другой — русский Митрохин (а попросту Митроха, из русских пастухов). Все при винтовках, шашках, гранаты на поясах. Пусть попробует хитрый Абдула — отец Чулпан отказать такому зятю. Обойдется и без калыма. Весело проскакали они сохнувшей весенней степью на юго-восток сто верст от Николаевска. Были, правда, насто-роже, потому, что нет-нет да появлялись в тех местах казачьи разъезды. Ночевали в степи у костерка, что развели в логу. В аул прибыли к вечеру следующего дня. Людей на улице мало: бегали мальчишки, сидели возле домов старики. Подъехали к дому, где жила Чулпан. Спешились. Винтовки — наизготовку, затворы передернуты. Кто знает, есть ли белые в ауле. Керим подошел к плетню, позвал Абдулу. Тот степенно, неторопливо, но с опаской вышел. В левой руке — камча, правая — за пазухой телогрейки.

— Кого привел Аллах к моему дому в этот вечерний час? — спросил он.

— Здравствуй Абдула, долгих лет жизни и здоровья тебе и всей твоей семье. Это я — Али, бывший чабан Юлдузбаева.

— Аллах милостив. Благодарю и тебя. Что хочешь, Али? Что привело тебя к моему дому?

— Помнишь ли, узнаешь ли меня, Абдула?

— Помню тебя мальчишкой, чабаном. А теперь ты — аскер! Слышал я, что ты ушел к красным и воюешь у Чапая?

— Да, я у красных. Прости, что нарушаю наш закон, Абдула, но я хочу увидеть Чулпан и поговорить с ней. Ты отец, будешь стоять недалеко и видеть все.

— Зачем тебе моя дочь, Али?

— Я хочу спросить ее при тебе и при моих товарищах, пойдет ли она замуж за меня?

— Ты опоздал, Али. Чулпан уже сосватана и выдана замуж за одного именитого человека. Слава Аллаху! — и огладил свою бороду левой рукой, не оставляя камчи.

— Ты лжешь, Абдула! — воскликнул Али и вскинул винтовку.

— Аллах свидетель! В моих словах одна правда. Убьешь меня, тебе отомстят, — ответил Абдула и вытянул револьвер из-за пазухи.

— Где теперь живет Чулпан? В каком она ауле или городе, отвечай! Иначе сожгу твой дом! — закричал Али, в голову которого от волнения ударила кровь.

— Ступай отсюда, красный аскер! Не услышишь от меня более ни единого слова! Иншаллах! — произнес Абдула и, развернувшись, твердо пошел в дом.

Али скрипнул зубами, влетел в седло.

— Ну, погодите же, белые сволочи! Я еще весь ваш аул поставлю на дыбы! — прокричал он и огрел плетью коня.

Кривые улочки тихого степного башкирского аула огласил топот копыт. Три всадника оставили его, кони унесли их в степь — на северо-запад, в Красную армию.

* * *

Вновь весна утвердилась в степи. Тянул южный ветерок. Вечернее солнце бросало прощальные, теплые ласковые блики на лица людей, тускло поблескивало на стволах орудий, сияло на гранях примкнутых штыков. Офицеры обосновались на биваке у костерка, под открытым небом. Небольшой котел с картошкой булькал кипящей водой, закипал на открытом огне. Пили самогон, обмывали звездочки Космина и еще двух произведенных офицеров артиллерийских батарей дроздовской дивизии. Навестить и поздравить Кирилла приехал Петя Усачев.

— А что, господа, броневики, бронепоезда, танки, аэропланы, аэростаты — яркая страница современной войны и прогресса, — рассуждал подвыпивший командир 2-й батареи Лукин.

— Да, сложно представить, что ожидает человечество в грядущих войнах, — промолвил Космин в задумчивости. —

Ведь войны не прекратятся почти до Страшного Суда, как свидетельствует Библия, — добавил он негромко.

— Отчего же сложно представить? Скорее наоборот. Грядущее человечество будет воевать, и войска будут уничтожать противника, не сближаясь с ним в штыковых или в кавалерийских сшибках, с расстояния в десятки, сотни верст. Будут изобретены и опробованы новые артиллерийские системы, аэропланы, танки и ракеты, наконец. Господа, вы слышали о ракетах? — стал рассказывать представленный к званию молодой поручик Константинов из 1-й батареи.

— Ракетницы? Неоднократно видели на германской войне, — отвечал Лукин. — Это сигнальная система.

— Нет, господа, ракеты — это оружие, которое уже применяли в русской армии в прошлом веке. Его применяли неоднократно и успешно. Но оно дорогостоящее, — отметил молодой поручик.

— Уж не знаю о ракетах, хотя рассказывали в юнкерском училище... но, господа, животрепещущим делом нашей российской внутренней войны, как ее именуют, «гражданской», становится и далее, поверьте мне, все сильнее будет сказываться дело применения кавалерии, а еще точнее — конницы, — отметил Лукин.

— Помилуйте, господин штабс-капитан! Донская казачья конно-кавалерийская (по своему основному составу) армия разгромлена пулеметами, артиллерией, броневиками и бронепоездами красных, — с удивлением и упреком произнес Усачев и поерзал, сидя на кавалерийском седле, положенном на землю. — Поэтому думаю, что наш успех будет в значительной степени зависеть от военно-технической помощи союзников по Антанте.

— Да-с, поручик. Но, поверьте, скоро красные сами используют многовековой опыт казаков. А тут еще и современная армия анархистов этого Махно из Гуляйполя. Вы слышали о тачанках? Ведь это же надо догадаться пулемет «максим» укрепить на легкой четырехколесной повозке. В тачанку запрягают тройку, а то и четверку коней. Пулеметы на быстрых колесах... Десять таких тачанок могут

легко остановить лаву кавалерийского полка или даже бригады. Уже опробовано... — стал рассказывать Лукин.

— Невероятно! — воскликнул Усачев.

— Вообще эта наша Гражданская война ведет Россию дорогой анархии и архаизации военного дела, — отметил Космин. — Подумать только, возрождение и широкомасштабное использование кавалерии и конницы.

— Это вполне объяснимо, подпоручик, при необъятных российских территориях, большой мобильности и подвижности противоборствующих коалиций, — подметил Лукин.

— Прибавим к этому разоренную промышленность, отсутствие налаженных финансовых систем и недостаток материальных средств у всех правительств, которые существуют ныне на территории России, — отметил Константинов.

— Нас ожидает возрождение конно-кавалерийских дивизий и даже целых армий, — сказал Лукин.

Разговор еще долго вращался вокруг подобных тем, но Кирилл подсел поближе к Петру и заговорил с ним о Жене. Петя стал ему не только другом, но с некоторых пор и родным человеком. Усачев недавно опять побывал в Ростове и явно привез какие-то новости.

— Ба, дружище, да у меня к тебе письмо от нее. Совсем забыл с этой попойкой. На, читай, — с этими словами он достал из кармана новенькой гимнастерки запечатанный конверт и передал Кириллу.

В прыгающих бликах пламени костра Космин узнал почерк любимой женщины и с трудом начал читать. Разговор сослуживцев и друзей не мог отвлечь его.

— «Милый мой! Желанный, здравствуй! Петя передаст тебе это письмо, когда я с отцом уже уеду из Ростова. — Сердце у Кирилла упало, в глазах померкло. — Но ты поймешь меня, любимый. Теперь мне уже нельзя оставаться в этом городе. Слишком близко война. Раньше это было можно, но теперь нельзя, все изменилось. Думаю, ты с радостью должен принять это известие. После наших трепетных отношений, что начались между нами со Святюк, я по-

несла. У нас будет ребенок...» — сердце у Кирилла рванулось и, казалось, чуть-чуть не выпрыгнуло из груди.

— Боже, что это!?! Как это!?! Я буду отцом!.. Что это? Я знаю, что значит быть сыном, братом, пасынком, кем угодно. Но быть отцом?.. — пронеслось в голове Космина.

* * *

Дальнейшая борьба без вливания свежих сил, новых подкреплений была немыслима. И здесь в сильнейшей степени начало сказываться влияние антисоветского Вешенского восстания — уже не только в отношении моральной и политической поддержки белых, но как фактор, отвлекающий значительные силы красных с Южного фронта. К началу мая восстание охватило громадный район. Численность восставших к концу апреля доходила до 30 тысяч бойцов при 27 пулеметах и 6 орудиях. Их действия далеко перехлестнули границы Вешенского района. Повстанцы покушались на коммуникации и линии связи красных армий, грабя обозы, нарушая железнодорожное сообщение, затрудняя управление армиями, главным образом 9-й. Наличие такого крупного и территориально, и по числу бойцов района восстания, служившего магнитом для белых, сказалось и на всем последующем ходе операций фронта.

Из-за разрозненности действий красных армий фронта и крайне слабой их моральной устойчивости Добровольческая армия начала проявлять широкую стратегическую активность и, умело маневрируя своими конными частями, всюду имела успех и укрепляла свое положение. Весной 1919 года перед белым командованием вновь встал все тот же вопрос: куда и где наносить главный удар? Положение, которое заняла 10-я армия красных на Маныче, заставляло белых невольно принимать все меры для противостояния ее угрозе с северо-востока. И это тоже заостряло вопрос о направлении главного удара, и еще сеяло великие сомнения в стане белых. В этом вопросе столкнулись точки зрения двух самых крупных лидеров Белого движения — Деникина и Врангеля. Эти разногласия, возникшие вначале на принципиальной почве, скоро перешли в чисто личные, не-

прияженные, а затем и прямо враждебные отношения, которые в дальнейшем вылились в борьбу за власть, а затем решили судьбу Белого движения.

Генерал Врангель, к тому времени командующий Добровольческой армией, которому был подчинен Май-Маевский, считал единственно правильным и главнейшим направлением на Царицын, имея в виду установление связи с Колчаком. Для этого он не останавливался перед сдачей красным каменноугольного Донецкого района, в котором, по его мнению, белым все равно было не удержаться. Всю Добровольческую армию, по мнению Врангеля, следовало перебросить на Царицынское направление и, прикрываясь Доном, вести наступление ее силами.

«КОМАНДУЮЩИЙ КАВКАЗСКОЙ
ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИЕЙ

4 апреля 1919 года

№ 82

город Екатеринодар

СЕКРЕТНО

*Главнокомандующему Вооруженными Силами
на Юге России*

Рапорт

Прибыв в Екатеринодар после болезни и подробно ознакомившись с обстановкой, долгом службы считаю высказать следующие мои соображения.

1. Главнейшим и единственным нашим операционным направлением, полагаю, должно быть направление на Царицын, дающее возможность установить непосредственную связь с армией адмирала Колчака.

2. При огромном превосходстве сил противника действия одновременно по нескольким операционным направлениям невозможны.

3. После неудачной нашей операции на Луганском направлении мы на правом берегу Дона вот уже около двух месяцев лишь затыкаем дыры, теряя людей и убивая в них уверенность в своих силах.

4. В ближайшем месяце на севере и востоке России наступает распутица, и, вопреки провокационному заявле-

нию Троцкого о необходимости перебрасывать силы против армии адмирала Колчака, операции на этом фронте должны приостановиться и противник получит возможность перебросить часть сил на юг. Используя превосходство сил, противник сам перейдет в наступление от Царицына, причем создастся угроза нашей базе.

5. Необходимо вырвать, наконец, в наши руки инициативу и нанести противнику решительный удар в наиболее чувствительном для него направлении.

На основании вышеизложенных соображений полагал бы необходимым, отказавшись от активных операций на правом берегу Дона, ограничиться здесь лишь удержанием линии устье Миуса — станица Гундоровская, чем прикрывается железная дорога Новочеркасск — Царицын. Сокращение фронта на 135 верст (0,4 фронта, занимаемого ныне до Гундоровской) даст возможность снять с правого берега Дона находящиеся здесь части Кавказской Добрармии, использовав их для действий на главнейшем направлении. В дальнейшем, наступая правым флангом, наносить главный удар Кавказской Добрармией, действуя от Торговой вдоль железнодорожных линий на Царицын, одновременно конской массой в две-три дивизии обрушиться на степную группу противника и по разбитии ее двинуться на Черный Яр и далее по левому берегу Волги в тыл Царицына, выделив небольшую часть сил для занятия Яшкульского уезда и поднятия сочувствующего нам населения Калмыцкой степи и низовья Волги. Время не терпит, необходимо предупредить противника и вырвать у него столь часто выпадаемую нами из рук инициативу.

Генерал-лейтенант *Врангель*».

Деникин резко возражал против этого предложения. Он считал, что донцы не смогут удержаться ни одного дня на правом берегу Дона и Красная армия получит полную возможность ударить в обнаженный фланг Донской армии. Так красные смогут выйти на Ростовское направление: «... план этот (генерала Врангеля) приводил к потере не только каменноугольного бассейна, но и правобережной части Донской области с Ростовом и Новочеркасском, к демора-

лизации Донской армии и к подрыву духа восставших казаков Верхнедонского округа».

Далее Деникин рассуждал: «...я хотел удержать в наших руках Донецкий бассейн и северную часть Донской области по соображениям моральным (поддержание духа Донского войска и восставших казаков), стратегическим (плацдарм для наступления кратчайшими путями к Москве) и экономическим (уголь). Я считал возможным атаковать или, по крайней мере, сковать действия четырех большевистских армий севернее Дона и одновременно разбить 10-ю армию на Царицынском направлении. А наше победоносное наступление, отвлекая большие силы и средства Советов, тем самым облегчало бы в значительной степени положение прочих белых фронтов».

Таким образом, Деникин считал очень важным остановить действия красных сил на Царицынском направлении, но он не считал возможным отказываться при этом от защиты Донбасса и Дона, которые должны были послужить ему исходными районами для наступления на Москву. Если вспомнить, что именно к этому периоду времени (вторая половина апреля 1919 года) относится развитие Уфимской операции армий Колчака, то легко понять серьезность того положения Советской власти, в котором она оказалась в результате реального взаимодействия двух фронтов контрреволюции. Но это взаимоотношение достигалось вовсе не выходом главных сил белых на Юге именно на Царицынское направление. Оно не достигалось и соединением крайних флангов Колчака и Деникина (как бы слабы или сильны они ни были). Но оно достигалось нанесением красным решающих ударов, решительных поражений, увязанных во времени с развитием успеха в овладении наиболее важными, жизненными центрами Республики Советов. На Южном фронте это были Донбасс и Орловское направление, а не Царицынское, несмотря на исключительную важность Царицына и на то значение, которое мог бы иметь захват белыми Царицына в период времени, когда наступление Колчака и Врангеля не успело выдохнуться.

Итак, Деникин остался, в общем, при своем прежнем плане действий, но начал принимать решительные меры,

чтобы отвязаться от угрозы со стороны Царицына. 27 (14 по старому стилю) апреля он предложил барону Врангелю, который после выздоровления от тифа находился в Екатеринодаре, объединить командование всем Маньчским фронтом. Врангель выставил условием переброску на Царицынское направление всего штаба и органов снабжения Кавказской (Добровольческой) армии. Тогда Деникин решил лично принять руководство операциями на Маньч и 1 мая (18 апреля) переехал из Екатеринодара в Тихорецкую. К 3 мая (20 апреля) сосредоточение войск Маньчского фронта было закончено, и Деникин отдал директиву «разбить и отбросить противника за Маньч и Сал». А группе Улагая — развить успех, перехватив железную дорогу. 4 мая началось наступление белых, и к 8 мая 10-я армия с упорными боями отошла за Маньч.

Тем временем напор красных на северо-западе на корпус Добрармии Май-Маевского становился все отчаяннее. 8 мая (25 апреля) начальник штаба доносил, что Май-Маевский склонялся к решению об общем отходе корпуса. Генерал Врангель в тот момент указывал: «В случае полной невозможности удержать фронт отходить, прикрывая Иловайскую, в Таганрогском направлении». Деникин решил, однако, сохранить фронт и не давать директиву об отступлении.

После отхода 10-й армии за реку Маньч из войск Царицынского фронта была образована новая Кавказская армия. Во главе армии был поставлен барон Врангель (на этот раз согласно его желанию), а командиром прежней Кавказской Добровольческой армии, переименованной в Добровольческую, был назначен Май-Маевский, от которого, как пишет Деникин, «с тех пор тревожных сведений не поступало».

Между тем на фронте Донской армии 5 мая конница генерала Секретова сбила части левого фланга 8-й армии красных и прорвалась в направлении на Белое, ввиду чего командарм 8-й отдал приказ об отходе от Луганска в северо-западном направлении (на линию Белое — Желтое, ближе к станции Родаково). Части Добрармии быстро заняли Луганск.

Тем временем 9-я армия приступила к выполнению директивы командюжа от 30 апреля № 3442, согласно которой она должна была овладеть железнодорожным участком Лихая — Звереве и выйти на фронт Гундоровская — Звереве. В течение 6–9 мая ударные группы 16-й армии и 23-й дивизии, преодолевая упорное сопротивление, с трудом продвигались в указанный им район. Там они встретили ожесточенное сопротивление и под давлением белых отошли в исходное положение. Весь комсостав наступающих групп, до командиров рот включительно, выбыл из строя. В некоторых полках осталось по 120 штыков. Белые потеснили части 8-й армии красных, бросив свою стремительную конницу через Белое на Родаково 7 мая. Это вынудило 8-ю армию к 10 мая отойти далее на север. В тот же день конница белых переправилась через Донец севернее станицы Гундоровской. В середине мая 8-я, 13-я и 2-я Украинская армии еще пытались восстановить положение на Донбассе, был даже вновь взят Луганск.

Но в тылу красных армий широкой волной разливались крестьянские и казачьи восстания. Атаман Григорьев поднял новое восстание, захватившее Елизаветград, Знаменку и Александрию. Красным предстояло неизбежным столкновение с Махно, поведение которого становилось вызывающим. По всей Украине действовали «атаманы», не признававшие никакой власти. Хотя эти восстания были ненадежной союзной силой для Деникина, но они расстраивали фронт красных армий, и главнокомандующий силами Юга решил ими воспользоваться.

Будучи, видимо, хорошо ориентирован в состоянии тылов Южного фронта через своих агентов, Деникин двинул свои армии в решительное наступление в следующих направлениях:

а) Освободившиеся части белых на Северном Кавказе после разгрома войск Каспийско-Кавказского фронта должны были выделить отряд для движения на Астрахань.

б) Кавказская армия (так были названы части, действовавшие на Царицынском направлении) получила задачу взятия Царицына.

в) Донской армии было приказано разбить Донскую группу красных войск и, наступая на линию Поворина — Лиски, очистить от красных войск север Донской области, причем, войдя в связь с восставшим Вешенским районом, армия должна была отрезать район Царицына от Поворина.

г) Наконец, Добровольческая армия имела наиболее ответственную задачу по разгрому 13-й и 8-й армий на путях к Харькову.

Таким образом, белые упредили красные армии Юж-фронта в начале активных действий. Разновременность действий красных армий, попеременное проявление ими активности позволили белым широко пользоваться подвижностью своих частей и перебрасывать их на любое направление по мере возникновения надобности в этом.

Первый удар был направлен против Махно и 13-й армии. К 23 мая задача эта была выполнена. Части Махно, а за ними и 13-я армия были отброшены на запад и на северо-запад.

* * *

Кони идут шибкой рысью, катя орудия по утопанной и уже пыльной грунтовой окольной дороге на Бахмут. Жарко и ярко заливая все своими лучами, слепя глаза, на синем небосводе сияет высокое солнце конца мая. Южный порывистый, теплый ветер в спину и в левый бок. Вдоль дороги тут и там пирамидальные тополя шелестят под ветром серебристо-зеленой листвой. Где-то далеко на северо-востоке, как горы, высятся пирамидальные отвалы земли, вывернутые из глубин подземных угольных шахт на Божий свет. Грохочут передки и зарядные ящики. Космин вслед за Лукиным погоняет коня, слегка пришпоривая его и понукая поводами. 2-я батарея дроздовского артдивизиона в деле. Рядом по обочинам наметом одна вслед другой, обгоняя батарею, колоннами летят сотни кубанской конницы. Кони храпят, ржут. Усатые и бородатые казаки в черкесах и бешметах, в лохматых папахах, кинжалы и шашки в серебре на поясах, лихо погоняют коней, свистят, вытягивают клинки, снимают винтовки из-за спины, передерги-

вают затворы. Земля катится под копыта лошадей. Из-под кованых копыт пыль и ошметки земли. Пахнет дымом и гарью. Впереди горят постройки какого-то небольшого придорожного хуторка.

Разрывы снарядов слева от дороги разворачивают вспаханную землю и зреющие зеленя, осыпают казаков и батарею комьями и осколками. Кони шарахаются в сторону. Рядом стонет раненый.

— Со-отня! Вертай коней вправо! За мной, рысью марш-марш! — орет подъесаул в черной черкеске и белой лохматой папахе, указывая гурдой на юго-запад.

— Батарея! Слу-ушай! Сводите коней с дороги вправо! Идти вслед коннице! — командует Лукин.

— Лошадям орудия по пашне тащить, господин штабс-капитан! — предупреждает Космин.

— Знаю, подпоручик. Дорогу-то они, верно, хорошо пристреляли, сукины дети! Научились ведь стрелять из пушек! — кричит в ответ Лукин.

— Научили, наверно, — поправляет Космин, съезжая вслед за командиром батареи с дороги.

Зреющая пшеница хлещет коней по бабкам и коленям. Тысячи лошадиных копыт топчут ее.

— Вот она, война! Ведь свои же хлеба травим! — мелькают мысли в голове Кирилла, и далекие детские воспоминания и образы родных полей, полных зреющей пшеницы в их поместье на Тамбовщине, вдруг осеняют его.

Кирилл, потрянув головой, отгоняет воспоминания. Зреющее пшеничное поле быстро плывет и качается перед глазами. Верстах в трех севернее показываются пригородные хаты с соломенными крышами. Слева, с высот, с версту от батареи ударили пулеметы противника. Бьют по казачьей колонне, но неточно.

«Б-ба-ахх!» — рвется граната над казачьими сотнями метрах в ста от артиллеристов. Раненая казачья лошадь ржет, встает на дыбы и валится на бок, подмяв верхового. Казаки рассыпаются по полю.

— Батарея! Погоняй! Марш, марш! — орет Лукин.

— Подпоручик, головное орудие вон на тот курган! Я — смотреть, что там копаются сзади! — кричит он Космину,

указывая концом нагайки на высотку метрах в ста пятидесяти северо-восточнее.

Космин пришпоривает коня и скачет к головному орудью. Артиллеристы быстро разворачивают лошадей и направляют их туда, куда указывает офицер. Кирилл несется впереди. Недалеко в спеющих хлебах стоит еще разгоряченный конь под дорогим казачьим седлом. Он похрапывает, ржет, и, опуская голову, обнюхивает павшего.

— Криницын, слетай-ка, братец, туда, посмотри, живой ли! — кричит Космин заряжающему на всем скаку. — Если ранен, тащи его на батарею!

— Есть, вашбродь! Исделаем! — в ответ ему.

Ветер свистит в ушах. Конский топот. Погромыхивают передок и ящики. Свист кнута. Молотят пулеметы. Рвется граната. Вдали левее кубанцы разворачиваются в лаву и слышится:

— Ура-а-а!

Он влетает на курган. Пенсне болтается на шнурке. Бинокль к глазам. Разгоряченный конь переступает с ноги на ногу, мешает всмотреться. Кирилл похлопывает, поглаживает его по шее, по холке, успокаивает. Всматривается. С высоток бьют три пулемета, а на склоне разворачивается батарея красных.

— Расчет, быстрее установить орудие! Развернуть вот туда, на запад! Быстрее! — командует Космин.

Артиллеристы спрыгивают с коней, с передка, с лафета. Бегут, отцепляют, катят, разворачивают.

— Наводи на ту высоту! — указывает он концом кнута. — Заряжай! Наводи! Прицел 27! Нет — 28! — вновь командует Космин, вглядываясь в стекла бинокля. — Огонь!

Земля слегка дрожит под ногами. Клубится пороховой дым. Подкатывают другие орудия батареи. Лукин командует сам. Орудия бьют по высотам у города. Кирилл вглядывается в стекла бинокля. Разрывы снарядов вспахивают высоты. Два пулемета противника смолкают. Но открыла огонь его артиллерия. Снаряды рвутся по склону кургана. Вздывается вверх и сыплется земля на головы артиллеристов. Сердце стучит, молотит в груди... Артиллерийская

дуэль! Космин разворачивается на север и видит, как казачья лава врывается на окраины города.

У подножия кургана встает 3-я батарея их дроздовского артдивизиона. Орудия развернуты и всеми стволами отрывают огонь по артиллерии противника. Бой идет уже около часа. Но Космину кажется, что прошло всего минут десять...

В бинокль видно, что цепи красных пытаются контратаковать в правый фланг кубанцев. В громе боя Космин зовет Лукина и показывает ему туда плетью. Командир батареи кивает головой, велит развернуть два орудия и бить по стрелковым цепям противника. Орудия развернуты и извергают огонь. Клубится пороховой дым. В воздухе завеса пыли и гари. Но в бинокль сквозь разрывы дыма и пыли видно, что красная пехота отходит. Космин снимает фуражку и вытирает высокий вспотевший лоб платком...

* * *

С потерей 1 июня красными Бахмута 13-я армия перестала представлять собой какую-либо серьезную опасность для белых в силу своего почти полного разложения, равно как и части Махно, который никогда не внушал доверия красному командованию. Белые, таким образом, получили возможность совершить крупные переброски к своему центру и на правый фланг, что и определило их дальнейшие цели на всем фронте. Несмотря на успехи, командование белых проявляло все же крайнюю осторожность в реализации планов своих операций. Обеспечив себя на левом фланге, белые, прежде чем перейти в решительное наступление на своем главном направлении (против 9-й армии), сделали все необходимое для обеспечения этой операции с правого фланга. Конница Мамонтова 21 мая заняла станицу Великокняжескую, чем вынудила 10-ю армию начать отход. Правый фланг этой армии отошел к станице Каргальской, что определило наличие разрыва протяжением около 100 верст между флангами 9-й и 10-й армий. Тогда, вводя в действие свежие силы, белое командование приступило к своей главной операции — соединению с Вешенским районом.

В ночь на 25 мая конные части генерала Секретова прорвались у Нижне-Сазонова и, отбивая все попытки перехода в контратаку со стороны 16-й дивизии красных, развили успех и последовательно заняли Дубовый, Нижний Ерохин и Гусев. Этот прорыв сопровождался крупными потерями, нарушением связи между войсковыми соединениями, разрушением управления частей Красной армии. Вдоль железной дороги Лихая — Царицын одновременно наступал 2-й Донской корпус, движению которого содействовала конница генерала Мамонтова. Части 9-й армии, неся тяжелые потери в численности и в материальной части, отходили медленно и с упорными боями. Слаженность действий отдельных частей Добрармии и донских казаков, нарушение управления у красных, враждебное состояние ближайших тылов определили катастрофу советской власти на юге. Уже 31 мая белые заняли Миллеровскую и Криворожий, безудержно стремясь к соединению с восставшими. Это удалось им 7 июня. Все это обусловило дальнейший общий отход всех красных армий Южного фронта.

* * *

Тем временем Антанта и Белое движение попытались завязать еще один узел в петле, стягиваемой на шее советской власти в России. На Северо-Западном направлении в Эстонии после ухода оттуда немцев под покровительством Антанты сложилась сильная группировка белых под руководством генерала Юденича. Начало его наступлению на Петроград со второй половины апреля было положено боевыми действиями союзной Юденичу финской «Олонецкой» добровольческой армии (численностью в 2 тыс. штыков) на олонецко-петровском направлении. Оттеснив части Красной армии, финны заняли Олонец и вышли к Лодейному полю. Этим они отвлекли значительные силы красных на север от Петрограда. Ввязавшись в кровопролитные бои, красные лишь в начале мая отбили Олонец обратно. Но руководство Красной армии оставило для прикрытия Олонца значительные силы.

И тут в середине мая со стороны Нарвы на Петроград перешел в наступление «Северный корпус» генерал-майора К. К. Дзержинского. Его поддержала 1-я Эстонская дивизия, действовавшая при поддержке английской эскадры и экспедиционного корпуса адмирала Коуэна. Под рукой британского флотоводца было 32 вымпела с морской пехотой на борту и 12 подлодок. Южнее — на Псков — по красным ударила бригада генерал-майора Булак-Балаховича и 2-я Эстонская дивизия. В общей сложности Юденич располагал силами до 16 тыс. штыков, 41 орудием и двумя бронепоездами. В Лужской губе и Копорском заливе были высажены десанты британской морской пехоты. Прорвав оборону Западного фронта южнее Нарвы, силы Юденича овладели Псковом, Гдовом, Ямбургом. В конце мая «Северный корпус» подошел к Луге, Ропше и Гатчине. Так белые приблизились к фортам «Красная Горка» и «Серая лошадь» 11–12 июня. Но мощные тяжелые орудия береговой артиллерии молчали. Там вспыхнул мятеж балтийских матросов, не желавших проливать кровь за Советы.

ЦК РКП(б) срочно стягивал силы для обороны бывшей столицы империи. Совет Обороны Республики обратился к народу с воззванием «Все на защиту Петрограда». В обращении говорилось и об участии в наступлении на стороне Юденича войск Антанты, белофиннов и белоэстонцев. Этим подчеркивался национальный характер российской революции и Гражданской войны, которая все более становилась не интернациональной, а оборонительной и справедливой. Красная армия Западного фронта была значительно усилена: ее численность достигла 81 тыс. штыков, 252 орудий, 700 пулеметов. Ей придавались 8 броневиков и несколько десятков аэропланов (для ведения разведки). Кроме того, сухопутные силы поддерживались со стороны Финского залива Балтийским флотом (10 вымпелов, включая 3 линкора и 1 крейсер) и со стороны Онежского озера (24 корабля Онежской флотилии). Контрнаступление красных началось 16 июня, когда 7-я и 15-я армии под командованием Д. Н. Надежного штурмом взяли мятежные форты Балтийского флота. Атаки на хорошо вооруженные бетонные форты стоили красным большой крови. Но 21 июня

после перегруппировки сил обе армии перешли в общее наступление. Первый удар нанесли севернее Петрограда — по финнам. В конце июня финны были разгромлены у реки Видлицы и отброшены к границе. Лишь в августе после тяжелых, тяжелых боев были взяты Ямбург и Псков. Юденичу удалось удержать Нарвско-Гдовский плацдарм. Советы отстояли имперскую столицу — Петроград. Западный фронт временно замер.

* * *

Положение на правом фланге Красных армий Южного фронта было похоже на катастрофу. Командование красных не имело никакого реального представления о положении дел там. Распоряжение Главкома от 11 июня № 3819 оп. о присоединении к Южному фронту 12-й армии Западного и объединении действий этой армии с действиями 14-й не принесло существенных результатов. Предполагалось путем организации ударной группы из двух армий в районе Синельниково и выхода этой группы на фланг Добарармии в район Славянск — Юзово остановить наступление белых на Харьков и вывести из-под ударов 8-ю и 9-ю армии. В дальнейшем та же группа должна была продолжать наступление и вернуть Донецкий бассейн. Попытка эта не удалась с самого начала. Корпус Шкуро, нанеся крупное поражение Махно под Гуляйполем, был брошен командованием белых против 14-й армии в Екатеринославском направлении и вынудил эту армию отходить к Днепру.

Таким образом, к середине июня оба фланга и центр Южного фронта находились в состоянии безнадежного отхода. Белые всюду теснили красных, развивая наибольший успех против 9-й армии и обеспечивая оба своих фланга. Тяжелые испытания выпали на долю 9-й армии. Мамонтовская группа 18 июня вышла уже восточнее железной дороги Поворино — Царицын и здесь, разделившись, пошла по двум направлениям: одна часть — вверх по реке Медведице, другая — в тыл Царицыну. Вторая группа Донской армии форсировала Дон у Калитвы и шла прямо на реку Хопер и по ней на Поворино. И наконец, третья группа пе-

решла Донец у Юго-Восточной железной дороги и направилась на Воронеж, всюду тесня перед собой части 8-й армии. Окончательное поражение 9-й армии было нанесено у станции Зимняцкой, где была окружена 23-я дивизия и уничтожены 199-й и 201-й полки красных. Остатки дивизии отошли к станции Арчединской. К 23 июня вся обескровленная и потрепанная в боях 9-я армия отошла на северо-запад к линии рек Терса — Елань.

На левом фланге генерал Май-Маевский, не опасаясь за свое левое плечо, смог развить дальнейшее наступление на север. На Харьковском направлении были сосредоточены 1-й армейский корпус генерала Кутепова (лучшие добровольческие части) и Терская дивизия генерала Топоркова. Безостановочно наступая и тесня перед собой части 13-й и 8-й армий, Терская дивизия 14 июня заняла Купянск, затем, выйдя в тыл Харьковской группе красных, 23-го овладела Белгородом. А на другой день после ожесточенных боев в течение пяти часов левая колонна генерала Кутепова ворвалась в Харьков. Однако начали обнаруживаться и симптомы уклонения от выполнения основной цели — стремления на север. Увлечшись преследованием красных, части белых стихийно распространились на запад помимо воли командования. Конница Шкуро по своей инициативе заняла Екатеринослав. Да, теперь оба фланга белых армий уперлись один в Волгу, другой в Днепр, занимая пространство, которое требовало новых сил и средств для ведения дальнейших операций. На нижней Волге 10-я армия красных, с самого начала кампании предоставленная сама себе, дралась на подступах к Царицыну и только 30-го июня вынуждена была очистить город и отойти на север.

Теперь Деникин по внешним стратегическим признакам мог считать свое положение блестящим. Вся Донская область была очищена от красных. Царицын, этот стратегический камень преткновения многочисленных попыток белых, наконец был взят. В центре Донская армия стояла на подступах к Воронежу. Причем перед ее фронтом располагались слабые, мало боеспособные, измученные тяжелым отступательным маршем части красных. Харьков и вся Слободская Украина — в руках белых. Левобережная Украина

также ложилась под ноги Добровольческой армии. И тогда, упоенный блестящими успехами, а главное широчайшими перспективами, генерал А. И. Деникин, сидя в Царицыне, под звон колоколов отдает свою **судьбоносную, трагическую, решающую Московскую директиву**. Она датирована 20 июня старого стиля и 3 июля нового.

«...Имея конечной целью *захват* сердца России, Москвы, приказываю:

1. Генералу Врангелю выйти на фронт Саратов — Ртищево — Балашов, сменить на этих направлениях донские части и продолжать наступление на Пензу, Рузаевку, Арзамас и далее — Нижний Новгород — Владимир — Москва.

Теперь же направить отряды для связи с Уральской армией и для очищения нижнего плеса Волги.

2. Генералу Сидорину правым крылом, до выхода войск генерала Врангеля, продолжать выполнение прежней задачи по выходу на фронт Камышин — Балашов. Остальным частям развивать удар на Москву в направлениях:

а) Воронеж, Козлов, Рязань;

б) Новый Оскол, Елец, Кашира.

3. Генералу Май-Маевскому наступать на Москву в направлениях Курск, Орел, Тула. Для обеспечения с запада выдвинуться на линии Днепра и Десны, заняв Киев и прочие переправы на участке Екатеринослав — Брянск».

Имел ли право генерал Деникин в начале июля 1919 года ставить такие задачи своим армиям? Отдавал ли он ясный отчет себе в этом? Был ли готов ответить за это, представ перед Богом?

* * *

Громы и молнии метал Восточный фронт. При общей протяженности фронта в 940 км контрнаступление красных армий планировалось вести в полосе 220 км силами 42 тыс. штыков и сабель при 136 орудиях и 585 пулеметах. На этом участке красным противостояли силы белых числом до 23 тыс. штыков и сабель, 62 орудиях и 225 пулеметах. Ударной силой белых были отборные офицерские части генерала В. О. Каппеля. Контрнаступление началось

20–25 апреля на южном участке фронта. Войска 1-й и Туркестанской красных армий своим ударом нарушили оперативно-тактическую связь между Западной армией генерала Ханжина и Южной армейской группировкой генерала Белова у рек Самыш-Дела и Большая Кинель. С конца апреля по май красные повели против войск Колчака три последовательные операции: Бугурусланскую (командарм М. Тухачевский), Белебейскую (командарм Г. Гай) и Уфимскую (командарм М. Фрунзе). В последней важную роль играла 25-я дивизия В. Чапаева...

Много интересного и странного рассказывали про него. Говорили, что комдив «презирал» высшие штабы и не признавал старшего командования. Он очень подозрительно относился к «бывшим генералам» (военспецам) и всяким «коммунистам» (ставленникам Льва Троцкого), засевшим в штабах фронта и армий. Тогда простые, малообразованные красноармейцы из крестьян и рабочих поговаривали, что «коммунисты» — враги рабоче-крестьянской власти и не уважают русскую революцию, а «большевики» — свои, за рабочих и крестьян. Троцкисты платили красноармейцам из простонародья тем же. Среди них ходило крылатое высказывание Льва Троцкого:

«Эта Красная армия — как редиска. Красная только снаружи!»

Здоровое «классовое чутье» постоянно подсказывало Чапаеву, что рядом измена. Но с теми военачальниками, которым он доверял, Василий Иванович был идеально дисциплинирован. Таковыми были его отношения с командармом Фрунзе. Его Чапаев любил беспредельно. Большое значение комдив придавал разведке и умел ценить добытые ею сведения. 18 апреля 1919 г. в руки его разведчиков попали важные документы — два оперативных приказа 7-й Уральской дивизий белых, раскрывавшие расположение ударной группировки и намерения противника. Комдив немедленно и лично передал эти сведения по прямому проводу командующему армией. Материалы, добытые чапаевской разведкой, сыграли важную роль в окончательной выработке плана контрудара, разработанного командармом.

Сражение на Восточном фронте для 25-й дивизии завершилось победной Уфимской операцией, в которой ее полкам принадлежала главная и решающая роль. Здесь Чапаев еще раз проявил черты яркого военачальника — смелость, инициативу и необычайное упорство. В ночь с 7 на 8 июня 25-я дивизия форсировала реку Белую у деревни Красный Яр, в 20 км северо-западнее Уфы. Произведя внезапную ночную переправу передовых частей и захватив плацдарм на правом берегу реки, силы дивизии уже днем 8 июня попали в исключительно тяжелое положение. В ночь яростная гроза и молнии полыхали над Белой, разразился ливень. Утром на переправившиеся части красных навалились свежие резервы противника — до двух дивизий под руководством генерала Каппеля. Аэропланы с воздуха бомбили и расстреливали переправы красных. Чапаевские полки оказались прижатыми к берегу, отрезанными от своего тыла и лишенными подвоза боеприпасов. Поражение казалось неотвратимым. Сам командарм Фрунзе и комдив Чапаев находились в рядах бойцов и руководили боем. Раненный в голову пулей с аэроплана, Чапаев не покинул своих солдат. Тогда утром 9 июня каппелевские части провели «психическую атаку». Белые офицеры и солдаты поднимались из окопов во весь рост и в строевых порядках с развернутыми знаменами, с винтовками наперевес шли в штыковые против красных. Это устрашало. Красные, неся большие потери под пулеметным и артиллерийским огнем, свирепо оборонялись и переходили в контратаки. Мужество, выдержка и храбрость были явлены в этих боях с обеих сторон. Но красные устояли, получив большое подкрепление, они отбросили обескровленные каппелевские части от реки. К вечеру 9 июня Уфа стала советской.

Боевые заслуги Чапаева были отмечены Советом Народных Комиссаров, наградившим его орденом Красного Знамени. Имя Чапаева значилось в Приказе Реввоенсовета Республики:

«Награждается орденом „Красного знамени“ начальник 25-й стрелковой дивизии, тов. Василий Иванович Чапаев, за нижеследующие отличия.

Соорганизовав, по революционному почину, отряд, в течение мая, июня, июля, августа и сентября 1918 г. упорно оборонял Саратовско-Николаевский район, сначала от нападения уральских казаков, а потом и чехословаков. 6 и 7 октября 1918 г., руководя отрядом (Николаевской дивизией) на подступах к Самаре, занятой чехословаками, одним из первых переправился через реку Самарку, воодушевляя тем свои и соседние части, что способствовало быстрой переправе частей и занятию Самары. Всегда предводительствуя своими частями, он храбро и самоотверженно сражался в передовых цепях, неоднократно был ранен и контужен, но всегда оставался в строю. Благодаря его умелым маневрам Александро-Гайской бригадой были разбиты казачьи банды генерала Толстова, что дало возможность нам овладеть Уральской областью. Назначенный начальником 25-й стрелковой дивизии, в дни катастрофического положения Самары, когда противник отстоял от нее в двух переходах, он с дивизией был выдвинут в центр наступающих сил противника под Бугуруслан; настойчивыми стремительными ударами и искусными маневрами он остановил наступление противника и в течение полутора месяцев овладел городами Бугурусланом, Белебеем и Уфой, чем и спас Среднее Поволжье и возвратил Уфимско-Самарский хлебный район. В боях под Уфой (8 июня с. г.) при форсировании р. Белой лично руководил операцией и был ранен в голову, но, несмотря на это, не оставил строя и провел операцию, закончившуюся взятием гор. Уфы».

В ходе ожесточенных боев войска Красной армии нанесли серьезный урон Волжскому корпусу генерала Каппеля, разбили Западную армию, отбросив ее за реку Белую, взяли Уфу и вышли к предгорьям Урала. Затем был нанесен ряд ударов по Сибирской армии. В верховьях Дона красные смогли разгромить восстание донских казаков и оттеснить повстанцев на юг.

После взятия Уфы путь 25-й дивизии лежал на юг — в те места, где она зародилась и была сформирована. А далее на Урал-реку. Задачей дивизии было разгромить и выбить на восток белых уральских казаков.

Али Усманович Юлдубаев (как отныне стал он именоваться по фамилии в книжке красноармейца; не ходить же вечно бесфамильным, ведь Россия не Турция) был в той разведке, когда добыли важные сведения о расположении ударной группировки белых под Уфой. В ту ночь на 18 апреля взяли красные разведчики в плен белого офицера с портфелем важных бумаг и картой. Али тогда заколол кинжалом под сердце молодого казака из охраны. Потом стравило его, потерял он в темноте краденую юлдузбаевскую гурду. Но командир кавполка товарищ Елань, за отвагу и храбрость наградил, как смог, всех разведчиков. Уж очень важными были бумаги, добытые в разведке. Али же получил из рук комполка шашку с дарственной надписью и звездой, вытравленными на голомени клинка: «Красному бойцу, товарищу Юлдубаеву за храбрость и находчивость, проявленные в разведке и в боях с врагами трудового народа».

Чапаевская 25-я дивизия возвратилась на старые места и расположилась верстах в ста западнее Николаевска близ Урал-реки. Совсем рядом лежали аулы, где провел свое отрочество и юность чабан Али Юлдубаев. Командир красной башкирской сотни (эскадрона) Салим пригласил семей своих друзей и товарищей (из числа тех, кто остался в живых, с кем почти год назад ушел в Красную армию к Чапаеву) в гости к себе в аул. Среди них был и Али.

Жаркое лето пришло в юго-восточные степи Поволжья. Затем прошли дожди и облегчили жару. Погода стояла мягкая, ясная. Солнце ласкало и не жгло. Степные травы вызревали, заколосились. И запахло полынью. Красные бойцы нагрянули в аул внезапно. Белых казаков здесь давно уже и след простыл. Как же были рады родители Салима, встречая сына и его товарищей! Коней быстро расседлали и повели к коновязи. Задали им сена и овса. Старый отец отловил в отаре и привел на веревке трех баранов, которых бойцы закололи и освежевали. Женщины сварили бешбармак, напекли душистых лепешек в тандыре, нажарили свежей рыбы из Камелика, нарвали и намыли свежего лука, чесноку, накрыли богатый достархан. Все мужчины усаживались на корточки у достархана, накрытого на большой войлочной полсти, постеленной на траве, близ двора.

Женщины прислуживали. Отец Салима («Ата», как называли его бойцы) читал молитву. В знак уважения все по старому обычаю подняли руки и совершили символическое омовение лица и бороды (как того требовал намаз). Откуда-то (словно сама собой, ведь готовились к встрече красные аскеры) среди блюд появилась четверть мутноватого крепкого самогона. Стали разливать по пиалам, поставленным женщинами среди блюд как бы для чая. Ата сделал вид, что и не видит. Старикам-соседям, пришедшим из аула пообщаться с Салимом и приглашенным к достархану, предложили (из уважения), но не наливали. Хотя один, что помоложе, попросил сам и подставил чашку с широкими краями. Салим приподнялся с войлочной подстилки, встал на колени, разгладил усы и торжественно произнес:

— Выпьем, товарищи красные бойцы, за нашу революцию и за победу трудового народа!

Выпили махом, по-русски. Причмокивали и утирались пальцами по-башкирски.

— Якши! Бик якши! — промолвил Шарифулла.

За трапезой потек чинный, неспешный разговор. Ели руками (по обычаям предков), неторопливо, пользуясь только ножом. Струйки жирного, горячего бараньего бешбармака текли у мужчин между пальцев, по запястьям рук, затекали за отвернутые рукава гимнастеров и рубах до локтя. Подбородки, бороды, усы и даже щеки — все благоухало, лоснилось и было насыщено душистым бараньим жиром. Недолго думая, угощавшиеся вновь наполнили пиалы крепким питьем, и кузнец Шарифулла произнес очередной тост:

— Выпьем, товарищи бойцы, за родителей нашего славного командира сотни! Да пошлет Аллах им здоровья и долгих лет жизни! Выпьем и за их сына — Салима! Здоровья и богатства всему их роду!

Все, кто держал пиалу, выпили по полной. Спустя еще четверть часа пили уже за командира кавполка товарища Еланя. А затем и за славного комдива — товарища Чапаева. Неспешный разговор за достарханом между тем тек и тек сам собой. Али, несмотря на молодость, сидел рядом с Салимом (каждому место за трапезой по заслугам) и мно-

гое слышал из тихого разговора, происходившего между отцом и сыном.

— Как живется вам с матерью, ата, без моей помощи? Помогают ли младшие братья и сестры? Не обижает ли кто? — спрашивал с грустью захмелевший Салим, с любовью глядя на седого отца.

— Слава Аллаху, сынок. Младшие все в послушании, чтут родителей, помогают в хозяйстве. Был бы только ты жив и здоров, — отвечал отец.

— А из аула или еще кто, не обижает ли? Не позволю обижать стариков. Скажи, ата, всех управлю своей рукой и силой нашей новой власти, — вновь спрашивал все более хмелеющий Салим.

— Да и не знаю, как сказать, сынок...

— Говори, ата, не бойся никого. Твой сын — красный командир!

— Несколько дней назад, сынок, вез я на нашем возу дрова из дальней рощи, что у Камелика. Дорогу-то местами развезло — дожди прошли. И степью не проедешь, раскисла степь — лучше и не съезжать. Разве что одним колесом по обочине. Потому впряг я двух быков. Воз нагрузил дровами хорошо. Чего зря быков гонять. Но задремал в пути, устал сильно. И затащили повозку наши быки в самую что ни есть непролазную грязь. Долго я бился, чтоб кое-как из этой грязи воз вытащить. Сам весь в той грязи извозился... Только чуть выбрался на сухое место, а тут навстречу мне летит легкая четырехколесная повозка с пулеметом. Забыл, как называется она по-русски...

— Тачанка, ата, — негромко подсказал Али.

— Да, верно. На тачанке трое. А рядом скачет верхом какой-то, похожий на казака. Усы у него черные, папаха, бурка на плечах, сабля на боку, нагайка в руках. Катится эта повозка быстро, только лужи расплескиваются и грязь из-под колес да из-под конских копыт разлетается в разные стороны. Слышу, те, что на повозке, уже издали кричат мне, ругаются по-русски, чтобы я воз с дороги убрал. А я куда воз-то дену? Только что из грязи сам выбрался, и опять в грязь? Ну, сделал я вид, что пытаюсь с дороги свернуть, а быки не идут. Тут эта повозка с ходу и вре-

залась передней осью в мой воз. Правда, крепкая ось у них оказалась, колесо не слетело. Но тачанка эта зацепилась за мой воз. Те, что на тачанке, попрыгали вниз, чтобы ее от моего воза отцепить. А тот верховой — казак подлетел ко мне, выругал и как начал меня нагайкой хлестать по спине, по плечам. Благо на мне теплая телогрейка была. Но местами досталось, и до сего дня спина болит, — рассказывал старый отец Салима, поводя плечами и указывая большим пальцем правой руки на посеченную спину.

— Эх, отец, узнаю, кто такой тот казак, или покажешь мне, несдобровать ему! — угрожающе произнес хмельной Салим.

Женщины стали разливать старикам крепкий чай по пиалам. Принесли сахар и шербет. Старшие, утирая руки и бороды от бараньего жира мягкими полотенцами, принимали дымившиеся пиалы. Дули, отпивая маленькими глотками.

— А как воюете, красные батыры? Много ли у вас конницы, много ли ружей, пушек и иного оружия? — спрашивал между тем у гордого и сильно опьяневшего Шарифулы один из соседей Салима, что пил самогон вместе с гостями.

— У нас не конница, а кавалерийский полк! Конница — это у казаков. А у них-то — у белых — и хороших командиров не сыщешь. А у нас и командиры — все батыры! И оружие лучше, и пулеметов больше, и пушек, и автомобили и самолеты есть, — хвастался Шарифулла.

— Э-э, зачем неправда сказаь? Белый казак много карош енерал есть. Кулчак курбаши — якши енерал! — пытаюсь говорить по-русски и выказывая этим знание предмета, произнес один из пожилых соседей Салима. Он покачал головой и подул на горячий чай в пиале.

— Нет, уважаемый Ильяс-ака, — сдержанно, но все же с долей раздражения и упрямства вмешался в разговор Салим. — Лучше командиров, чем в Красной армии, не сыщете!

— Командарм Фрунзе — великий курбаши! Он белых под Уфой разбил. Там наша дивизия впереди всей армии шла. А почему? Да потому, что комдив наш — сам Чапаев. Слышали о нем, ака? — с задором сказал Али.

— Чапай-кизылбаши?! Наслышаны многие о нем, — отвечал Ильяс-ака.

— Этот Чапай новый мост над Камеликом порушил. А какой хороший мост был! В Николаевск ездить удобно было, — сказал один из стариков.

— Да не порушил он его, а взорвал, чтобы белые реку не перешли, — вставил Шарифулла. — Зато теперь сюда казаки не сунутся. А мост советская власть построит, еще лучше прежнего.

— Наш сосед Шамиль был в соседнем ауле — за Камеликом. Видел, как Чапай на коне в тот аул входил. Как вошел, все мужчины и старики в погреба попрятались, а женщины и дети на кровли домов и сараев залезли, — стал рассказывать отец Салима.

— Зачем, ата? — с удивлением спросил Салим.

— Как увидит кого на улице Чапай или нукеры его, налетают, и ну плетьюми сечь, — произнес Ильяс-ака.

— Зачем плетьюми? Не пойму, — спросил Али.

— Чтоб не мешали ему. Злой очень, — отвечал старый седой Ильяс.

Долго еще продолжался разговор между трезвыми стариками аула и хмельными красными бойцами-башкирами. Но постепенно крепкий самогон выключал из разговора одного батыра за другим. Кто мог, отползал с подстилки и от достархана куда-нибудь под воз или на сено. Женщины приносили подушку и накидку тем, кто не смог встать. Смеркалось. Старики благодарили за угощение отца Салима. Ата прочел благодарственную молитву. Соседи степенно расходились по домам, покачивая головами, сдержанно осуждая хмельных, одурманенных самогоном красных батыров за нарушение вековых законов Адата и Шариата.

Через день утром, когда Салим со своими друзьями уже собирался возвращаться из краткосрочного отпуска в дивизию, в родной его аул влетела тачанка в сопровождении лихого черноусого всадника в папаше и в бурке. Точнее, тачанка сопровождала его, а не он тачанку. Местное аульское население в испуге стало прятаться кто куда. Старый отец Салима, выгонявший скот на выпас, в испуге прибе-

жал домой и рассказал сыну о том, что увидел своего обидчика. Схватив винтовку и передернув затвор, Салим выбежал на двор, скликав товарищей. Али первый последовал за своим командиром, вытягивая шашку из ножен. Всадник в бурке и тачанка неспешно проезжали недалеко от дома по улице. Салим уже приложил было винтовку к плечу и готов был выпустить пулю в голову всадника, как вдруг замер. В изумлении замерли и все соратники Салима.

Всадник остановил коня, заметив оживление возле дома, и, указывая нагайкой, приказал развернуть туда пулемет на тачанке. Затем увидел, что во дворе бойцы с красными звездами и лентами на головных уборах, и произнес громко:

— Вижу! Молодцы, не спите. Хвалю за революционную бдительность!

В это время старый отец, вышедший из дома, тихонько дернул сзади сына за рукав и негромко сказал Салиму:

— Вот он — мой обидчик, сынок. Усатый, в папахе. Он меня нагайкой отходил.

— Молчи, отец... Это и есть сам комдив Чапаев, — негромко отвечал Салим, опуская оружие.

* * *

Вооруженные силы Юга России

Действовавшие против Южного фронта силы белых армий организационно и политически разделялись на армии — Донскую, Кубанскую (Кавказскую) и Добровольческую. Все три имели свою обособленную организацию и свои характерные черты.

Донская армия. Донская армия первой поднялась против революционных войск, а затем и Красной армии. В конце 1918 г. она в основном одна вела борьбу с армиями Южного фронта. Зарождение этой армии можно отнести еще к концу 1917-го, когда генерал Каледин снимал казачьи части с австро-германского фронта и сосредоточивал их на границах с Великороссией. К началу июля 1918 г. ему удалось собрать в своих руках более 10 казачьих полков с артиллерией. Последовательным развертыванием сил Донская

армия, пользуясь германской ориентацией генерала Краснова, под прикрытием и надежным обеспечением германских оккупационных войск к середине лета 1918 года достигла численности в 46–50 тысяч бойцов при 272 пулеметах и 92 орудиях, в их числе было около 26 тысяч конницы. Организационно силы Донармии сводились к 30 пехотным и 60 кавалерийским полкам. По соглашению, заключенному 8 января 1919 года на станции Торговая между Деникиным и Красновым, Донармия вошла в состав вооруженных сил Юга России, и Деникин встал во главе этих сил.

Эта армия по своему составу и сущности отражала старые социальные противоречия Донской области. Идеология «домовитых» казаков определяла собой и состав этой армии. Однако наличие в области «иногородних» нарушало эту однородность армии, а потому Донармия не всегда обладала одинаковой устойчивостью.

Полки Донармии сводились в четырехполковые дивизии (конные) с одной конно-саперной сотней и двумя батареями конного артиллерийского дивизиона. 5–6 дивизий составляли корпус, входящий в состав армии. Донских армий сначала было три, но к лету 1919 года они были сведены в одну составе 5–8 корпусов. Армия комплектовалась частными мобилизациями казаков и иногородних Донской области, причем эти мобилизации проходили всякий раз с большим трудом. Казаки шли в армию охотнее всего в периоды подъема и развивающихся успехов на фронте. Общее настроение призванных бывало далеко не воинственным. Показателем этого являются многочисленные наказания и приговоры о невводе частей Красной армии в пределы Донской области с обещаниями, в свою очередь, не переступать свои границы. Эти настроения, с неясными симпатиями к Советам, наблюдались и у довольно широкого слоя казачьего офицерства. В силу этого в январе и феврале 1919-го казачество целыми полками сдавалось и переходило на сторону красных. Так, 31 января в районе станицы Алексеевской на участке 15-й дивизии РККА сдались добровольно в полном составе 23-й, 24-й, 26-й, 27-й и 39-й казачьи полки с 5 орудиями и 6 тысячами снарядами. А в начале января в районе станицы Вешенской вспыхнуло вос-

стание в пользу Советской России, разлившееся по всему Хоперскому округу.

Командные кадры Донской армии имели далеко не полный состав, но были на высоте положения в отношении предварительной подготовки. Для пополнения своих знаний большинство офицеров проходило краткие курсы обучения на созданных повторных курсах.

Кубанская армия. Зарождение ее началось в самом начале 1918 года, параллельно с возникновением идеи «самостоятельности» Кубани. Кубанские казаки уже с первых дней противостояния с Советами вливались в Добровольческую армию, и, кроме того, кубанскими казаками пополнялись ряды добровольческих частей. Поэтому Кубань не получила своей армии, как это было на Дону, что отразилось и на судьбах кубанского казачества.

Организационно кубанские части строились так же, как и донские. К маю 1918 года в состав Добровольческой армии входили кубанские части: сводная горская дивизия, отдельная дивизия, Кубанский корпус, 1-й конный корпус. Как и донские части, Кубанская армия была преимущественно конная. Однако сравнительно с Донской армией кубанские части отличались высокой боеспособностью и стойкостью, главным образом благодаря обилию офицерского состава, имевшего к тому же высокий уровень знаний, подготовки и опыта.

Добровольческая армия. Зарождение этого оплота Белого дела относится еще к ноябрю 1917 года, когда офицерство, лишенное погон и командных должностей, стало перед дилеммой: за или против советской власти. Значительная часть склонилась ко второму решению, но далеко не вся эта часть решила активно бороться с оружием в руках. Пресса и литература Белого движения свидетельствуют о том, что многочисленные группы офицерства предпочитали торговать газетами и в магазинах, прислуживать в ресторанах, заниматься спекуляцией, но не драться ни на той, ни на другой стороне. Стягивание офицерства на Дон началось с конца 1917 года. Офицерство прибывало в Новочеркасск небольшими группами. К концу ноября туда собралось около 200 человек офицеров. Первым их «делом»

было нападение на части красного Новочеркасского гарнизона — от которого казачьи части решительно отказались. Уже 26 декабря 1917 года был предпринят налет на Ростов — первое кровавое «дело». Докладывая об этом войсковому кругу, прославленный своим спокойствием и «мягкосердечием» атаман Каледин заявил: «Страшно пролить первую кровь».

Надо, однако, отметить, что все эти выступления добровольцев отнюдь не встречали одобрения со стороны небогатой части казачества. По свидетельствам белых, некоторые комитеты казачьих полков высказывались, что они «порицают выступление буржуазного генерала Каледина и приветствуют товарищей солдат, крестьян, рабочих и матросов, борющихся с буржуазией». Подобное положение вынуждало добровольцев существовать нелегально. Съезд иногородних 8 января 1918 года прямо потребовал «разоружения и роспуска Добрармии, борющейся против наступающего войска революционной демократии».

«Цвет русской армии» — Деникин, Корнилов, Лукомский и другие генералы — прибыли в Новочеркасск еще 6 декабря 1917 года. Тогда сформировался штаб и выделены части: Георгиевский полк, Офицерский батальон, Корниловский полк и ряд других. 27 декабря Добровольческая армия объявила во всеуслышание о своем существовании, выпустила ряд деклараций, в которых объявляла себя «внепартийной» и «внеклассовой». Тогда же были определены цели: верность союзникам, единство и целостность России, борьба с большевиками, борьба за Учредительное собрание. В половине января 1918 года в армии было уже около 4–5 тысяч бойцов. Начало германской оккупации части Донской области заставило Добровольческую армию (2 тысячи 500 человек) пробираться на Кубань. Поход этот, названный белыми «ледяным» и «жестоким», был действительно не из легких, ибо значительная часть крестьянства Кубани встретила офицерские отряды в штыки. У станции Калужской произошло соединение с Кубанским отрядом (около 2 тысяч человек). Попытка в конце марта совместными усилиями занять Екатеринодар не удалась, и армия, уже под командованием Деникина (Корни-

лов был убит 31 марта), перешла к границам Ставропольской губернии. Далее следовал период занятия Кубани и борьба на Северном Кавказе против разрозненных отрядов революционных войск.

Осенью 1918 года Добрармия была уже развернута в 4 дивизии и достигала численности 8 тысяч штыков, 1300 сабель, 12 легких и 5 тяжелых орудий. К началу лета, имея общую численность 15 000 штыков и 2500 сабель, Добровольческая армия строилась по следующей схеме: все дивизии, и конные, и пешие — четырехполковые с арtdивизионами из 3 легких четырехорудийных батарей и одной инженерной роты. Корпуса имели свою корпусную тяжелую и гаубичную артиллерию в количестве 5–6 батарей. Кроме того, каждая дивизия имела один запасный батальон, а каждый пехотный полк — одну запасную роту, куда поступало приходящее пополнение для двух-трехнедельного обучения.

В первые периоды своего существования Добровольческая армия в большинстве своем состояла из добровольцев-офицеров. В дальнейшем она перестала быть «добровольческой» с маленькой буквы, ибо пополнение ее шло за счет обычных контингентов призванных. Однако во все периоды своей боевой жизни она всегда имела огромные кадры офицерства в своих рядах. Исключение представлял лишь «орловский период», когда значительный рост Добрармии за счет бывших красноармейцев нарушил традиционное соотношение и еще более резко изменил ее социальное лицо.

Сам Деникин писал по этому поводу: «Название „Добровольческой“ армии сохраняли уже только по традиции. Ибо к правильной мобилизации было приступлено в кубанских казачьих частях с весны, а в регулярных — со 2 августа 1918 года. При последовательных мобилизациях этого года подняли на Северном Кавказе десять возрастных классов (призыва 1910–1920 гг.), в Приазовском крае — пока два (1917, 1918 и частью 1915, 1916 гг.), в Крыму один (1918 г.)... По приблизительным подсчетам, цифра уклонившихся для Северного Кавказа определялась в 20–30 %. Мобилизованные поступали в запасные части, где подвергались краткому обучению, или — в силу самоуправства войсковых час-

тей — в большом числе непосредственно в их ряды. Число прошедших через армейский приемник в 1918 г. определялось в 33 тысячи человек. К концу 1918 г. был использован широко другой источник пополнения — пленные красноармейцы, уже многими тысячами начавшие поступать в армию обоими этими путями. Весь этот новый элемент, вливавшийся в добровольческие кадры, давал им и силу, и слабость. Увеличивались ряды, но тускнел облик и расслаивались монолитные ряды старого добровольчества... И дезертирство на фронте значительно увеличивалось».

Ниже Деникин говорил, что «основные добровольческие части успели переплавить весь разнородный элемент в горниле своих боевых традиций, и по общему отзыву начальников мобилизованные солдаты *вне своих губерний* в большинстве дрались доблестно». Остается добавить, что господствующее настроение контингента офицерства было в огромном большинстве случаев монархическое. Об этом свидетельствуют многочисленные записи белых же литераторов и историков. Генерал Лукомский в своих «Воспоминаниях» указывал: «...в 1918 и 1919 гг. провозглашение монархического лозунга не могло встретить сочувствия не только среди интеллигенции, но и среди крестьян и рабочей массы». И далее: «...провозглашение же республиканских лозунгов не дало бы возможности сформировать мало-мальски приличию армию, так как кадровое офицерство, испытывавшее на себе все прелести революционного режима, за ними не пошло бы».

Отсюда вполне оправданный исторической действительностью вывод о том, что лозунг борьбы за Учредительное собрание был только попыткой выдвинуть компромиссное для правых и левых групп Белого движения решение и что за ним гнездились неподдельные монархические чаяния.

Стратегия и тактика Добровольческой армии, равно как и обучение в ней, полностью вытекали из опыта царской армии, однако, надо признать, с учетом особенностей борьбы (особенно в первые периоды) на широких фронтах и с учетом особенностей Гражданской войны. Этому, впрочем, соответствовали и естественные условия: Дон и Ку-

бань — базы комплектования армии конными частями — были в руках у белых и на стороне белых, и наличие в руках главного командования вооруженными силами Юга России крупных кавалерийских масс, чего не было у красных, давало первому несравнимое преимущество в отношении использования обширных пространств театра, маневренности и стремительности ударов.

В отношении снабжения армии указывалось на создание державами Антанты военно-экономического базиса для Деникина. Конкретно это выражалось в присылке Англией (Франция приняла на себя 50 % стоимости всего привезенного Англией) предметов вооружения, снаряжения, боевых припасов, инженерного и авиационного имущества и обмундирования по расчету на 250 тысяч человек. Если принять во внимание, что все белые армии Юга России по своей численности не достигали 150 тысяч, то, даже учитывая значительную текучесть армии (дезертиры, пленные, больные, раненые и убитые), все же снабжение армий Юга России можно считать вполне удовлетворительным. Однако... с «небольшой» оговоркой. Эта оговорка состоит в том, что в белых армиях по части, как выражается генерал Лукомский, злоупотреблений дело обстояло далеко не благополучно, и частично запасы обмундирования, поступавшие от Англии и разгружавшиеся в Новороссийском порту, оказывались неведомыми путями на местных «барахолках».

Вторым источником снабжения были самозаготовка войсковых частей и захват ими «военной добычи». Однако и здесь дело обстояло явно неблагополучно. Вместо планового заготовления и распределения с учетом войсковых нужд практиковался простой грабеж отдельными войсковыми частями, которые предпочитали все награбленное оставлять у себя, но не отправлять его куда-то в тыл. При этом элемент личного обогащения также играл колоссальную роль. А. И. Деникин следующим образом характеризует состояние снабжения: «Главным источником снабжения до февраля 1919 г. были захватываемые большевицкие запасы. При этом войска, не доверяя реакционным комиссиям, старались использовать захваченное для своих нужд без плана и системы. Часть запасов намечалась с бывше-

го Румынского фронта. Все это было случайно и недостаточно. В ноябре, к приходу союзников, официальный отчет штаба рисовал такую картину нашего снабжения.

Недостаток ружейных патронов принимал не раз катастрофические размеры... такое же положение было с артиллерийскими патронами: к 1 ноября весь запас армейского склада состоял из 7200 легких, 1520 горных, 2770 гаубичных и 220 тяжелых снарядов. Обмундирование — одни обноски. Санитарное снабжение можно считать несуществующим...

С начала 1919 года, после ухода немцев из Закавказья, нам удалось получить несколько транспортов артиллерийских и инженерных грузов из складов Батума, Карса, Трапезунда. А с февраля начался подвоз английского снабжения. Недостаток в боевом снабжении с тех пор мы испытывали редко. С марта по сентябрь 1919 г. мы получили от англичан 558 орудий, 12 танков, 1 685 522 снаряда и 160 млн ружейных патронов. Санитарная часть улучшилась. Обмундирование же и снаряжение хотя и поступало в размерах больших, но далеко не удовлетворяющих потребности фронтов (в тот же период мы получили 250 тысяч комплектов). Оно, кроме того, понемногу расхищалось на базе, невзирая на установление смертной казни за кражу предметов казенного вооружения и обмундирования, таяло в пути и, поступив, наконец, на фронт, пропадало во множестве, уносилось большими, ранеными, посыльными и дезертирами...»

Деникин обращает при этом внимание на тот замечательный факт, что всякого рода хищения военного имущества и распродажи его встречали безразличное, а часто и покровительственное отношение в «обществе».

Сравнение этих трех систем белых войсковых организаций приводит к следующим заключениям:

а) Белая армия формировалась и строилась по социальному признаку. В ее рядах в основном сражались представители помещиков, дворян, буржуазии, консервативной интеллигенции, крестьян-кулаков, зажиточной и средней части казачества (Дон и Кубань).

б) В области политических целей борьбы имелись серьезные разногласия. Добровольческая армия, рассматри-

вая себя как организацию общегосударственного характера, ставила целью борьбу с большевизмом до полного его уничтожения (это мыслилось с захватом Москвы). Дон и Кубань таких широких намерений не питали. Их стремления ограничивались обеспечением суверенитета и самостоятельности собственной государственности на основах хотя бы договоренности с большевиками. Такие мало согласованные друг с другом ориентации делали существование этих трех систем в рамках одного режима порой конфликтным, сложным, требующим постоянного посредничества.

* * *

В течение весны и начала лета 1919 года войскам генерала Деникина удалось овладеть хлебоборными районами Северного Кавказа и Украины, важными топливно-металлургическими центрами на юге России. Южный фронт выгнулся огромной дугой, упиравшейся на востоке в Каспийское, а на западе, восточнее Херсона, — в Черное море. Белые армии Южного фронта вышли на стратегический рубеж: Царицын, Балашов, Харьков, Полтава. Успехи Добровольческой, Донской и Кавказской (образованной в апреле 1919 года) армий объяснялись во многом благоприятными для белых факторами. Местные органы советской власти, как правило, вели грабительскую политику изъятия «излишков» пшеницы и другого продовольствия у сельского населения, чем вызвали недовольство и мятежи среднего крестьянства и казачества Южного Поволжья, Дона и Новороссии. Большая часть крестьян уклонялась от военной службы в Красной Армии или дезертировала из ее рядов.

Однако достижение новых успехов было невозможно без притока свежих сил. Поэтому генерал Деникин перешел к широкой мобилизации в армию молодежи на занятой территории. В результате вооруженные силы Юга России в июле 1919 года достигли небывалой в то время численности — 104,2 тыс. штыков, 56 тыс. сабель, 34 бронепоездов, около 600 орудий, 19 аэропланов, свыше 1500 пулеметов. По руслам рек, впадающих в Черное море, вверх по течению, двигались вооруженные пароходы с пушками и пуле-

метами. Огнем палубной артиллерии и пулеметным смерчем они прикрывали с флангов части белых армий, дравшиеся против красных близ берегов Дона, Донца и Днепра. Со стороны Черного моря эти силы прикрывал флот Юга России — 1 крейсер и 5 эсминцев. Но меры, позволившие увеличить численность белых армий, таили в себе и угрозу. Лишь до тех пор, пока их социальный состав был более-менее однороден, пока они состояли из добровольцев и казачества, их ряды были крепки и высоко боеспособны.

Июль месяц проходил в подготовке белых армий к исполнению Московской Директивы. Красные армии пассивно отходили. На Екатеринославском направлении конные части генерала Шкуро, действуя небольшими отрядами, стремились к Киеву и перешли Днепр...

Командование РККА и советское руководство били тревогу. Не ослабляя натиска на восток против армий адмирала Колчака, они развернули активную организаторскую и пропагандистскую работу по мобилизации сил на отпор Деникину. Уже в конце июля на Южном фронте против сил Юга России было сосредоточено около 165 штыков и сабель и 611 орудий. Согласно директиве главкома Красной Армии С. С. Каменева от 23 июля намечался переход в контрнаступление. Главный удар предполагалось нанести 9-й и 10-й армиями левого крыла фронта по правому крылу армий Деникина (Кавказской и Донской армиям) из района юго-западнее Саратова в направлении Царицына. В состав ударной группировки включался вновь сформированный Конный корпус С. М. Буденного. Общее командование этой группировкой было возложено на командарма В. И. Шорина. Вспомогательный удар должны были нанести правофланговые 8-я и 13-я армии под общим командованием командарма В. И. Селивачева. Задача этой группировки заключалась в нанесении удара из района южнее Курска и Воронежа на Купянск, чтобы изолировать друг от друга Добровольческую и Донскую армии, а затем прорваться в их тылы. Однако контрнаступление готовилось в спешке. Силы красных не были собраны в кулак, и между их соединениями не было взаимодействия. Деникин

получил от своей разведки важные данные о готовящемся контрнаступлении и состоянии войск Красной армии на Южном фронте. Он и предпринял упреждающий удар...

* * *

Космин долго бродил по улицам многолюдного, облитого июльским солнцем и жарой, пыльного Ростова. Одиночество снедало его душу. На знакомых улицах он с болью и любовью вспоминал бурные события последних лет своей жизни. Пред его мысленным взором пробежали картины взятия этого большого и красивого города стрелковой добровольческой бригадой дроздовцев пасхальной ночью прошлого года, знакомство с семьей Усачевых, отступление и взятие Новочеркасска. Затем Космин вспомнил города Приазовья, море, покорившее его своим величием и великолепием. Вспомнил сослуживцев и друзей по дроздовской бригаде: Пазухина, Новикова, Гаджибеклинского, Усачева и других. Ему стало легче на душе, одиночество отступало. Что-то томительное, щемящее, вечное вошло в его сердце и душу, озарило красно-золотым не вечерним светом. Он вдруг ощутил одно из тех переживаний, которое не спутаешь ни с чем, он почувствовал, что наступает раннее прощанье с молодостью. В глубине души родилось чувство величия и значимости жизни, ее неповторимости и неизбежности. Следом перед его мысленным взором явилась Женя, прошлое Рождество, Святки.

— Боже, любимая моя, зачем ты уехала из Ростова и оставила меня? Я не успел, не застал тебя. Но ты все же права. Здесь опасно, хоть сейчас Ростов и в глубоком тылу наших армий, — проносились одна за другой мысли в его голове.

Ему вновь стало невыразимо тоскливо и одиноко. Он понял, что голоден, ибо, находясь в дороге, уже почти сутки не ел.

«Пойду, найду хорошую ресторацию. Деньги есть, получил немалые отпускные. Выпью и поем хорошенько», — подумал с облегчением Космин.

Он нашел приличный ресторан близ центральной площади города. Уже после двух первых стопок холодной вод-

ки ему стало полегче на душе. Кирилл закусил черным хлебом, селедочкой, украшенной нарезанным луком, салатом, сыром, заказал себе борщ и выпил еще стопку. И тут стихи сами полились из его сердца:

Кто б сказал, как юность прощается
С похмеляющей душу молодостью.
Как они потом распрощаются
С набежавшей временной холодностью.
Кто б сказал, как молодость встретится
С отрезвляющей душу зрелостью.
И как зрелость потом осветится
Беззаветной, лихою смелостью! —

полупьяно, как во сне шептали губы Кирилла...

Вечерело. Ресторация наполнялась посетителями. Офицеры помоложе шумными компаниями, а постарше — под ручку с дамами торопливо занимали столики, по-хозяйски усаживаясь на стульях. Захмелевший Кирилл с интересом рассматривал входивших, замечая опытным глазом, что боевых офицеров-фронтовиков среди присутствующих почти и нет. Все больше были штабные, лощеные, в чистых, отутюженных мундирах или в британских френчах. Только один поручик из компании за соседним столиком, с повязкой на голове, явно выделялся среди других своей полинялой офицерской гимнастеркой. Он и среди своих собутыльников держался не очень уверенно. Когда стемнело на улице, в помещение стали заходить мужчины в штатском с шикарными одетыми дамами в брильянтах. Затем появилась группа французских матросов с русскими проститутками, что вульгарно курили, пускали дым в лицо своим ухажерам и даже негромко матерно поругивались. В зале включили неяркое электрическое освещение и зажгли сечи в бронзовых подсвечниках, расставленных на столах. Где-то в углу пианист, одетый в черный фрак, нервными пальцами пробежал по клавишам рояля. Негромко, но басовито разлились томные аккорды Шопена. Неровно горели свечи, их свет таинственно мерцал на стенах, потолках и портьерах зала. Синий папиросный и сигарный дым плавал и укуты-

вал многочисленных посетителей. Кирилл выпил еще пару рюмок, поел и, уставившись взглядом в графин, думал о Жене. Губы его шептали стихи. Тут по столу мелькнула чья-то тень, качнулось пламя свечи от шелеста женских одежд, и кто-то, не спросив разрешения, тихо приземлился на стуле напротив. Космин поднял глаза. Нет, он даже удивился тому, что не удивился, увидев ее...

Перед ним сидела Соня. Небольшая голубая шляпка аккуратно покрывала ее голову и венчала красиво уложенные черные волосы. Легкая серебристая вуаль была чуть припущена до уровня неярко накрашенных губ, но не могла скрыть сияния ее выразительных, томных глаз. На ней было легкое, шелковое сиреневое платье с большим декольте, довольно просторное, но подчеркивающее талию.

Несколько минут они молчали, пристально разглядывая друг друга. Она, видимо, ждала, когда он первым начнет разговор. Но Кирилл как воды в рот набрал и угрюмо смотрел на свою супругу. Только стекла пенсне слегка запотевали у переносицы.

— Ты не хочешь спросить меня ни о чем? — наконец произнесла она.

— Не хочу.

— Я так и думала, что ты служишь здесь, у Деникина. Единственно боялась, что тебя могли уже убить.

— Цел пока, как видишь.

— О, у тебя даже прибавилось звездочек на погонах! Видимо, ты хорошо сражаешься за Белое дело. В вашей армии так просто звезды с неба на погоны не падают, — с долей иронии произнесла она.

— Я защищаю Россию. А она — одна, и другой у меня нет и не будет, — без пафоса парировал он.

— Ну, полно, Россия там, где мы.

— Ошибаетесь, мадам, ибо вы и меня, и Россию уже оставили.

— Надо же встретились спустя два года, и не в Москве, а в каком-то Богом забытом Ростове, чтобы поспорить о политических проблемах российской действительности, — с долей цинизма произнесла она.

— Прекрасный город, я нашел здесь свое счастье.

— Ты женат?

— Пока да, на вас, мадам. Но мне еще предстоит рас-
торгнуть брак с вами.

— Я не спешу! Меня устраивает твоя фамилия, — с кол-
кой улыбкой произнесла она.

— Я надеюсь, ты не одна пришла сюда?

— Мог бы и не задавать этого вопроса.

Фортепьяно смолкло, пианист встал и раскланялся. За-
хмелевший офицер с повязкой на голове взял в руки гитару
и негромко, красиво запел, несмотря на хохот французских
моряков и их спутниц:

Август к осени в объятия торопится.
Соком полнится янтарная лоза.
Над Россией хмарь и непогодица.
Приглядитесь — это плачет Богородица,
Скрыв за тучей синие глаза.
Говорит она, что нынче в небе звезды
Расшатали гулом бронепоезда.
И летят они польнью в росы,
И свинцом врезаются в покосы.
И, упав на землю, гаснут навсегда.

Пред лицом Ее вы держитесь спокойно.
Тихо шепчете: «Даст Бог, не пропадем».
Я отвечаю: «Если в август знойный,
Приняв все, что Бог ссудил, достойно,
Вслед за звездами не ляжем под огнем,
Пусть тогда под пулями сорвутся
Наши звезды с неба и с погон.
В белых ротах не найдется труса.
Абиссинскому царю-негусу
Сформируем русский легион.
Сформируем русский легион, —

задушевно тянул гитарист.

Смех французов и кокоток постепенно смолк. Все вни-
мательно слушали слова песни. Послышалось всхлипыва-
ние — какая-то женщина плакала.

— Кто же он, твой новый избранник? — тихо спросил Кирилл.

— Видишь вон там, левее, от тебя через два столика, солидного господина, одетого в белый костюм? Он ревниво следит за нами и нервно курит, — вполголоса отвечала она, затем достала из сумочки и прикурила от свечи тонкую и длинную папиросу.

— Вижу. Да, он явно далеко не беден. И действительно ревнив, — произнес Космин, слегка прищуриваясь и поправляя пенсне.

— Да, он золотопромышленник. У него были немалые доходы, пока в Сибирь не пришла революция, а за ней и Гражданская война. Но он владеет кругленькой суммой в швейцарском банке.

— Так ты у него на содержании?

— Если так тебе угодно, то да. Надеюсь, ты не приревнуешь и не устроишь сцену, — без смущения отвечала Соня.

В стилом храме пахнет талым ладаном.
Друг мой, вспомните, что было год назад;
Бинт белел, белел, шинель была залатана,
А она была, как хмурый день заплакана,
Дым свечей туманил синие глаза.
А потом вагон, прокуренный и тесный
Вдаль увез ее, быть может, навсегда.
*Впрочем, знайте, будет вам верна невеста
Там за серой степью, за зеленым лесом
Будет ждать вас, хоть до Страшного Суда.*

Пред лицом Ее вы держитесь спокойно.
Тихо шепчете: «Даст Бог, не пропадем».
Я отвечу: «Если в август знойный,
Приняв все, что Бог ссудил, достойно,
Вслед за звездами не ляжем под огнем,
Пусть тогда под пулями сорвутся
Наши звезды с неба и с погон.
В белых ротах не найдется труса.
Абиссинскому царю-негусу
Сформируем русский легион.
Сформируем русский легион, —

негромко, но очень отчетливо, с теплом и какой-то неизъяснимой болью пел офицер с повязанной головой.

— Какой дешевый пафос, какая низкопробная проза, да и исполнение хромает, — произнесла Соня, затягиваясь ароматным дымом папиросы.

— Это ты о песне и о гитаристе?

— Ты догадлив.

— Напротив, великолепные и строгие стихи. А исполнение тонкое и задушевное, — парировал Кирилл.

— С каких это пор тебе стали нравиться подобные атавизмы?

— С тех пор, как я увидел жизнь на войне, лишившись твоих чар. Я и раньше, до тебя уже начал проникаться тем, что вижу. Но ты перевернула все и сломала мне душу...

— Да, ты неисправимо огрубел на этой войне. Как стал далек от того, каким я встретила тебя в компании офицеров и поэтов в «Приюте комедиантов» в Питере, — с сожалением и скептицизмом произнесла она.

— От жизни и войны не спрятаться под юбкой жены! — громко и вызывающе отвечал он.

— Но, как я успела понять, ты нашел другую юбку и даже увлекся ею всерьез.

— Еще бы, ты же бросила меня. Что мне оставалось делать?

— Ситуация в России такова, что я вынуждена была сделать это, пойми, Кирилл.

— Ты рассуждаешь и ведешь себя как проститутка. Правда, тебя не сравнить с этими кокотками, что сейчас сидят и пьют с французами за соседними столами. Но эти хоть просты и откровенны в своем выборе. Ты же — высокопробная, скрытая, элитная б... и выбираешь содержание высокого уровня. Как же ты забыла, что мы венчаны с тобой? Забыла, что ты — мужняя жена и должна делить со мной все радости и беды. Как ты оправдаешься за это перед Богом? — громко и с вызовом спросил Космин.

— Перед каким Богом? Наконец, прекратите ругаться и оскорблять меня, подпоручик. Иначе я уйду сейчас!

— Вы даже не понимаете, о чем я спрашиваю. Ради Бога, оставьте меня, мадам. Бегите к своему любовнику.

Можете считать, что я даю вам развод! — вскрикнул Космин и ударил кулаком по столу.

Рюмка на столе подпрыгнула, покатилась, упала на пол и разбилась. А его бывшая жена так же незаметно растворилась в клубах папиросного дыма, как и появилась. А может быть, ее и не было? А может, это только привиделось изрядно выпившему Кириллу? Он заметил только, как мелькнули в просторных раскрытых дверях зала сиреневое платье и белый костюм. Вслед за тем его правая рука сжала горлышко графина с остатками водки, и он метнул стеклянный прибор в проем дверей. Графин ударился о дверной косяк и со звоном раскололся в мелкие брызги, осыпая посетителей кусочками стекла и водочной моросью.

— Хулиган! Уймите его! Немедленно позовите патруль! — истошно завопил чей-то женский голос.

* * *

В воздухе пахло полынью, тянуло прохладой и сыростью из низин. В предрассветных сумерках туманного утра 23 (10) августа 1919 года верстах в двухстах восточнее Воронежца по степным балкам от станицы Урюпинской с юго-запада на северо-восток двигались многочисленные колонны хорошо вооруженных верховых. По меньшей мере, на узком участке фронта шириной до 5 верст, плохо прикрытом отрядами красных, было собрано до 8 тысяч сабель и пеший отряд до 1000 штыков. Уже триста-четырееста лет не выдвигали эти степные места столько конницы. Узрев такое, изумился бы ветхий денми старец, историк или какой другой образованный и мудрый человек; уж не воскресла ли седая старина — те времена, когда скрытыми степными дорогами — «сакмами» пробирались по водоразделу между Доном и Днепром разорять Московскую Русь многотысячные конные крымские и ногайские орды ратных во главе со своими мурзами? Но то была лишь общая схожесть, ибо прошлое вернуть невозможно. В колоннах конницы слышалась приглушенная южнорусская речь. На дорогах рокотали автомобильные моторы. На мостах постукивали орудийные колеса, погромыхивали лафеты и снарядные

ящички, клацали затворы винтовок и пулеметов. Кто-то, незаметно набив самокрутку, прикуривал, закрывая огонек ладонью, и выпускал дым сигарки в кулак или в рукав, разглаживая усы. Да, при внимательном взгляде становилось ясно, что Великую, вечную, бескрайнюю степь — Дикое Поле — уже разбудил XX век и что в набег на Московские земли идут донские казаки. Еще 7 августа донцы незаметно переправились через Хопер. А теперь тихо подходили к расположению передовых частей 8-й армии красных.

На несколько верст вперед выдвинулись отряды разведки, где служили самые доблестные и лихие донцы да калмыки, приписанные издавна к Войску Донскому. Еще только забрезжил рассвет, а уж кинжалами и шашками без криков и стрельбы сняли и покололи они малочисленные уснувшие дозоры, «секреты» боевого охранения красных. Никогда уже не вернуться домой простые русские парни с рабочих окраин Орехова-Зуева, Ликина-Дулева или Сормова, заснувшие на посту и убитые русскими казаками. А следом раскатистый свист, гиканье, топот копыт, ржание коней, просверк клинков, вытянутых из ножен на белый свет.

В ближайшем к фронту степном селе Донской корпус обрушился на крайний левый фланг 8-й армии на участке река Савола — станица Колено. Поднятый по тревоге, но не успевший взять оружие стрелковый батальон 358-го полка 40-й дивизии был перебит почти без единого выстрела. Красных бойцов кололи пиками и секли шашками. Многие вставали на колени, просили пощады, но милости не было никому. Затем донцы ударили во фланг и прошли по тылам 358-го и 357-го полков, разметелив всех сопротивлявшихся. Заговорили винтовки и пулеметы. Полки, оставив позиции, побежали, за ними снялась и стала отступать на запад вся 40-я дивизия, бросая стрелковое оружие, пулеметы, орудия, боеприпасы, продовольствие. Донские полки разворачивались в лаву и веером пошли гулять по тылам частей Красной армии. Несколько казачьих полков, повернув на восток, атаковали с тыла правофланговые части 9-й красной армии и смели их с позиций. Так начался рейд 4-го Донского конного корпуса под командой генерал-лей-

тенанта от кавалерии К. К. Мамонтова, прорвавшегося в глубокий тыл красных на стыке 8-й и 9-й армий Южного фронта. Это было переформированное, хорошо укомплектованное свежими силами соединение. В его составе находились 12-я, 13-я и сводная Донская казачьи дивизии, по четыре полка каждая, пять батарей (12 орудий), три броневика, грузовики с пулеметами на борту. Затем Мамонтов сформировал ударный кулак и ударил по Тамбову.

* * *

Рвался и трещал по швам, откатываясь к Уральскому камню, Восточный фронт. Освободив Уфу, красные вышли к его предгорьям. Нанеся серию ударов по Сибирской армии, их части к концу августа заняли Челябинск, а затем и весь Урал. Разгромленные армии Колчака отходили в Сибирь.

*Из меморандума председателя Реввоенсовета
республики Льва Троцкого:*

Время теперь такое, что большие события на Западе могут нагрянуть нескоро. Но неудача всеобщей демонстративной стачки, удушение Венгерской Республики, продолжение открытой поддержки похода на Россию — все это такие симптомы, которые говорят, что инкубационный, подготовительный период революции на Западе может длиться еще значительное время.

Это значит, что англо-французский милитаризм сохранит еще некоторую долю живучести, и наша Красная Армия на арене европейских путей мировой политики окажется довольно скромной величиной не только для наступления, но и для обороны... Иначе представляется положение, если мы встанем лицом к Востоку. Правда, разведывательные и оперативные сводки восточного фронта так общи и по существу небрежны, что я до сих пор не составил себе точного представления о том, разбили ли мы Колчака вконец или только побили его, дали ему все же возможность увести значительные силы на меридиан Омска. Во всяком случае, здесь открыты довольно широкие ворота в Азию...

Разумеется, операции на Востоке предполагают создание и укрепление могущественной базы на Урале. Эта база нам необходима во всяком случае, независимо от того, в какую сторону нам придется в течение ближайших месяцев или, может быть, лет стоять лицом — в сторону Запада или Востока. Необходимо во что бы то ни стало возродить Урал. Всю ту рабочую силу, которую мы тратили или собирались тратить на рабочие поселения в Донской области и проч., необходимо теперь сосредоточить на Урале. Туда нужно направить лучшие наши научно-технические силы, лучших организаторов и администраторов. Нужно возродить идею, которая была у нас весной прошлого года под влиянием немецкого наступления: сосредоточить промышленность на Урале и вокруг Урала... Нужно туда направить лучшие элементы Украинской партии, освободившиеся ныне «по независящим причинам» от советской работы. Если они потеряли Украину, пусть завоевывают для советской революции Сибирь. С завоеванием степных приуральских и зауральских пространств мы получаем возможность широкого формирования конницы, для которой Златоуст будет давать необходимое вооружение. Конницы нам не хватало до настоящего времени. Но если конница в маневренной гражданской войне, как показал опыт, имеет огромное значение, то роль ее в азиатских операциях представляется, бесспорно, решающей. Один серьезный военный работник предложил еще несколько месяцев тому назад план создания конного корпуса (30 000 — 40 000 всадников) с расчетом бросить его на Индию (британскую колонию).

Разумеется, такой план требует тщательной подготовки — как материальной, так и политической. Мы до сих пор слишком мало внимания уделяли азиатской агитации. Между тем международная обстановка складывается, по-видимому, так, что путь на Париж и Лондон лежит через горда Турции, Афганистана, Пенджаба и Бенгалии.

Наши военные успехи на Урале и в Сибири должны чрезвычайно поднять престиж советской революции во всей угнетенной Азии. Нужно использовать этот момент

и сосредоточить где-нибудь на Урале или в Туркестане революционную академию, политический и военный штаб азиатской революции, который в ближайший период может оказаться гораздо дееспособнее 3-го Интернационала. Нужно сейчас же приступить к более серьезной организации в этом направлении, к сосредоточению необходимых сил, лингвистов, переводчиков книг, привлечению туземных революционеров — всеми доступными нам средствами и способами.

Разумеется, мы и ранее имели в виду необходимость содействия революции в Азии и никогда не отказывались от наступательных революционных войн. Но еще не так давно мы со значительной долей оснований все внимание, все мысли обращали на Запад... Сейчас, повторяю, положение резко изменилось, и нужно отдать себе в этом ясный отчет. Прибалтика не у нас. В Германии коммунистическое движение после первого периода бури и натиска загнано внутрь, и может быть — на долгий ряд месяцев. Поражение советской Венгрии задержит по всей вероятности, рабочую революцию в мелких странах: в Болгарии, Польше, Галиции, Румынии, на Балканах...

Во всяком случае, европейская революция как будто отодвинулась. И что уж совершенно вне сомнения — мы сами отодвинулись с запада на восток. Мы потеряли Ригу, Вильнюс, рискуем потерять Одессу, Петроград — под ударами. Мы вернули Пермь, Екатеринбург, Златоуст и Челябинск. Из этой перемены обстановки вытекает необходимость перемены ориентации. В ближайший период — подготовка «элементов» азиатской ориентации, и в частности подготовка военного удара на Индию, на помощь индусской революции (удар под дых Англии), может иметь только предварительный, подготовительный характер.

Сов. секретно.

Центральному Комитету РКП.

В дополнение к моему докладу от 5 августа считаю необходимым поставить нижеследующие вопросы.

Перемирие Афганистана с Англией, по некоторым данным, может повернуться целиком против нас. По со-

общениям наших туркестанцев, Англия деятельно работает над объединением Персии, Бухары, Хивы и Афганистана против советского Туркестана... На востоке Англия пытается сейчас создать цепи государств, подобно тому, как она сделала на нашей западной окраине. Там указанная работа представляет... меньше затруднений, чем на Западе. В этом плане нам очень нужна прямая связь с Турцией, где ширится движение против оккупационных войск англо-французского милитаризма. Весь вопрос сейчас в том, кто выиграет темп.

Наше успешное продвижение на Туркестан, разрушение южной армии Колчака создает условия, при которых темп можем выиграть мы. Но отсюда вытекает, что, ведя совершенно правильную политику выжидания, приспособления, уклончивости, уступок на Западе, мы должны перейти к политике решительности и стремительности на Востоке.

Мы можем сейчас подорвать работу Англии по сплочению азиатских государств против нас, создав в Туркестане серьезную военную базу, для чего уже имеются достаточные элементы. Нужно немедленно же выбирать возможную линию удара и одно из цепи государств, которые Англия противопоставляет нам, поставить перед непосредственным ударом, предъявить ультиматум о мире, подчинить своей воле или нанести удар.

Отсюда вытекает:

1) Необходимость посылки в Туркестан и в Турцию лиц с исключительно широкими полномочиями и с инструкцией, которая дала бы гарантию того, что означенные товарищи не будут исключительствовать (дано как в тексте) на Востоке с той уже традиционной оборонительной уклончивостью, которая нам навязана на Западе.

2) Предписать Реввоенсовету Республики сосредоточить в Туркестане материальные и персональные элементы для возможного с нашей стороны наступления из Туркестана на юг.

Троцкий

20/IX-19, г. Москва.

* * *

В августе 1919 года уверенный в победе над белым казачеством Южного Урала комдив Чапаев телеграфировал главе советского правительства: «Товарищу председателю Совета Народных Комиссаров РСФСР В. И. Ленину лично. Белые на Южном Урале разбиты. Идем бить черных!». Кого он имел в виду, говоря о «черных», уж не степняков-казахов ли, восставших против советской власти?

Страшной явью стал август 1919 года для Уральско-го казачества. Отчаянно сопротивляясь, казаки отступали под натиском превосходящих сил Красной армии. Командование РККА уделяло особое внимание Уральскому фронту, сознавая, что именно здесь Деникину и Колчаку соединиться легче всего. На юге казачьих земель около Гурьева располагались богатые нефтяные месторождения. Но уже большая часть территории казачьего войска была захвачена и разорена красными. Среди казаков свирепствовал тиф, ежедневно выкашивавший десятки бойцов, не хватало офицеров. Войско испытывало катастрофическую нехватку вооружения, обмундирования, боеприпасов, медикаментов, врачебного персонала. Отрезанным от Колчака и Деникина уральцам для сопротивления советской власти приходилось почти все необходимое добывать в бою. Красные уже оттеснили их за станицу Сахарную. Далее на востоке лежали пески низовьев Урал-реки. Казаков ждала бескормица и безводье. Еще немного, и они лишились бы ко-ней — своей главной силы.

Для выхода из положения созвали казачий круг. Обдумав все, выслушав стариков, давших дельный совет, решили выделить отряд из лучших бойцов, который должен был тайно пройти расположение красных и проникнуть к ним глубоко в тыл, чтобы атаковать станицу Лбищенскую. Там находился штаб и склады вооружения частей РККА, формируемого Туркестанского фронта. Отряд общей численностью 1192 сабель при 9 пулеметах и 2 орудиях сформировали казаки генерала Н. Н. Бородина и полк добро-

вольцев-крестьян соседних губерний под командованием подполковника Ф. Ф. Позняка.

Задача стояла почти невыполнимая: Лбищенскую охранял 4-тысячный отряд при большом количестве пулеметов, а днем в небе над округой парили аэропланы. Чапаевская дивизия была одной из самых моторизированных в Красной армии. В ней было столько автомобилей, что можно было оперативно перебросить целую бригаду на другой участок фронта. В дивизии было 19 броневиков и три арtdивизиона. Но, чтобы взять Лбищенский штаб красных за глотку, надо было пройти незамеченными 150 верст по голой степи. В штабе Чапаева потому и чувствовали свою безопасность. В ночь с 31 августа на 1 сентября отряд казаков и добровольцев выступил в поход. Для соблюдения скрытности о кострах, горячей еде и курении пришлось забыть. Всю ночь отряд уходил как можно дальше в степи, чтобы скрыть свой маневр. Уже 1 сентября, хоронясь в камышах от красных аэропланов, пролетавших совсем рядом, казаки весь день простояли на солнцепеке в болоте. Лошадей отогнали в камыши. Тачанки и пушки забросали ветками и охапками травы, сами легли рядом, укрываясь срубленными ветками кустарника и срезанными стеблями камыша. С наступлением ночи ускоренным маршем ушли из опасного места. Уже глубокой ночью вошли в Кушумскую низину. Те, что знали эти места, вздохнули и перекрестились: «Ужо-т тутa среди зарослей раки́т, тростника и болотцев сразу не сыщешь». На третий день пути к вечеру отряд подошел к цели, укравшись во впадине недалеко от Лбищенской. Выслали во все стороны разъезды для разведки и захвата «языков». Так захватили у красных обоз. Один из пленных указал дом, в котором располагался командир Чапаев. Его решили брать живым. Выделили особый взвод добровольцев. Им поставили задачу: во время приступа станицы стремительно прорваться к дому, где квартировал Чапаев, и схватить его спящим. Затем после трудного пути один день и ночь с 4 на 5 сентября дали людям передохнуть перед делом. Командование отряда напоминало всем, что в Лбищенской находится злейший враг уральского казачества.

Чапаев, как правило, расправлявшийся с пленными казаками беспощадно, давно стал объектом мести казаков. Дважды он ускользал на тачанке из казачьих рук. Так было в октябре 1918-го и в апреле 1919-го. Но на третий раз опростоволоситься казакам было уже нельзя. В 3 часа утра 5 сентября в предрассветной мгле цепи белых партизан двинулись вперед. Разведчики без шума пашками и ножами сняли секреты и караулы, заняли окраины станицы...

В ночь на 5 сентября Али Юлдубаеву не спалось. Уж слишком тиха была та ночь! Галифе он не снимал. Поднялся с ложа, надел безрукавку, не надевая сапог, вышел во двор босиком, оправиться, но вдруг услышал тихий свист и дальний конский топот. Вся душа Али перевернулась. Всем своим азиатским нутром почувствовал он опасность. Влетев назад в хату, он взял из пирамиды свою винтовку. Солслуживцы по взводу крепко спали вповалку на полу и на лавках. Толкнул Салима, шепнул ему:

— Что-то неладное за околицей! Надо проверить, командир.

— Сейчас, оденусь, винт возьму и вслед за тобой. Иди, седлай, — отвечал тот.

Али вышел и быстро пошел к коновязи. Лошади тревожно фыркали, похрапывали и поводили ушами. Какое-то движение и неясный шум у южной околицы станицы ловило его чуткое ухо. Седлать ему не пришлось... Там, откуда шли звуки, полыхнуло — явно загорелась соломенная крыша одного из домов. Послышались какие-то неразборчивые крики. Сердце Али тревожно забило. Минута-другая, и раздались первые одиночные, далекие выстрелы. Юлдубаев перевернул затвор. Из дома вышел заспанный Салим.

— Слышал, стреляют? — спросил Али.

— Иди, проспись, юноша! — отвечал командир.

— Да вон, гляди, занялось! — указал Юлдубаев пальцем на пожар, полыхнувший вдали.

Салим внимательно всмотрелся. Через несколько секунд выстрелы повторились уже громче. Топот конских копыт понесся по улицам.

— Ну что, седлать, Салим?

— Нет, Юлдузбай, срочно беги к штабу. Знаешь где? Выспроси все, и назад. А я подниму людей! — громко и взволнованно произнес командир.

Али кивнул головой и прыжком, перемахнув плетень, вылетел на улицу. Во многих домах еще мирно спали. Но кое-где красноармейцы в нижнем белье стали выглядывать и выходить на улицу. Юлдубаев бежал со всех ног, не отвечая на вопросы тех, кто пытался спросить у него, что же творится в станице...

Как позже свидетельствовал есаул Фаддеев, «двор за двором, дом за домом очищали» казаки. «Сопrotивлявшихся ожидала участь быть разорванным бомбой или зарубленным шашкой». В окна домов, откуда по казакам и добровольцам открывался огонь, летели гранаты. Среди красных началась паника, в одном нижнем белье выскакивали они через окна на улицу и, мечась, бежали в разные стороны, не понимая, где спасение. Грохот боя раздавался со всех сторон. Те, кто успел схватить оружие, беспорядочно стреляли в разные стороны, но от той стрельбы страдали сами же. Большинство красных, застигнутых врасплох, сдавались без сопротивления. В одном доме были захвачены шесть полковых комиссаров. Пленных было так много, что сначала их расстреливали, боясь восстания, а потом стали сгонять в одну толпу. Бойцы казачьего отряда, охватив станицу с трех сторон, продвигались к ее центру. Взвод, выделенный для поимки Чапаева, прорвался к дому, где тот квартировал. Однако подхорунжий Белоножкин сплочовал: не оцепив дом, повел своих людей во двор. Последовал его приказ выйти всем из дома. Но из окна с противоположной стороны выскочил кто-то. Это и был сам Чапаев. Выстрелом из винтовки подхорунжий ранил бежавшего в руку. Однако красному комдиву удалось вырваться. В доме, кроме двух женщин, никого не нашли...

Лишь добежав и увидев с десятков пострелянных красноармейцев в нижнем белье, возле дверей штабного дома, выбитые стекла окон, Юлдубаев понял, что штаб дивизии

захвачен в станице белыми одним из первых. Рядом про- свистело несколько пуль. Мгновенно оценив ситуацию, Али метнулся в ближайший переулочек и вновь перемахнул через плетень. Теперь он бежал садами и огородами, пре- одолевая ограды и заборы. Целью его было вернуться и вы- ручить товарищей. В станице уже творился полный пере- полых: стрельба, крики, конский топот, ржание, кудахтанье кур, гогот гусей, короткие пулеметные очереди — все сме- шалось. Красноармейцы выпрыгивали из окон, выбегали из дверей домов порой в одном нижнем белье с винтовка- ми в руках и падали куда попало.

Вдруг в одном из переулков Юлдубаев увидел босого, невысокого, но усатого крепкого человека в галифе и белой нижней рубашке с маузером в левой руке. Правая была окро- вавленная и перетянута оторванной тряпкой. Али сразу уз- нал его, несмотря на столь непривычный для него вид. Он видел его не раз, на боевом коне, в папахе и бурке с шашкой наголо. Спутать его нельзя было ни с кем. Это был сам ком- див — Василий Иванович Чапаев. Вокруг комдива уже со- бралось с десятков человек, одетых как попало и воору- женных винтовками и шашками. Все были возбуждены и пере- пуганы, но молчали и ждали команды. Али, тяжело дыша, готовый на все, подбежал к ним. С надеждой взглянул он в лицо комдиву. Ни один мускул не дрогнул на лице Чапае- ва. Густые усы лихо окрыляли губы, взгляд смелых, отча- янных карих глаз был пристален, сметлив и зорок. Только блики раннего утра, поднимавшейся зари, да бледность из- за потери крови делали лицо его еще более грозным и му- жественным.

— Слушай мой приказ, ребята! Собирай всех, кого уви- дишь по пути. Прорываемся к штабу!

— Штаб взят! Василий Иванович! — прохрипел Али го- лосом, осипшим от волнения и быстрого бега.

— Врешь!.. А и сам видал!?

— Видель я! Бишь — э-э пять минут назад биль там.

— Зачем в штабе был?

— Комэскадрен Салим посилял.

— Салим жив?

— Недавно живой биль. Сейчас нэ знай, — торопливо отвечал Али.

— Как зовут тя, боец?

— Красноармэц Юлдубаев!

— Молодец, Юлдубай, веди самой короткой дорогой!

Али развернулся и, указывая рукой, побежал вспять, показывая дорогу.

— Отобьем штаб, ребята! А там глядишь, контратакуем, вышибем беляков из станицы! За мной! Патроны береги! С Богом! — крикнул Чапаев и, быстро перекрестившись, побежал, как мог, вслед Юлдубаеву...

Надо отдать должное сметке и находчивости Чапаева. В тот момент, когда штабные крысы и охранение красных в панике побежали к реке, комдив сумел остановить запаниковавших красноармейцев. Собрав около сотни бойцов, сколотив их в отряд, он с двумя пулеметами выбил казаков из захваченного ими штаба. Красные засели за его стенами и начали отстреливаться. В неравном бою с казаками хорунжего Белоножкина Чапаев был тяжело ранен в живот. На снятых воротах соратники донесли его до реки и переправили на другой берег. Но рана оказалась смертельной...

Оборону Абищенской возглавил начальник штаба дивизии Ночков, бывший офицер царской армии, молодой человек 23 лет. Укрепившись там, красные открыли ожесточенный огонь и не давали белым захватить центр станицы. Был момент, они даже контратаковали. В это время коммунисты и солдаты конвойной (расстрельной) команды во главе с комиссаром Батуриным заняли партком на окраине, не давая белым охватить штаб с тыла. Казаки ввели в бой резервы, но безрезультатно. Ожесточение схватки за Абищенскую достигло предела. Тогда хорунжий Сафаров и его люди решились на геройский, но безрассудный поступок: вылетели на тачанке к штабу, пытаясь подавить его сопротивление пулеметным огнем. Но все, кто решился на этот шаг, были сражены насмерть или ранены. Видя, что положение критическое, генерал Бородин повел своих штабных выручать раненых. Под огнем из штаба красных в центре станицы к брошенной тачанке кинулся урядник Юткин. Пуля прошла ему грудь навывлет. Но, заправив но-

вую ленту из цинка, бил он из пулемета до тех пор, пока красные не прекратили огонь. Тут подошла и батарея. Так решена была участь штаба: от орудийного обстрела красные дрогнули и побежали. Сопrotивление красных в центре станицы было сломлено...

Все, что было потом, вспоминалось Юлдубаеву и казалось дурным сном. Он вместе с десятком других красноармейцев бегом на снятой створе ворот донес раненого в живот комдива до реки. С трудом спустили Чапаева с крутого берегового спуска. Положили воротину на воду, толкнули, поплыли. Сверху уже обильно сыпали казачьи пули, поднимая фонтаны брызг, холодная вода бурлила. Плыли через реку минут двадцать. За это время многие пошли на дно. На другой берег вынесли смертельно раненого комдива только трое бойцов и его ординарец Петр Исаев...

Спустя еще полчаса мокрого, продрогшего, усталого, но живого Юлдубаева нашел Салим.

— Похоже, сынок, мы с тобой двое из всего нашего эскадрона живые остались! — негромко произнес он.

— Чапай погиб! — всхлипывая и утирая слезы, отвечал Али...

Дома и хаты станицы Лбищенской уже почти были очищены от красных, но в одном из домов затаился красноармеец, который, увидев сверкнувшие на утреннем солнце погоны, выстрелил в генерала и сразил его наповал. Принявший командование полковник Сладков приказал своим казакам подкатить пулеметы и подавить сопротивление парткома. Пока одни отвлекали красных, ведя с ними перестрелку, другие влезли на крышу соседнего, более высокого дома. Через минуту-другую партком прекратил сопротивление: казачьи пулеметы превратили в решето крышу дома, где собралось большевистское руководство дивизии. Большую часть оборонявшихся перебили.

Участники боя позднее писали и рассказывали, что «красные бежали к Уралу, на ходу сбрасывая одежду, сапоги. Вся река, насколько хватало глаз, покрыта была плывущими людьми. Сотни голов и взмахивающих рук. Тут-то и

началась потеха. Казаки выкатили пулеметы. Свинцовые струи резали воду, и там, где проходила струя, там навеки под водой исчезали плывущие. Из бежавших мало кто уцелел». Сотник Киров вспоминал, что «Урал окрасился кровью. Раненые, выбиваясь из последних сил, плыли, но, настигнутые пулей, шли ко дну. Уже на другом берегу подстрелили комиссаршу». К 12 часам дня бой прекратился. Только на улицах Абищенской насчитали полторы тысячи убитых, а 900 красноармейцев были взяты в плен, не считая погибших в воде и на другом берегу. Тех, кто пытался прятаться, выдали местные жители. Среди них был и комиссар 25-й дивизии П. С. Батурин, незадолго до этого сменивший на этом посту Д. Фурманова.

И тут, не зная о случившемся, в станицу вошли тыловые части, курсанты и карательный отряд красных. Они не успели оказать сопротивления. Всех их посекали казачьи шашки. Трофеи, взятые в Абищенской, были огромны: амундация и продовольствие на 2 дивизии, радиостанция, пулеметы, киноаппараты, 5 аэропланов. Но были и другие трофеи. Полковник Изергин позднее писал: «Среди них было много машинисток. У красных в штабах много пишут... Не обошлось и без курьезов. Есаул Погодаев рассказывал, как подскакал казак Миновсков. Грудь его украшали аж пять орденов Красного Знамени... В чапаевском штабе достали. Там их было несколько коробок. Ребята брали, сколько хотели. Пленные рассказывали, что Чапаю прислали за бои красноармейцам, а он их и раздать не успел»...

Абищенская спецоперация! Во многом она была подобна конному прорыву и рейду Донского корпуса генерала Мамонтова. Спустя годы даже Дмитрий Фурманов вспоминал, что «казаки при своем талантливом налете во главе поставили опытейших военных руководителей». Потери казаков — 24 человека убитых и 94 раненых... В двадцать пять — тридцать раз меньше, чем потеряли красные. Та операция показала, что действиями сравнительно небольших по численности, но хорошо подготовленных сил в ходе одного удара можно успешно выходить из, казалось бы, безнадежной ситуации, бить превосходящего во много раз

противника. Это на своей шкуре теперь усваивала Красная армия, наученная горьким опытом поражений, полученных от своих же соотечественников, стоявших по другую линию фронта, несущих идею Белой России. Но были достигнуты и другие результаты, которых тяжело добиться, проводя боевые действия «в обычном режиме». Уничтожение штаба целой войсковой группы Красной Армии Туркестанского фронта привело к тому, что была нарушена связь между частями. Деморализованные войска РККА бежали к Уральску, на рубежи, с которых они в июле 1919-го начали свое наступление. Для уральцев моральное значение Лбищенской операции заключалось и в том, что бахвалившиеся на каждом митинге победами над казаками комиссары Чапаевской дивизии были уничтожены казачьими руками (да и ранее ни один уральский казачий полк, несмотря на тяжелые потери, не был разбит Чапаевым). Правда, повторению такой спецоперации в Уральске помешали несогласованность действий среди командования, катастрофическое развитие эпидемии тифа и резкое увеличение сил красных на Туркестанском фронте, которые смогли оправиться лишь через 3 месяца, и то только потому, что армии Колчака были уже потрепаны и отступали в Сибирь.

Документальные материалы о тех страшных событиях братоубийственной Гражданской войны сохраняются и поныне. Помощник командира 1-го Партизанского уральского казачьего полка полковник П. А. Фаддеев и есаул Погодаев, принимавшие участие в Лбищенской операции, оставили бесценные воспоминания о них. Эти документы долгое время тайно хранились в Государственном архиве Российской Федерации. Но теперь они доступны для исследования.

* * *

Молодой новочеркасский подьесаул Николай Туроверов в кавалерийской атаке под Тамбовом срубил красного бойца из пехотного полка, бросившего позиции и побежавшего в тыл. В пылу боя, в состоянии ненависти к врагу подьесаул придержал коня, лихо отер лезвие клинка об обшлаг рукава шинели, утер выступавший пот. Вестовой, кру-

живший недалеко от подъясаула, махнул ему рукой, Туроверов кивнул и погнал коня дальше, вслед уходящей сотне. Но минуты не прошло, как он вспомнил лицо поверженного им молодого бойца, и словно соринка в глаз попала. Правое око затмило чем-то, и он, как ни старался, не мог протереть его.

«Может, ровесник мой?» — пронзительно мелькнул вопрос в его голове.

Бой продолжался: казаки брали Тамбов. Уже вечером в захваченном и разоряемом городе та же мысль возвратилась к подъясаулу, и он никак не мог отделаться от нее. Выпил стакан самогону с офицерами-сослуживцами, но исковерканное болью лицо посеченного им паренька все стояло перед мысленным взором. Расширенные от ужаса и страдания голубые глаза, побелевшее лицо... Удар пришелся по затылку и сбил фуражку. Николай видел, как тот обжал обеими кистями рук голову и, развернувшись, посмотрел на своего врага. Рука красноармейца выпустила винтовку, он упал на бок, скрючившись в предсмертной агонии. Вспоминая это, Туроверов вытащил шашку из ножен и осмотрел клинок. Кровь убитого осталась на правой стороне голомени и засохла. Николай выпил еще. Ему стало немного полегче. Стихи пришли сами. Правая рука потянулась к под сумку и нашла там небольшой сточенный карандаш. На лист записной книжки легли первые строки:

Дымится Русь, сгорают села,
Пылают скирды и стога,
И я сей день с тоской веселой
Топчу бегущего врага,
Скача в рядах казачьей лавы,
Дыша простором диких лет.
Нас озаряет прежней славы,
Казачьей славы пьяный свет,
И сердце все запоминает, —
Легко сечет казак с плеча,
Но кровь на шашке засыхает
Зловещим светом сургуча.

* * *

Противостояние на Южном фронте обозначилось особой остротой. Многие события происходили стихийно, независимо от приказов военачальников обеих сторон. Обмены ударами, несмотря на прорыв в глубину тылов Красной армии корпуса генерала Мамонтова, становились все более хлесткими и ожесточенными.

Уже 15 августа красные попытались перенять инициативу и начали контрнаступление. В ходе ожесточенных и кровопролитных боев группа под командованием Шорина нанесла ряд ударов по Кавказской армии генерала Врангеля и вышла на Дон к Царицыну. Врангель, бросив в бой все резервы, удержал Царицын и принудил красных отказаться от наступления. На вспомогательном направлении (юго-западнее) группа Селивачева продвинулась до 150 километров и вышла на подступы к Харькову. Однако командующей Добровольческой армией генерал Май-Маевский, сосредоточив против Селивачева крупные силы добровольцев и Кубанский конный корпус генерала Шкуро, сумел ударами по флангам оттеснить силы красных на север почти в исходное положение. Казалось, оба противника должны были выдохнуться, перейти к обороне, подтянуть резервы. Но, отразив наступление противника, белогвардейское командование вновь овладело инициативой.

Тем временем казаки Мамонтова взяли Тамбов, Козлов, Лебедин, Елец, Грязи, Касторную, и 11 сентября 4-й Донской конный корпус вышел к Воронежу. Вся Воронежская и Тамбовская губернии были ошеломлены и потрясены этим лихим казацким набегом. Мамонтов имел задачу соединиться с Кубанским конным корпусом Шкуро. В течение месячного рейда донские казаки уничтожали склады красных, взрывали мосты и железные дороги, нарушали управление войсками Красной армии и их снабжение. Они распускали мобилизованных красноармейцев, оказали помощь и вывели из окружения бригаду крестьян-добровольцев, сражавшихся против Советов. Все это вызвало большую тревогу у командования Красной армии.

Рейд белой конницы Мамонтова, захватившего Тамбов на три дня в августе 1919 года, вскрыл пороки большевистской власти и воодушевил многих из простого народа. На Тамбовщине уже вызрело и начало закипать восстание крестьян, направленное против хлебной монополии-продажничества, комбедов и других злоупотреблений советской власти. Для централизованного руководства восстанием еще 14 июня 1920 года группа белых офицеров в количестве 33 человек встретилась с 67 лидерами разрозненных партизанских отрядов и народных дружин. Эта встреча получила название «совещание ста». Это историческое событие произошло в деревне Синие Кусты Тологуловской волости Борисоглебского уезда Тамбовской губернии. На этом совещании было принято решение свести все антикоммунистические силы крестьян, казаков, офицеров и жителей Тамбовской губернии, а также партизан-повстанцев, в две хорошо организованные армии. Офицеры, казаки и руководители партизанских отрядов и дружин горячо взялись за это дело, и уже в августе 1920 года две хорошо организованные ими партизанские армии, созданные из различных сил русского патриотического сопротивления, вступили в активную борьбу с большевистской властью, нанося ей чувствительные удары. С этого момента восстание, фактически начавшееся стихийно еще в 1918 году, переросло в хорошо организованное движение. Часть оружия повстанцев получили от генерала Мамонтова, захватившего крупнейшие оружейные склады в Тамбове. Да и почти половина мужиков из тамбовской деревни повоевала на Германской войне, послужила в армии и вернулась домой с оружием.

В августе 1919 года сотрудник особой части Отдела пропаганды есаул А. П. Падалкин получил от штаба 4-го Донского корпуса К. К. Мамонтова и полковника К. В. Хартулари (представителя отдела контрразведки штаба ВСЮР) задание установить контакт с «зеленоармейцами» для их перехода в ряды Белой армии. Особо важной считалась та часть задания, где есаулу предписывалось установить контакт с бывшим начальником милиции Кирсановского уезда А. С. Антоновым: «Установить сведения о местонахождении зеленых вообще и в частности Антонова... Связав-

шись с ним, договориться о возможном присоединении их к корпусу Мамонтова...» Падалкину удалось удачно перейти линию фронта по подложным документам сотрудника милиции. Однако он был арестован как «перебежчик» и отправлен в Красную армию — в Пензенский запасной полк. Из полка Падалкин попытался бежать, но был арестован вновь и отправлен в Бутырскую тюрьму в Москве. Но из Бутырки он был скоро вновь зачислен в Красную армию. Убив комиссара, контрразведчик вновь бежал. К нему присоединилось несколько десятков красноармейцев полка. Проведя в советском тылу около 4 месяцев, он глубокой осенью вновь перешел фронт и вернулся в Ростов. Установить связь с повстанцами ему так и не удалось... Сам Мамонтов, вернувшись из рейда, в своем выступлении перед членами Войскового Круга в сентябре 1919 года докладывал о реальности объединения сил повстанцев с армиями Юга России. И хотя отдельных повстанческих подразделений в составе своего корпуса Мамонтову создать не удалось, им было роздано повстанцам огромное количество оружия с захваченных складов Южного фронта.

Своим рейдом на север Мамонтов бесконечно расширил цели и задачи своих действий, рассчитывая на восстание против советской власти крестьянства и городской буржуазии. Однако он не добился этого. При наличии в этот период колебаний среди крестьян они все же не полностью поддержали донских казаков. Но за время рейда Мамонтов отвлек на себя значительные силы Красной армии. Он коренным образом нарушил управление на Южном фронте, в наиболее ответственный момент лишив группу Шорина связи с командованием фронта. Штаб фронта метался между городами Козловом и Орлом. Казаки основательно испортили важные участки железных дорог. Стоило нарушить движение еще по одной только дороге Тула — Курск, и положение красных было бы катастрофическим.

Высоко оценивая действия корпуса Мамонтова, Деникин, однако, не скрывал своего недовольства тем, что донские казаки вели себя на захваченных землях южных русских губерний зачастую позорнее, чем в землях Европы, по

которым они прошли в годы Мировой войны. Донцы развязали непомерные грабежи, обдирая, унижая мирное русское население деревень, сел и городов. Обремененные огромным количеством награбленного имущества, казачьи части корпуса Мамонтова неуклонно утрачивали боеспособность. Вместо движения на Лиски (важный железнодорожный узел) и разгрома тылов 8-й и 9-й армий красных, чего требовали боевая обстановка и директива главнокомандующего, генерал Мамонтов пошел на запад и переправился через Дон. Следуя по линии наименьшего сопротивления, правым берегом Дона 18 (5) сентября он вывел казачьи полки к Короткову на соединение с конным корпусом генерала Шкуро, наступавшим с юга на Воронеж. Путь на юг донцам был открыт, и потянулись в донские станицы многоверстные обозы с награбленным добром, а вместе с ними и тысячи казаков. Из 8 тысяч сабель в корпусе осталось едва 2 тысячи. Наступление белых армий продолжалось.

Однако же грабежи, бесчинства, массовые расстрелы в захваченных городах, поджоги, погромы, насилия и разрушения, наносившие глубокий урон красным, резко отрицательно сказывались и на положении самих казаков. Ибо они относились к рейду как к средству для очередной наживы, для личного обогащения. Более широкое понимание задач рейда большинству казачества было недоступно.

12 сентября генерал Деникин отдал приказ о переходе в общее наступление «от Волги до румынской границы», предполагая конечной целью взятие первопрестольной столицы. Белые армии, охваченные неудержимым порывом, вновь рванулись к Москве. Уже 20 сентября 1-й армейский корпус генерал-лейтенанта А. П. Кутепова, разгромив группировку 12 полков Красной армии, взял Курск. 30 сентября конный Кубанский корпус овладел Воронежем, выбив оттуда части 8-й армии красных. 13 октября корпус Кутепова вошел в Орел и продолжал наступление на Тулу. Никогда еще белые армии не были так близки к сердцу России. В октябре 1919 года все в штабе Деникина почувствовали: желанное может совершиться. Осталось всего каких-то верст двести. Ликование царило в штабах... Припоминали, что в седую старину, лет триста-четырееста тому назад,

во времена набегов конница крымских татар порой прорывалась, докатывалась от Тулы до Москвы за двое суток. Кто тогда способен был осмыслить, что наступила кульминация Гражданской войны в России?..

То было в штабах. Но не учел генерал Деникин положение дел в тылах наступающих армий. Грабежи, разбой, насилие на занятой территории стали для белых миной замедленного действия. Еще в разгар наступления Деникин в письме командующему Добровольческой армией генералу Май-Маевскому характеризовал поведение наиболее идейной части вооруженных сил Юга России:

«Грабят отдельные воинские чины, грабят небольшими шайками, грабят целые воинские части, нередко даже при попустительстве и с позволения лиц командного состава... В грабеже виден широкий размах. Грабит вся армия. Разгромлено или увезено, или продано на десятки миллионов рублей самое разнообразное имущество, начиная от интендантских вещевых складов и кончая дамским бельем. Беспросветная картина грабежей и хищений царит во всей прифронтовой полосе».

Стратегическая обстановка на других фронтах Гражданской войны складывалась неблагоприятно для войск Деникина. На Востоке разбитые армии Колчака оставили Урал, Западную и Центральную Сибирь, неудержимо катились к Байкалу и в Забайкалье. Фронт вооруженных сил Юга России оказался растянутым от Волги до Киева. Все резервы были отвлечены на внутренний фронт для борьбы с неплохо организованными соединениями Махно, Петлюры, с партизанами. В результате из 150-тысячной армии на фронте Астрахань — Царицын — Воронеж — Орел — Киев Деникин имел только 98 тысяч штыков и сабель. При этом наиболее боеспособная Добровольческая армия насчитывала всего 20 тысяч офицеров и солдат.

Но еще большая опасность, угрожавшая силам Деникина, заключалась в потере опоры среди крестьянства. Разработанный «Особым совещанием» (верховного главнокомандующего — ОСВГ) проект аграрной реформы представлял копию столыпинских мероприятий, начатых еще монархическими и октябристско-кадетскими верхами в

1906–1907 гг. Здесь ставка делалась на «сильного мужика» — кулака. В условиях, когда большевикам удалось разжечь классовую борьбу в деревне между бедным и зажиточным крестьянством, подобная реформа была обречена на провал. Следовавшие за белогвардейскими частями представители власти и контрразведка своим террором и экзекуциями крестьян, уже поделивших и распахавших помещичью и кулацкую землю, вызвали протест и восстания против белогвардейского режима. Крестьянство шатнулось в сторону большевиков и стало пополнять ряды Красной армии. Разлагались под влиянием большевистской агитации и казаки, оторванные от родных станиц.

* * *

В тот момент, когда происходили решающие сражения за судьбу Южного фронта, Советская власть получила еще один тяжелый удар с Северо-Запада. Генерал Юденич при поддержке Антанты начал новое наступление на Петроград. К исходу сентября его армия насчитывала 18 с половиной тысяч штыков, 57 орудий, 500 пулеметов, 4 бронепоезда, некоторое количество танков и самолетов. В начале октября его войска прорвали оборону войск Красной армии и 4 октября заняли Струги Белые, а 12 октября вторично овладели Ямбургом. Одновременно вдоль южного побережья Финского залива пошла в наступление на Петроград эстонская дивизия численностью более 18 тысяч штыков и сабель. С моря ее прикрывала британская эскадра адмирала Лайдонера. Именно в те дни корабли Балтийского флота, вышедшие в Финский залив на защиту Петрограда от британской эскадры, сошлись в бою со своими бывшими союзниками. В той морской баталии англичане были отбиты от Кронштадта и Питера и понесли немалый урон. В середине октября на побережье Копорского залива с английских кораблей высадился десант. Британцы решили оказать прямую помощь эстонцам и белогвардейским частям генерала Юденича и захватить форты «Краснофлотский» (бывш. «Красная горка») и «Передовой» (бывш. «Серая ло-

шадь»). Они предприняли штурм фортов. Но, видимо, английские солдаты и моряки не хотели класть свои жизни в далекой, чужой и холодной России за непонятные им интересы своего правительства, своего короля, русских помещиков и буржуазии. Потому после дружного сопротивления и контратак русских моряков они откатились от фортов и перешли к обороне. Однако наступление Юденича продолжалось. Во второй половине октября его войска заняли Лугу, Гатчину, Царское село, Детское село, Павловск и сосредоточились на подступах к Петрограду.

* * *

Генерал Мамонтов нащупывал на фронте наиболее подходящие места для обратного прорыва. Тем временем Кубанский конный корпус генерала Шкуро продолжал наступление на правом фланге Добровольческой армии. Кубанцы, дравшиеся сначала в составе Добрармии Май-Маевского, по приказу главнокомандующего оставили Курскую и Орловскую губернии, нанесли удар восточнее и овладели Воронежем. Прорвавшись сквозь тылы 8-й армии красных на правый берег Дона, потрепанные в боях, разложенные разбоем, грабежом и дезертирством остатки Донского корпуса генерала Мамонтова 19 сентября около 10 часов утра вышли на соединение с Кубанским казачьим корпусом генерала Шкуро юго-восточнее Воронежа. Тут и там донцы стали встречать их отдельные передовые части и разведку. Это привело к приостановке наступления особой группы Красной армии под командованием Шорина.

Подъесаул Николай Туроверов получил задание начальника штаба полка выяснить, с какими частями Кубанского корпуса им предстоит выйти на соединение. Впереди на западе лежало большое и богатое воронежское село. Туроверов и два сопровождавших его казака-разведчика подъехали к селу на расстояние выстрела кавалерийской винтовки и остановились в посадке, где еще сохранялась желтеющая листва, скрывавшая казаков. В селе тревожно

били в небольшой церковный колокол, что глуховато гудел на каменной, выкрашенной в желтый цвет колокольне, возвышавшейся над соломенными кровлями хат.

— Нет ли там красных, Николай Николаич? — озабоченно спросил у подъесаула черноусый вестовой средних лет (из новочеркасских казаков), натягивая удила, поглаживая коня по храпу и успокаивая его.

Другой — рябой и русский казачина, мобилизованный, но принимавший, по его словам, участие в весеннем восстании верховских станиц Дона, достав винтовку из-за спины и поправив шашку, негромко вымолвил:

— Поостеречься б нам, вашбродь.

— Вижу сам, братцы, — отвечал Туроверов, поднося к глазам бинокль.

Взгляд подъесаула уперся в верхний ярус колокольни, и он довольно ясно различил какого-то молодого белокурого парня в телогрейке, что тянул на себя канат и раскачивал язык, ударявший в стены колокола. Порой парень что-то кричал, и Туроверову показалось, что снизу в него стреляли. Винтовочные выстрелы через секунду-другую донесли до казаков. Туроверов опустил бинокль ниже и увидел, что между хат гарцуют верховые в черкесках и лохматых папахах. На плечах у них были различимы погоны.

— Нет, братцы, в селе наши. По мундиру похоже — кубанцы. Это, видать, кто-то из местных большевиков шум устроил и решил в колокол позвонить за упокой советской власти и своей красной души. Побежали-ка вперед, — негромко сказал-скомандовал подъесаул.

Казаки тронули коней. Минут через семь они были уже близ околицы. В селе явно творился переполох. Где-то начинался пожар, и тянуло едким желтовато-белым дымом. Раз от разу падали из винтовки, слышались мужские крики и хохот, женский ор, детский плач, боевой гогот гусей, кудахтанье кур, и все это перекрывал загроможденный колокольный гул. Туроверов, насмотревшийся за последние дни на казачьи грабежи и мародерство, все же почувствовал что-то неладное. Какое-то внутреннее чувство и интуиция подсказали ему, что здесь что-то не так...

Еще не въехали они в село, как вдруг из кустов встречь им выбежала молодая, растрепанная женка с синяком под глазом и истошно завопила:

— Ой, ратуйте, православныя! Ой, Галиночка! Ой, Галина! Спаситя! Помогитя!

Увидев верховых, она перекрестилась и со всех ног бросилась к ним.

— Ой! Спаситя, русския, казачки! — в ужасе верещала она, протягивая к ним руки.

Туроверов быстро оставил седло и попытался успокоить молодку, но та в истерике указывала на кусты и, хватая за рукав, тянула Николая туда. Двое разведчиков сошли с коней и во главе с подьесаулом стали быстро продираться через кусты ивняка и заросли лопухов направо от дороги. Туроверов вроде бы и удивился, но с другой стороны все сразу стало понятно ему. Казаки увидели, что какой-то здоревенный кавказец (вероятно, кабардинец или дагестанец) в черкеске, сбросив папаху с головы и приспустив штаны, завалил русскую бабу и, разодрав на ней исподнее, насильно раздвигает ей ноги. Другой кавказец поменьше, в папаче и в черкеске, одной рукой зажимал ей рот, придушил и пытался плетью стянуть ей руки. Все стало ясно казакам без слов. Туроверов догадался, что перед ним представители одного из полков «доблестной» Сводной горской дивизии мусульман Кавказа. Он неоднократно слышал о «подвигах» этих головорезов от офицеров Кубанского корпуса.

«Слава Богу, что винтовки насильников приставлены к стволу дерева, а кинжалы в ножнах», — мелькнула мысль в голове подьесаула.

Он мигнул, и его вестовой быстро овладел винтовками «черкесов». Тот, что пытался связать женщине руки, кинулся было к оружию, но вестовой ударом сапога в нос и в зубы свалил его на землю и этим, вероятно, выключил его на время. Верховской казак передернул затвор и направил ствол на главного насильника. Тот поднялся на ноги, натягивая штаны, и, растопырив указательный и безымянный пальцы правой кисти, уперся своим взглядом в подьесаула. Лицо его стало хищным и наглым.

— Буту тэбя эпать, и мой Джигит твои казаки эпать буту! — вызывающе прошипел он.

Казаки с долей испуга на лице попятнулись назад, но Туреров не думал ни секунды. Удивительно, но правая его рука не потянулась к шашке на левом боку, пальцы ее не расстегнули кобуру, чтобы выхватить револьвер и направить его на «черкеса». Нет, рука сама собой, сжав кисть и пальцы в кулак, описала правильную дугу и нанесла тяжелый удар в лицо насильнику. Тот, опрокинутый хлестким и мощным укоротом, пал навзничь. Рот его от удивления раскрывшись, глаза округлились, из носа потела юшка.

— Свою эпалку воткни в свой вонючий зад! — с омерзением негромко проскрежетал подьесаул.

Для немного опеших казаков удар их офицера послужил сигналом. Они накинулись на «черкеса» и стали с остервенением молотить его ногами и прикладами винтовок. Тот под градом ударов смог подняться на колени, поднять руки и начать умолять:

— Русски, не убивай, просты. Ради Аллах! Нэ надо убивать!

Вестовой Туроверова, озверело ухватив насильника за ворот, порвал на нем черкеску. Верховской казак нанес ему удар сапогом в лицо. Тот, несмотря на грузную фигуру и высокий рост, ловко перевернулся и, вскочив на ноги, бросился бежать в сторону села. Но вестовой умело подсек «черкеса» ударом ноги в падении. Насильник вновь распластался на земле. Казаки, словно коршуны, сызнова бросились добивать и клевать свою добычу.

— Братцы, да дайте мне хоть разок-то вдарить! — с долей сожаления воскликнул подьесаул, понимая, что его подчиненные взяли дело в свои руки и добивают кавказца.

Нет, Туроверову не жаль было насильника, но он действительно, как в молодецкой драке, хотел внести и свою лепту в это мужское правое дело.

— Остынь, вашбродь, без тобя совладаем! — сопел верховской детина, нанося очередной удар кулаком.

«Черкес», понимая, что приходит его смертный час, вероятно напрягая все силы своего большого и грузного тела, все же вдруг сделал последний, казалось, спасительный для

него рывок, и, освободившись из рук своих губителей, побежал сквозь кусты в сторону села.

Туроверов соображал мгновенно. Он увидел кровавые ссадины на голове и шее кавказца, рваные и располосованные черкеску и бешмет, увидел, что тот бежит босиком. И в то же мгновение пальцы его правой руки вырвали револьвер из кобуры, и он, не задумываясь, нажал на курок, дважды выстрелив в спину бежавшего. Тот кувырнулся и исчез в кустах.

— Ну-ка, хлопцы, быстро по коням, а то весь их табор здесь скоро будет! — скомандовал подьесаул.

Он мгновенно обозрел место стычки с «черкесами». Тот невысокий, которого верховской казак ударил в висок в самом начале, приходил в себя, лежа на боку, и начал шевелиться.

— Добить энтово? — указывая пальцем, спросил вестовой.

— Оставь. Пусть оживет, другим таким же порасскажет, как трогать русских баб.

Взгляд его остановился на женщинах, стоявших у кустов в некотором отдалении и с ужасом наблюдавших за происходящим.

— Как же ты, такая-разэтакая, под того абрека попала? — с долей облегчения и тревожной улыбкой спросил Туроверов у той, что подверглась насилию.

— В лещине мы ховалися, да я по малой нужде было, а он-от заметил и за мною увязалси... — вытирая слезы, всхлипывая, отвечала молоденькая, довольно смазливая крестьянка.

— Ну, бабы, ноги в руки да бегом отсель, да подале, а то набегут скоро их дружки. А так нет нас тут и не было, и спросу никакого! — с этими словами подьесаул огрел плетью коня, и скоро казаки растаяли в лощине за полем.

* * *

В самый разгар наступления вооруженных сил Юга России большевистское руководство напрягло все силы Республики для разгрома армий генерала Деникина. По

предложению Главкома С. С. Каменева Южный фронт был разделен на Южный (14-я, 13-я, 8-я, а затем и 12-я армии) и Юго-Восточный (9-я, 10-я, и 11-я армии). Для Южно-го фронта под командованием А. И. Егорова (члены Реввоенсовета — И. В. Сталин, М. М. Лашевич) основным направлением стало Орловско-Харьковское. Юго-Восточный фронт, которым командовал В. И. Шорин, был нацелен на Царицын и Новочеркасск. Меры, предпринятые правительством большевиков, позволили уже к середине октября иметь на Южном и Юго-Восточном фронтах около 155 тысяч штыков и 21 тысячу сабель, 892 орудия. Красная армия превосходила силы армий Деникина в полтора раза. Она имела и огромное превосходство в резервах, которые у Деникина были уже исчерпаны. За сентябрь — ноябрь 1919 года Южный и Юго-Восточный фронты получили пополнение численностью до 325 тысяч бойцов. Красные постепенно обрели и моральное превосходство над противником, особенно над казачьими частями Донской и Кавказской армий, для которых война представлялась как бы на «чужой территории».

Гниль, нечисть, уголовщину, партизанщину и анархию словно железной метлой выметало из рядов Красной армии. «Виновата» в этом была и Белая гвардия, наносившая Красной армии страшные, но не смертельные удары. Снося их, Красная армия училась у белых, ведь учителя и ученики были людьми одной крови, одного происхождения и воспитания. Опыт и итоги поражений осваивались и реализовывались очень быстро, ведь это был не германский, а внутренний российский фронт. Волей Провидения и Его попущением за два года правления большевики, вопреки, казалось бы, идеям интернационализма, изначально вынашиваемым ими, все более проникались идеями государственности, основанной на жесткой дисциплине, порядке и законности. Удивления достойно, но и понятно. Все это было прикрито красным флагом социализма, но большевики все активнее использовали имевшийся в их распоряжении мощный потенциал Российской империи. Более половины руководства Красной армии было представлено старшими офицерами старой русской армии, по разным причинам перешедшими

на сторону советской России. В свое время полковниками были А. И. Егоров, В. И. Шорин, генералом — В. И. Селивачев. А тысячи бывших офицеров среднего и младшего командного состава зачастую добровольно сражались в рядах РККА. В штабах армий Юга России видели и понимали, что по ту сторону линии фронта им зачастую противостоят их бывшие соратники по германской войне, такие же выученики, наследники и преемники великих традиций и боевого опыта русской армии.

В 1919 году в частях РККА началась серьезная реорганизация. Отныне кавалерийские бригады стрелковых дивизий были использованы для формирования частей стратегической кавалерии (отдельных бригад, дивизий, корпусов). Уже в сентябре 1919 года в составе 10-й армии из двух кавалерийских бригад дивизионной кавалерии и одной отдельной прославленной кавбригады (Д. П. Жлобы) был образован Конно-сводный корпус под командованием Думенко. Для усовершенствования командного состава кавалерии и подготовки командиров полков и эскадронов в 1919 году в Петрограде на базе Офицерской кавалерийской школы старой армии стала действовать Высшая кавалерийская школа Красной армии. И это только один из ярких примеров того, как наследие и опыт старой армейской школы осваивала и примеривала на себя армия молодой Российской социалистической республики.

Главная роль в предстоящем контрнаступлении отводилась войскам Южного фронта, командование которого создало две ударные группировки — северо-западнее Кром и восточнее Воронежа. Решающий удар из района Кром должна была нанести группа в составе Латышской стрелковой дивизии, Особой стрелковой бригады и кавалерийской бригады Червоного казачества. Группе предписывалось действовать во фланг и тыл частям Добровольческой армии, выдвинувшимся к Орлу, в общем направлении на участок железной дороги Орел — Курск. В том же направлении должны были наступать войска 13-й и 14-й армий. Второй удар из района восточнее и северо-восточнее Воронежа наносился частями 8-й армии, которой был придан вновь созданный Конный корпус С. М. Буденного. Эта ударная группировка должна была овладеть Воронежем,

Касторной и выйти юго-западнее реки Дон. В ходе операции Конный корпус, располагавший наиболее испытанными и боеспособными частями красной конницы, должен был разгромить казачьи корпуса Мамонтова и Шкуро.

* * *

В первой половине октября части Дроздовской и Корниловской дивизий дрались под Орлом, Дмитровском, Кромами. Сопротивление красных было стойким и ожесточенным. Потери с обеих сторон были столь значительны, что порой было непонятно, кто наступает, кто обороняется. Артиллерия и обозы отставали от передовых частей. Шли дожди. Войска, двигавшиеся вдоль шоссе и железных дорог, изнемогали от усталости.

2-я артиллерийская батарея артдивизиона дивизии Дроздовского заняла небольшое село где-то западнее Нарышкино и южнее Хотынца. Солдаты и офицеры расположились по хатам на постой. Свечерело, похолодало и вновь начал моросить дождь. В одной из хат, где остановился подпоручик Космин, немолодая хозяйка растопила печь, и в доме стало уютно и тепло. Космин смертельно устал за день. В углу кухни он сдвинул две лавки, постелил на них шинель, положил вещевого мешок под голову, накрыв его свежим рушником, снял сапоги и портянки. Посидев немного у печи, погревшись, попив чаю, Кирилл лег на свою постель и, казалось, уснул. Тихо скрипнула дверь, и мимо него кто-то прошел легкими девичьими шагами. Затем за дощатой стеной, отделявшей кухню от горницы, негромко заговорили.

— Польшка, а иде ноне твой милай? Давно ль видалася с им? — спросил певучий и тонкий девичий голосок.

— Да надьсь с Яшкой встрелися, — отвечал ей более низкий девичий голос.

— Чего ж он, тобя замуж-то зоветь? — спрашивала первая девушка.

— Рано ишо нам. Шешнадцатый год и ему и мне. Да слыхала, есть у ево и постарше присуха в Вербниках-то. Да и война-от, — отвечала вторая.

— Из ваших-то кого забрили в солдаты?

— Из наших Савкиных никого. А вот Яшкина старшего брата Павла большаки в Красную армию-т позвали. И пошел.

— Ой! Павла узяли у солдаты!?! В красные? — с удивлением пропел высокий голосок.

— Да уж месяца два как. А Яша, тот говорит, не пошел бы, — отвечала девушка с грудным голосом.

— А что, белые лутше?

— Да иде лутше! Неделю-другую назад мы с Яшкой хоронились в лопухах, а через наше Покровский поселок белые ишли верхи — усе сплошь чаркесы.

— Как чаркесы, што, усе черные да усатые? Бусурмане, чай?

— Да нет, и белявые, и чернявые, и с усами, и при бороде есть, но чаркесы. Не бусурмане — вродь русския, а вродь и не.

— Не пойму я тебя, Полька. То казаки, может, ишли, коли верхи? — спрашивала девушка с высоким голосом.

— А и казаки, может, — отвечала Поля.

— Да то казаки в чаркесках! Дак злыя! Один ишел пьяный через наш двор, да приткнулся ногою о чурбак и упади. Поднялся, выругался матерно, взял тот чурбак, да как хватил им в окно. Дак чурбак со стеклами в хату и влетел, — рассказывала девушка с высоким голосом.

Космин повернулся на другой бок и закашлял. Разговор за дощатой стенкой прервался.

Кириллу вдруг почему-то вспомнился-привидился железнодорожный вокзал в Курске; хмурый, холодный осенний день, непогода. У дверей вокзала девочка лет десяти в оборванной, испачканной сажей овчине и в старом платке, со слезами на глазах. Она протягивает ручонку, просит милостыню:

— Господа хорошие, господа солдаты и ахфицеры, подайте Христа ради. Мама больная, братики маленькия есть хочут.

— С кем воюем? За что воюем и льем русскую кровь? — подумалось Космину перед тем, как он уснул.

На следующий день утром солдатам и офицерам 2-й батареи было объявлено о переброске их на восток для усиления Кубанского конного корпуса генерала Шкуро, которому предстояло драться с красными за Воронеж.

* * *

Местные органы советской власти и военные коменданты уездов и губерний, располагавшихся южнее Москвы, били тревогу. Дело доходило до курьезов. В октябре в Центральные государственные реставрационные мастерские (ЦГРМ), созданные советским правительством при Наркомате просвещения, неожиданно пришло сообщение из Тулы о готовящихся мероприятиях по использованию Тульского кремля в целях обороны от белогвардейских войск. На внеочередном заседании ЦГРМ было заслушано экстренное сообщение, где специалистами-архитекторами было заявлено, что средневековые оборонительные сооружения города требуют срочного и капитального ремонта, а не военного использования. Зав. отделом по охране музеев и памятников искусства и старины при Наркомате просвещения Н. И. Троцкая (супруга известного большевистского лидера), пользуясь особым авторитетом и статусом, смогла связаться с комендантом Тульского укрепрайона и, казалось, выяснила положение дел. Комендант Артамонов, успокаивая Троцкую, объяснил, что «Тульский кремль располагается в низине, и никоим образом стены и башни его не могут быть использованы для обороны Тулы, хотя стены прекрасно сохранились. Единственное сооружение „вблизи Кремлевских стен“ — „пулеметная площадка“ для стрельбы по аэропланам, установка которой ни в коем случае не грозит разрушением кремлевским стенам».

Однако замыливание глаз Троцкой просто так не прошло. Положение оказалось куда более серьезным, и в ЦГРМ вновь поступили тревожные сведения. Сотрудники мастерских связались с секретарем Предреввоенсовета Бутовым и подробно изложили ему положение дел в письменной форме. «По имеющимся сведениям, — гласил документ, — на

стенах Тульского кремля предполагается произвести военно-стратегические укрепления командованием военно-полевого строительства Южного фронта тов. В. А. Кастринским; разместить артиллерию в башнях и на стенах, сломать часть зубцов. На это центральный орган Республики по охране памятников искусства и старины просит срочно распорядиться по охране Тульского кремля и воспретить работы военного характера. Кремлю более 400 лет. Необходимо серьезная реставрация»...

Да! Успешная и кровопролитная оборона Московского Кремля офицерами и юнкерами в ходе боев за первопрестольную столицу в ноябрьские дни 1917 года многому научила большевиков! В глазах советского правительства стены и башни Московского Кремля также еще долго оставались не памятником, а оборонительным сооружением, внутри которого можно было надолго разместиться и относительно безопасно отсидеться в тяжелое время. В октябре комендант Кремля приказом за № 2817 потребовал от Главнауки и Главмузея «срочно заделать окна и отверстия в башнях и стенах по соображениям обороны». Распоряжение это, доведенное до сотрудников ЦГРМ архитектором И. В. Рыльским, срочно обсуждалось на заседании. Постановление специалистов реставрационных мастерских по этому вопросу было следующим: «Признать эту работу искажающей памятник, но ввиду неизбежности таковой необходимо вести наблюдение за всеми работами, чтобы возможно предупредить уродование построек».

Но, как вскрылось со временем, не только подобные средства «обороны» угрожали Московскому Кремлю. В Чудовом монастыре по приказу коменданта было складировано 6000 пудов артиллерийских снарядов. Случайно брошенный окурок, от которого могла загореться газета, деревянные ящики, или случайная детонация привели бы к взрыву, который, в свою очередь, уничтожил бы как минимум половину памятников Кремля за несколько секунд. Сотрудники ЦГРМ, узнав об этом, сразу же постановили довести эту информацию до сведения ВЦИК, но склад с боеприпасами чудом просуществовал в Чудовом до 1922 года.

* * *

В середине октября 1919 года войска Южного фронта перешли в контрнаступление по намеченному плану. Наиболее кровопролитные бои развернулись на орловском и тульском направлениях, где сражались отборные офицерские части Добровольческой армии. В жестоких боях, длившихся с 16 по 20 октября, дроздовская дивизия, отдельные части которой были переброшены под Воронеж, понесла большие потери в неравной борьбе. Стрелковые и пехотные соединения корниловцев и марковцев, лишенные маневра, ибо конный корпус Шкуро и Конный корпус Добармии были также переброшены на восток, все еще продолжали отбивать атаки соединений 13-й армии красных. Но угроза окружения, возникшая в связи с прорывом Конного корпуса Буденного и 8-й армии к Воронежу, заставили части Добровольческой армии 20 октября оставить Орел, Ливны и отходить на юг. В те дни небывалое по ожесточенности встречное сражение развернулось на левом крыле Южного фронта, сначала у Воронежа, а затем и у Касторной...

Касторная! Немалый железнодорожный узел и городок возле него. И откуда такое странное название у этого небольшого русского города, затерянного в степной курско-воронежской глубинке? Верст пятьдесят на восток по железной дороге, и вы попадете на правобережье верховьев Дона. Великолепные, красивейшие места! Меловые светло-серые горы, покрытые лесом и кустарником, высятся над вьющейся меж гор, плавно несущей свои воды к далекому морю рекой. Пляжи, отмели с золотым песком и заливные луга левого берега позволяют видеть с высот правого берега заречные степные дали, раскинувшиеся на сотни верст — далеко на юг и на восток. Сколько рыбы ходит в тихих заводях Дона, сколько дикой птицы вьет свои гнезда в камышах и кружит над рекой у приречных высот! Веет ветер над вершинами гор, и в этом веянии и шуме слышен голос веков. Вокруг простор и воля!

Знал ли Космин, что ожидают его в этих местах важные вести, нечаянные встречи, а следом ошеломляющие откоро-

вения и перемены? Конечно, не знал. Но чуткая душа его, врожденная интуиция и природный ум, словно тлеющий огонек в камине, напоминали, подсказывали что-то, чего еще не понимал он сам. Душа его ждала хорошего огня в топке и тепла в ту суровую, морозную ночь страшной российской реальности, именуемой Гражданской войной.

Все воинские части, прибывавшие на усиление Кубанского корпуса генерала Шкуро, направляли на привокзальную площадь, а оттуда посылали на постой в городке. Вдали на востоке грозно рокотала артиллерийская канонада. И тут у вокзала кто-то хлопнул Космина сзади по правому плечу. От неожиданности Кирилл повернулся и увидел перед собой казачьего офицера в заломленной набок кубанке и кавалерийском овчинном полушубке, усатого, с улыбкой во все лицо.

— Ба! Да это не кто иной, как сам подпоручик Космин! Верить ли мне очам своим!? Кирилл! Жив-здоров! Дружище!

— Бог мой! Алексей! Это ты ли?! — воскликнул в изумлении Кирилл.

— А кто бы еще, если не я? — отвечал обрадованный нечаянной встречей Пазухин.

— Господи Боже мой! Да ты, я гляжу, уже ротмистр?

— Это, друг мой, казачьи войска! Потому не ротмистр, а есаул!

— То-то, я смотрю, одна голубая полоса и осталась на погонах, а все звезды слетели. Есаул! Когда ты только успел, Алексей?

— Успел, как видишь. Весной-летом наш Кубанский корпус, может, слышал, дрался в Восточной Малороссии. Били махновскую да петлюровскую рвань. Вот тогда и присвоили мне подьесаула. И нужда в офицерах была немалая. А этой осенью, в конце сентября, за взятие Воронежа произведен в есаулы (как ты говоришь, ротмистры). Словом, еле успел звездочки смахнуть. Да вон еще и дырочки видны.

— Ну, поздравляю, Алеша-дружище!

— Я вижу, ты тоже времени даром не терял, вон подпоручика получил!

Они крепко обнялись, расцеловались. А потом сидели в просторной пристанционной ресторации шумной офицерской компанией, каковых было немало в подобных местах прифронтовой полосы, и пили все подряд, что было в буфете и в офицерских флягах.

— Думаю и вижу, Кирилл, неспроста вас перебросили сюда, хотя этим ослабили Добрармию. Здесь, под Воронежем, решается сейчас судьба Москвы. Слышал, у красных сформирован конный корпус Буденного? Не-ет?! Набран из отъявленных рубак и головорезов. На Покров 1-го (13-го по новому стилю) октября Буденный завязал сражение с Донским корпусом Мамонтова в районе Московского — это восточнее Воронежа. Отсюда совсем недалеко — за Доном. Одновременно в контрнаступление перешли части их 8-й армии. До вчерашнего дня — 4-го (17-го) шли и продолжают жестокие встречные бои. Отдельные населенные пункты по несколько раз переходят из рук в руки. Я был там — в разведке — и знаком с боевой обстановкой, — с жаром, но негромко говорил хмелеющий Пазухин, обнимая Космина за плечо.

— Чего же ожидать далее? — с тревогой спрашивал Космин.

— Далее? Завтра-послезавтра наш конный Кубанский корпус и Донской Мамонтова, усиленные пехотой и вашей артиллерией, — до 10 тысяч сабель и 2 тысячи штыков — нанесет удар по корпусу Буденного на стыке их 4-й и 6-й дивизий в направлении на Хреновое. У нас 5 бронепоездов, почти 250 пулеметов. Представляешь, что будет?..

— Господа! Возьмем первопрестольную, переведем большевиков, восстановим законную власть! — поднимая стакан с водкой, громко выпалил тост молодой, интеллигентный, с легким пушком над верхней губой хорунжий в светлой черкеске с газырями.

— Во, тогда погуляемо! — проскрежетал, хитро улыбаясь и покручивая ус большими, как из чугуна литыми пальцами, сотник. Видно было, что это офицер, выбившийся в люди из простых казаков. На нем был тесноватый красный чекмень, поверх которого была накинута на плечи большая бурка. На поясе красовался широкий и длинный кавказский кинжал.

Все подняли стаканы, кружки, чокнулись и выпили залпом.

— Слушай, Кирилл, кого видал из наших дроздовцев в последний раз? — спросил Пазухин.

— С тех пор как перебросили под Орел, а потом сюда, — никого. Но я слышал, что Гаджибеклинский переведен, как и ты, в Кубанский корпус.

— Помяни, Господи, раба твоего Руслана. Убит Гаджибеклинский под Полтавой. Пал от махновской пули. Под сердце ударила, — суровея лицом, промолвил Пазухин.

— Слышал? Или сам видел?

— Был на похоронах. Видел.

— Царство ему небесное, — произнес Кирилл и перекрестился.

— Да, слышал я, Кирилл, в Харькове, кажется, судили и расстреляли полковника Рябцева, что сдал Москву большевикам в ноябре семнадцатого.

— Если это так, то есть справедливость и на земле! — произнес с удивлением Космин.

— Да, я тут дня два назад встретил Петра, э-э... Усачева, помнишь поручика из Ростова, к нам тогда прибился?

— Как, где?

— Да здесь он, в Касторной! Про тебя все спрашивал.

— Слушай, Алексей, как бы увидеть его? Точно ль он здесь?

— Да сейчас пошлю за ним вестового. Их часть здесь недалеко квартирует.

За Усачевым послали. Через полчаса трезвый, выбритый и свежий поручик возник перед хмельной компанией.

— Петр Петрович! Друг сердешный! Ходи к нашему столу. Здесь тот, кого ты жаждал лицезреть! — воскликнул есаул, махая и зазывая Усачева рукой.

— Всех приветствую, господа! Здравствуй, дорогой Кирилл! — произнес, засияв лицом, Петр Петрович, кланяясь всем сразу, а затем крепко обнимая и целуя Кирилла.

У Космина что-то дрогнуло в груди, ибо он почувствовал какую-то особую ноту величия и тихого торжества в словах Петра.

— Это тебе, прочти, дорогой, родной друг, — уже почти шепотом произнес Петр, протягивая Кириллу конверт.

— Налейте поручику, господа! Уж больно он серьезен и шепчет что-то, словно заговорщик. Говори громко при всех, Усачев! Какие могут быть тайны? — настаивал хмельной Пазухин.

— Что? Что там? — испуганно спросил Космин.

— Прошу простить, господа. Письмо адресовано подпоручику и носит сугубо личный характер.

— Иди же, выпей с нами, каналья! Пусть Космин читает. Ему уже хватит. А то будет опять искать и звать под столом гномов и троллей, как было не раз по завершении добрых попок. Помнишь, Кирилл, под Тернополем или в Питере, как ты надрался в «Приюте комедиантов», когда мы пили с этим известным поэтом, как его бишь, э-э, Глумлев? — почти орал есаул.

Но Космин уже не слышал призывов друга. Он читал, сердце его колотилось, руки тряслись, душа холодела, умом он повторял молитву «Да воскреснет Бог...». Усачев тем временем подошел к столу, опрокинул в рот штрафной стакан с самогоном и, внимательно посматривая на Космина, негромко сказал:

— Господа, вы можете поздравить подпоручика.

— С чем поздравить? — с интересом спросил молодой хорунжий.

— Будь здраве, добродию! — громко произнес сотник и выпил.

— Сейчас сам скажет, — отвечал Петр Петрович.

«Милый, родной мой Кирюша. Поздравляю нас обоих, — читает Космин, и сердце его воспаряет к небесам, — октября 5 дня (по новому стилю) сего 1919 года я родила. Мучилась почти сутки. Но теперь у нас с тобой хорошая, румяная доченька. Назвала ее Наталией. Кормлю сама, грудью. Молока хоть отбавляй. Как ты там, милый? Пришли хоть весточку. Не знаю, где и когда застанет тебя это письмо, но я через надежных знакомых отослала его Петру с просьбой передать тебе. Брат уж точно найдет тебя, хоть время нынче смутное и страшное. Береги себя, дорогой, и о нас с доченькой не беспокойся. Мы в Кадоме, дома у моих

отца и матери. Пиши. Жду. 7 октября 1919 года. Твоя Евгения», — читает и перечитывает Кирилл, не веря глазам своим.

А в ресторации шум, пьяные разговоры о войне и политике, папиросный дым столбом, мутноватый, подслеповатый свет расстрелянных электрических люстр и десятков свечей. Где-то вдали гремит канонада. Досками забиты проемы арочных окон ресторации и вокзала, а сквозь щели поддувает холодный октябрьский ветерок, ибо выбиты стекла, а закрыть более нечем. У путей перевернутые остовы сгоревших вагонов и паровозов. Но вокзал живет, работает. Россия!.. Кирилл пытается прийти в себя, прислушаться, понять, что происходит. С трудом различает слова Пазухина. Поправляет и протирает запотевшее пенсне, осматривает зал, слышит и видит, как в соседней кампании какой-то молодой подъяесаул читает стихи. Он тянется к столу, берет стакан, пьет и плачет. Слезы сами текут из его глаз, а он не может и не хочет остановить их. И это приводит его в чувство...

— Меня с тобой связали узы
Моих прадедов и дедов, —
Не мне ль теперь просить у музы
И нужных рифм, и нужных слов?
Воспоминаний кубок пенный
Среди скитаний и невзгод
Не мне ль душою неизменной
Испить указан был черед?
Но мыслить не могу иначе:
Ты город прошлых тихих дней,
И новый вихрь судьбы казачьей
Тебе был смерти холодной.

Был атаман главою края,
Слугой России и Царей.
И, облачением сияя,
Служил в соборе архиерей.
О Думе спорили дворяне
И об охоте невзначай,

Купцы — о дегте и тарани,
В прохладных лавках сев за чай.
Блюли закон, моляся Богу,
Хулили злобу, блуд и месть.
Все казаки ходили в ногу
И отдавали лихо честь.

Февраль принес с собой начало.
Ты знал и ждал теперь конца.
Хмельная Русь себя венчала
Без Мономахова венца.
Тебе ль стоять на Диком поле,
Когда средь вздыбленных огней
Воскресший Разин вновь на воле
Сзовет испытанных друзей?
Ты знал — с тобой одним расплата
За тишь романовского дня.
Теперь не вскочит пылкий Платов,
Тебя спасая, на коня, —

читал с листа молодой белокурый подъяесаул с чубом и
твердым подбородком.

— Какие хорошие стихи! Кто этот, что читает? — спросил юный хорунжий в черкеске.

— Толком не знаю. Какой-то казачий поэт из Донского корпуса. Фамилия то ли Староверов, то ли Труроверов, — отвечал захмелевший Пазухин.

— Извините, сотник, о чем и о ком читает этот господин? — тихо и пьяно, вытирая слезы, спросил Космин у донского офицера из соседней компании.

— Это наброски его поэмы о Новочеркасске, — также тихо и пьяно отвечал сотник.

Давно оплеванным призывом
Серели мокрые листки,
С тоской кричали и надрывом
Внизу вокзальные свистки
В тумане сумрачно темнели
Бульваров мокрых тополя,

А партизаны шли и пели:
«Увидим стены мы Кремля».
Гудели пушки недалёко,
И за грехи своих отцов
Шли молодые одиноко,
И впереди них — Чернецов.

Кружились вихри снеговые
Над свежей глиною могил.
Каледин знал, кого впервые
Он на кладбище проводил.
Мела метель. Покорно ждали
Неотвратимого конца,
Но эти дни зачаровали
Снегами юные сердца.
И стало тесно и немило
В глухих родительских домах,
Когда свой знак нашёл Корнилов
Добрармии на рукавах.

Зарю казачьего рассвета
Вещал речами мудро Круг,
Цвело надеждой это лето,
и тополей кружился пух.
Несли к собору из музея
Знамена, стяги, бунчуки
И, дикой мезью пламенея,
Восстав, дрались казаки.
А там, где раньше были дачи,
Полков младых ковалась крепь.
Блестел собор с горы иначе —
Иной теперь вставала степь!

— Боже! Алексей, этот подьесаул написал о нас всех, о всем нашем несчастном поколении, о том, что творилось полтора-два года назад под Мелитополем, Ростовом, Ново-черкасском, — с трепетом и слезами на глазах шептал Космин, тряся Пазухина за рукав.

— Да, это стихи о нас и о *нашей России*, — соглашался хмелеющий Усачев.

— Ну, ничего, есть еще у нас порох в пороховницах, господи! — отвечал есаул.

— Надолго ли хватит? — спрашивал Космин.

Британцы, танки и французы.
Как дань восторгов и похвал,
Надели английские блузы
И гимназист, и генерал.
Кто не был бодр, кто не был весел,
Когда на карте за стеклом
ОСВАГ победный шнур повесил
Между Одессой и Орлом?
И все надежды были правы —
На север мчатся поезда.
Тускнеет среди Белой славы
Пятиконечная звезда.

И как прекрасен и возвышен
Высокий слог газетных слов,
И всем нам чудится, что слышен
Кремлевский звон колоколов.
И блещут радостные взоры;
Под громы дальних канонад,
Как порох, вспыхивают споры —
Кому в Москве принять парад,
Кто устранил теперь препоны,
Когда еще повсюду мгла, —
Орел двуглавый без короны
Или корона без орла?

Дымится Русь, сгорают села,
Пылают скирды и стога,
И ныне я с тоской веселой
Топчу бегущего врага,
Скача в рядах казачьей лавы,
Дыша простором диких лет.

Нас озаряет прежней славы,
Казачьей славы пьяный свет,
И сердце все запоминает, —
Легко сечет казак с плеча,
Но кровь на шашке засыхает
Зловещим светом сургуча! —

читал казачий поэт уже без листа.

— Да, Кирилл, ты прав. Надолго ли хватит нам еще пороха? — с тоской прошептал уже пьяный Усачев.

* * *

Командование Красной армии в короткий срок сформировало ударную группировку войск, которым была поставлена задача взять Воронеж и разгромить правофланговые соединения самых боеспособных частей армии Деникина с последующим наступлением на Курск в тыл главных сил Добровольческой армии. В состав этой группы входили: 4-я и 6-я конные (самые боеспособные) дивизии корпуса Буденного с подчиненными ему конной группой Филиппова и 56-й кавалерийской бригадой, 42-я стрелковая дивизия и 13-я кавбригада 13-й армии. Вспомогательная роль в данной операции была возложена на 12-ю стрелковую дивизию 8-й армии. В целом в ударной группе было 12 тысяч штыков, 8,4 тысячи сабель, 94 орудия, 351 пулемет.

Ей противостояли: 3-й Кубанский генерала Шкуро, 4-й Донской генерала Мамонтова, а также приданные им конный корпус Добровольческой армии и 3-й конный корпус Донской армии (всего: 5,3 тыс. штыков, 10,2 тыс. сабель, 60 орудий, 337 пулеметов, 6 броневиков, 3 танка).

Главный удар красных в направлении Воронеж — Касторная наносил 1-й Конный корпус Буденного (7600 сабель, 147 пулеметов, 21 орудие). Непосредственная задача, поставленная корпусу командованием, заключалась в том, чтобы встречным боем разгромить 4-й Донской и 3-й Кубанский корпуса противника в районе Воронежа и создать условия для выхода 8-й армии к реке Дон (до Яндовища на севере включительно).

* * *

Светало. Медленно и лениво в морозной дымке на востоке поднималось тусклое солнце над степным простором, над ярами, балками и высотами. Медленно кружились и падали на землю большие, красивые снежинки. Покров распускал свои крылья и господствовал над степью. Кано-нада временно прекратилась. Все замерло. Замерло в ожидании чего-то страшного, судьбоносного, «как бы на полчаса». И настало время молитвы. Многие молились в тот час, кто тайно, в душе, сжимая и ощупывая нательный крестик под красноармейской гимнастеркой без погон, а кто открыто, накладывая крестное знамение себе на чело, живот и рамена гимнастерок, френчей и черкесок с погонами. Но все это были люди одного, единого великорусского племени и единой российской семьи народов, разделенные Гражданской братоубийственной войной.

По балкам и логам юго-восточнее Воронежа почти скрыто от оптики биноклей быстро двигались многотысячные массы конницы, кавалерии и стрелков, погромыхивали передки орудий, щелкали затворы винтовок и пулеметов, тянулись, поскрипывая колесами обозы со снарядами, патронными ящиками, цинками, снаряжением, ревели быки, ржали кони.

Батарея, в которой служил Космин, была ночью развернута на высоте. За спиной артиллеристов в нескольких верстах была железная дорога. Шел седьмой час утра. Артиллеристы не успели толком окопаться в мерзлой земле, как наступило утро 19 октября. Справа и слева от артпозиции наблюдалось и слышалось передвижение больших масс конницы.

— Где мы сейчас, господин штабс-капитан? — спросил Космин у командира батареи.

— Позади нас Воронеж. Левее — большое село Острожка, верстах в пяти. Южнее, верстах в двадцати, Рогачевка, а вон там где-то Хреновое, — отвечал Лукин, рассматривая карту при свете фонаря. — Красные, как я понимаю, — там

и там, — указал он рукой на восток и северо-восток от позиции.

Вскоре совсем развиднелось, и офицеры в бинокли увидели, как восточнее, с высот за длинным и широким логом на них шли цепи бойцов в серых шинелях. Над их головами реяло красное знамя.

— Ба! Господа, да они в лаптях! — воскликнул штабс-капитан Лукин.

— А ведь действительно в лаптях! — подтвердил с удивлением Космин.

— Видать, молодое пополнение у красных. Сапог для них не нашлось. Как призвали в войска, так и отправили в бой в лаптях. Уж верно, необученных, необстрелянных, а в атаку послали.

— Обстреливать их, к сожалению, придется нам! — произнес Космин, отнимая бинокль от глаз и прячась за щит орудия, ибо засвистели первые пули.

— Почему же к сожалению, подпоручик? — спросил Лукин.

— Потому, что свистят пули и сейчас здесь далеко небезопасно, — отвечал Космин.

— Поясните точнее, подпоручик, вы вроде бы не робкого десятка, — попросил Лукин, также находя место за щитом.

— Да потому, что эти крестьянские парни уж точно умеют хорошо пахать землю, но пока не научились воевать.

— Если бы их не призвали в войска большевики, их бы призвали мы.

— Выиграла бы от того Россия? — скептически спросил Космин.

Где-то за холмами заговорила артиллерия. Недалеко разорвался первый снаряд, подняв в воздух комья мерзлой земли и грязного снега.

«Ни тебе капониров, ни окопов, ни укрытий, ни буссоли, ни стереотрубы! Воюй, как умеешь и чем Бог послал, против таких же», — подумалось Космину.

— Вот вам и ответ, — произнес Лукин, — Батарей, товсь! Зарядить орудия! Прямой наводкой! — скомандовал он.

Затворы орудий лязгнули. Залпы сотрясли землю и воздух... Время перестало существовать, сжалось до предела. Тот час казался минутой, но Космин знал, что и это пройдет. В бинокль он видел, что цепи остановились и начали отстреливаться, ибо правее батареи показались грохочущие огнем и пулеметными очередями стальные машины.

— Английские танки! — воскликнул Лукин, — Вовремя они, а то нам бы здесь плохо пришлось!

Три британских танка сошли в лог и огнем своих орудий и пулеметов отогнали цепи красных. Видно было, что боевые машины англичан навели страх. Цепи отступили и залегли на бровке высоты. Однако вскоре один танк повредил артиллерийский огонь противника. Пыхтя вонючими клубами жженой солярки, машины ушли на прежние позиции. Цепи красных вновь поднялись и пошли в атаку. Батарея дроздовцев била без остановки. Разрывы снарядов крошили и рвали ряды наступающих, но те, ведя ружейный огонь, упорно продвигались вперед. На батарее было уже полтора десятка раненых и убитых. За ранеными прикатила санитарная повозка с крестами на брезентовом покрытии. Красные по повозке не стреляли. К ней стали сносить и подводить раненых.

Оттирая платком гарь и грязь с лица, протирая пенсне, Кирилл осматривается. Недалеко от батареи казаки-кубанцы подкатывают и устанавливают четыре пулемета — два «максима» и два «льюиса». Их огонь не сразу, но останавливает стрелковые цепи. Красные откатываются из лога на холмы с большими потерями, оставив на склонах сотни недвижных или ползающих людей в серых шинелях. В воздух поднимаются клубы порохового дыма, гари, частицы пыли и льда. Лица артиллеристов темны от копоти. Запоздалое солнце озаряет поле разворачивающейся битвы. Дует ветер, разгоняя пороховой дым, позволяя пробиться солнечным лучам...

— Ур-ра-а-а! — раскатисто и гулко плывет слева метрах в двухстах от батареи. Топот тысяч конских копыт, лошадиное ржание, просверк клинков, выпрастываемых из ножен, кинжалы и конская сбруя, правленные серебром, чер-

кески, бурки, овчинные папахи. По спуску к логоу катится кубанская конница. Глазом военного, служившего в кавалерийской дивизии с 1916 года, Космин, даже не считая, интуитивно, на глаз, видит, что развернулся лавой и пошел в напуск целый казачий полк — 500–600 сабель. А еще левее, верстах в двух или менее, другой казачий полк колонной пошел в обход высоты... Кубанцы пускают коней в намет через лог. Цепи красных ведут винтовочную стрельбу по казакам, бьет пулемет. Лошади и верховые с налета падают, кувыркаются через голову. Но минута-другая, и молодое пополнение красной пехоты не выдерживает, бежит, оставляя позиции. Потеряв десятки людей и коней, но преодолев низину, казаки влетают на гребень холма. Разъяренные от потерь, ожесточенные и распаленные боем, они секут бегущих без пощады...

— А-аа! — слышится за логом. Рядом рвутся снаряды, визжат осколки — то бьет артиллерия красных.

— Подпоручик! Велите батарее перенести огонь вон туда, восточнее. Надо накрыть их орудия за этими высотами! — кричит Лукин, обращаясь к Космину и пытаясь рассмотреть в бинокль что-то там, за холмами.

— Батарея! Развернуть орудия на четверть оборота вправо! Заряжай! Прицел 50! — командует Космин.

— Огонь!

Орудия, содрогаясь, выпускают снаряды. Звенят выбрасываемые гильзы. Но тут Лукин разворачивается влобоборота на север и, округлив глаза, во все горло орет:

— Прекратить огонь! Развернуть орудия влобоборота влево!

Космин резко поворачивается и смотрит туда, куда указывает рукой командир батареи. А там весь гребень холмов и противоположный спуск к логоу покрывается конной лавой, атакующей во фланг кубанских казаков. Над лавой вздымается и развивается под ветром красное полотнище.

— О-о-ошь! — доносит ветром с той стороны логоа.

«Господи! Да их тут тысячи полторы сабель!» — мгновенно мелькает в голове Кирилла.

— Сметут кубанцев, сукины дети! — кричит Лукин. — Батарея! Гранатой заряжай! По конной лаве противника правее, прямой наводкой... Пли!

Орудия подбрасывает отдачей. Пулеметы кубанцев неистово рокочат справа, отсекая конницу красных. На противоположной стороне лога гранаты рвут и смета-ют десятки верховых, но сотни их уже схлестнулись с кубанцами. Там закипает кровавая сабельная сеча. Над полем сражение кружит аэроплан...

Кульминация пришла на 19 октября, когда корпуса Шкуро и Мамонтова, усиленные пехотой (9500 сабель, 2000 штыков, 42 орудия, 235 пулеметов), силами двенадцати конных полков нанесли удар на стыке 4-й и 6-й кавдивизий в направлении на Хреновое. Ни Лукин, ни тем более Космин, да мало кто даже из командования белых в тот момент знал, что комкор Буденный, стремясь ослабить наступление корпусов Мамонтова и Шкуро, бросил навстречу им приданные ему части новобранцев 12-й стрелковой дивизии (8-й армии). В завязавшемся сражении, когда части корпуса генерала Шкуро вступили с ними в лобовое столкновение и уже, казалось, отбросили 12-ю дивизию, Буденный ввел в бой еще свежую 4-ю кавдивизию своего корпуса. Эта дивизия неожиданно атаковала в левый фланг наступающие части корпуса Шкуро. Кубанская конница не выдержала удара превосходящего числом противника и в ходе кровавой схватки отошла на несколько верст западнее...

Есаул Пазухин участвовал в обходном маневре высот, на которых закрепились стрелковые цепи красных. Совершенно неожиданно для казаков после трехверстного галопа с холмов на них покатила лавя красной конницы, преследующей кубанский полк, что еще двадцать — двадцать пять минут назад сам успешно атаковал и захватил высоты, выбив оттуда батальоны 12-й стрелковой дивизии.

Пазухин видел, как слева прямо на него, опустив пику и нацелив страшное оружие ему в живот, летит красный кавалерист.

«Шашкой пику отбить можно, но сам спасусь, а коня покалечит, каналья!» — мгновенно соображает есаул.

Он рвет из-за пояса револьвер. Оставив левой ногой стремя, перекидывает вес тела на согнутую правую, держась за поводья, ныряет под брюхо коня, успевает ухватиться за чересседельную подпругу и дважды палит в красного. Наконечник пики проходит рядом с подошвой сапога на вершок выше седельной луки. Верховой, атаковавший есаула, роняет пику, откидывается назад и заваливается.

«Спасибо старому кубанскому сотнику, что учил меня этому!» — с трепетом и дрожью мыслит Алексей.

Но кубанцы под обстрелом и потеряли уже полторы сотни сабель. Две тачанки с пулеметами поливают их с высоты. И вот уж красные конники мнут и давят кубанцев. Их вдвое больше. Надо спасать казаков.

— Со-отня! В отры-ыв! За-а мной! — орет Пазухин во всю мощь своей глотки и указывает гурдой на запад...

Космину казалось, что сражение затихает, ибо сабельный смерч, обрушенный на кубанцев, унесло за холмы. Но подсознательно он чувствует и даже понимает, что это не так. И действительно, не прошло и десяти минут, как тяжелый, гулкий топот тысяч копыт и ржание вновь будоражат округу. Гул идет откуда-то из-за спины и правее. Космин, Лукин и батарейцы, обернувшись, видят, как с юго-запада, поднимая пыль и снег, разворачивается и накатывает донская казачья конница. Выпростанные клинки и наконечники опускаемых пик сверкают на солнце. Усатые и чубатые мужественные лица, казачьи папахи, короткие кавалерийские полушубки и длинные шинели с погонами, седла с высокой лукой, кованые копыта мелькают перед глазами. Донцов много, во всяком случае, не меньше тысячи пик и сабель, а то и больше. Казачьи кони идут порывистым, быстрым аллюром.

— Со-отня! Марш! Марш! Марш! — командует усатый есаул, указывая отточенной синеватой гурдой на север.

Космин непроизвольно крестится... Конница летит туда, где еще недавно красные скрестили клинки с кубан-

цами. Пулеметы кубанцев молчат, их отвели куда-то. Но!.. Левее из-за холмов вырывается на простор, и несется встречь ей не меньшая числом лава красных.

«Да-ешь! Да-ешь!» — доносится и бьет в лицо ее страшный, как набат, боевой клич.

«Ур-раа! Ура-а!» — ревет навстречу ему казачья лава.

За логом у красных две тачанки — и их «максимы» стегают казачьи полки свинцовым кнутом. Но донцов уже не остановить. Степь дрожит от бешеного стука копыт, словно вспомнила седые времена былых сражений. Казачьи сотни схлестнулись с красными эскадронами в лого и на склонах холмов. Перемешавшись, верховые закрутились в кипящей сече. Тысячи рук с клинками взмахивают и, опускаясь, секут, ссекают, рассекают, разят, увечат, губят живое, крепкое человеческое тело. Звон и скепанье скрещенных шашек и сабель. Пиками с размаху колют, прошивают, вышибают верховых из седел. Течет, а порой брызжет, обильно окрашивая одежду, снаряжение и первый снег, человеческая — русская кровь. Раненые и убитые кони валяются на бок и также заливают снег кровью. Сраженные пулями и пиками кони валяются на бок, ржут, храпят, в судорогах бьют передними и задними ногами. Тихо кружатся и падают октябрьские снежинки в холодном воздухе... Несколько десятков верховых с красными лентами и звездами на папах и фуражках прорываются, просекаются к батарее.

— Батарея, в штыки! — в исступлении призывает Лукин и выхватывает шашку.

Космин поднимает у снаряжных ящиков солдатскую винтовку с приставленным штыком. Ее хозяин уже лежит, смертельно раненный, на земле. Кирилл поправляет пенсне. Перехватывает винтовку в положение для рукопашной: левая кисть под цевьем, правая — на шее приклада. Сердце его бешено колотится. Хочется бежать, но бежать нельзя. Это — верная смерть. Уцелевшие офицеры и солдаты батареи хватаются за оружие. Космин передергивает затвор, стреляет навскидку в одного всадника с красной лентой на папаче. Тот опускает шашку и припадает к холке коня. Раненый в правую руку, Лукин пе-

рехватывает шашку левой и смело отбивается от нападающего на него верхового. Космин вскидывает винтовку и выстрелом разит второго. Тот заваливается назад. Пуля сбивает с головы Космина фуражку с малиновым верхом (цвета дивизии генерала Дроздовского), он пригибается, и это спасает его от хлесткого сабельного удара сзади. Солдаты отчаянно отбиваются штыками от нападающих красных. Все офицеры пали. Космин остается последним. Но, слава Богу, на помощь пришли казаки. На разогреченных конях с десятков донцов врывается на батарею. Дерзким, лихим ударом, разя шашками и пиками, они вышибают красных с батареи. Космин опять крестится и начинает искать Лукина. Он находит его привалившимся к лафету одного из орудий, дважды раненого, но живого. С помощью солдата-артиллериста поднимает и сажает командира на лафет...

Стремясь выровнять положение, а затем взять инициативу в свои руки, генералы Мамонтов и Шкуро ввели в бой передовые части Донского корпуса, направив их удар в левый фланг 4-й кавдивизии корпуса Буденного. Но красный комкор, предугадав маневр белогвардейского командования, ввел в бой самые боеспособные части — 6-ю кавдивизию корпуса — и бросил их навстречу донцам. Ох уж эта 6-я кавалерийская дивизия! Прославленная, лихая, полуразбойничья, полупартизанская, набранная из беднейших казаков и иногородних юга России в корпусе Буденного. Те ж казаки по всей удали и ловкости, но лишённые звания казачьего сословия и всех его привилегий, и потому еще страшнее и злее самих казаков! Сам Семен Михайлович Буденный из них. Из того ж южнорусского теста, из того ж южнорусского племса. Голь и рвань, «гулящие люди», «голытьба», «голутва» казачья — так назывались они в XVII «бунташном» веке. Но именно с такими «голутвенными» казаками Степан Разин сначала бил и грабил купеческие караваны на Волге, а потом разорял персидские города по берегам Каспия. Освобождал атаман из «магометанского плена» десятки тысяч русских «полоняников», татарами и ногайцами захваченных, уведённых и проданных в рабство персам. А ведь не

смогли сделать того ни русские дворяне, ни бояре, ни даже сам «Великий государь Всеа Великая и Малая и Белая России самодержец» Алексей Михайлович. А теперь-то многие из «голытьбы» да «иногородних» прошли германскую войну, да все большей частью в кавалерии...

Николай Туроверов практически не видел, как передние ряды лавы, в которой шел их полк, столкнулись с красной конницей. Пули и осколки свистели, выли, резали воздух со всех сторон. Подъесаул инстинктивно пригнулся к холке коня, крепко держался ногами за стремяна и крутил кистью правой руки, сжимавшей шашку. Но вдруг передние ряды казаков словно разлетелись надвое, а потом растеклись на мелкие потоки. Сабельный вихрь запылял впереди.

— Даё-ошь! — летит и бьет в лицо боевой клич красных.

«Вот он — голубчик в добротной шинели! Вот он — комиссар! Одет-то как!» — мелькают мысли в голове подъесаула, и он заученно направляет, понукает коня к верховому в кавалерийской длиннополой шинели с синими отворотами и с красной звездой на синем фоне расстегнутого красноармейского шлема.

Комиссар тоже видит казачьего офицера и направляет коня в его сторону. Секунда-другая, и их шашки со скрежетом впились друг в друга. Еще удар! За ним еще!.. Подъесаул неожиданно перекидывает шашку в левую руку и счет слева направо. Отточенный клинок ссекает воротник шинели...

— О-ох! — комиссар, рассеченный по шее и плечу, заваливается правее седла.

Левую ногу комиссара не пускает стремя, и он не падает с коня. Конь храпит, дрожит всей шкурой и уносит сраженного. Туроверов не успевает развернуть своего жеребца, но краем глаза видит, что справа на него несется кто-то. Он успевает перебросить шашку в правую, выставив ее навстречу противнику. Тот сдерживает коня и пытается нанести удар в спину подъесаулу. Туроверов поднимает коня на дыбы и бьет наотмашь. Наконец жеребец офицера по-

вернулся, и подьесаул увидел молодое, наглое лицо, злые зеленые глаза врага. На том лихо (по-казацки) заломленная фуражка, закрепленная ремешком на подбородке, и просторная телогрейка на плечах, за спиной винтовка, в руке старая казацкая, с красивым темляком, сабля. Красный верховой и подьесаул беспорядочно осыпают друг друга ударами. Силы их равны.

«Это тебе не комиссар! Крепкий, вражина! Из иногородних...» — мелькает в голове Николая.

Свистят пули, рвутся снаряды, рядом всадники валятся с коней. Артиллерия красных бьет без разбора по чужим и своим... И тут вестовой Туроверова выстрелом в спину валит красного. Но взрывной волной поднимает на дыбы коня, подьесаула выбивает из седла и бросает оземь на спину. В глазах у Николая темнеет. Но он не знает, что удар волны спасает его от еще более страшного удара с налета пикой в левый бок... Через минуту-другую вестовой, оставив своего коня, поднимает подьесаула и сажает в седло, нагайкой привязывает к шее коня. Подьесаул контужен...

Напор красной конницы временно ослабевает. У красных горнист играет «сбор». За высотами красные командиры собирают рассеявшуюся лаву под свои знамена...

— Вам приказано отвести батарею южнее, вон на ту высотку, — указывая плечью и обращаясь к Космину, быстро выпаливает казачий сотник, прискакавший на батарею.

— Командир батареи жив, но ранен, обратитесь к нему! — отвечает Космин, указывая кивком головы на Лукина.

— Подпоручик, берите командование на себя, — хрипло говорит Лукин.

Космин находит свою сбитую пулей дроздовскую фуражку. Отряхивает ее, поправляет, натягивает на голову и опускает ремешок ниже подбородка.

— Сотник, доложите в штаб, что у нас из пяти орудий осталось только три. На одном разбит прицел и заклинило затвор. Другое повреждено артгранатой — раз-

биты колеса. Вон, видите?! Да и снарядов мало, — просит и убеждает он.

— Доложу! Поторопитесь, подпоручик! — громко отвечает уже на скаку сотник.

— Как только коневоды лошадей приведут, впряжем, не замедлим, — кричит в ответ Космин.

Вновь подъезжает санитарная повозка с крестом. Собирают и грузят раненых.

— Как поступить с убитыми, господин штабс-капитан? — спрашивает Космин Лукина.

— Сколько человек мы потеряли?

— Девять раненых, вы — десятый. Сейчас вас и их увезут, семерым врачи уже не нужны, — отвечает Космин.

— Господи, из строя почти половина батареи выбыло. Еще один такой бой, и батареи нет, — шепчет Лукин. — Оставьте павших, вручите это дело в руки Господа. Спасайте живых и орудия.

Двое санитаров уводят Лукина под руки к повозке. Левее батареи казаки подкатывают и устанавливают четыре пулемета. Правее и сзади идет сбор и передвижение казачьих полков. На противоположных высотах с севера вновь появляются стрелковые цепи красных. Коневоды ведут лошадей...

Тем временем отброшенная на запад кубанская конница к полудню вернулась в исходное положение. Красные, казалось, перешли к обороне. Генерал Шкуро перегруппировал конные части своего корпуса для нового удара. Но Буденный оказался хитрее. Части 4-й кавдивизии незаметно по одной из балок были переброшены верст на шесть юго-западнее. Обойдя 3-й Кубанский корпус, они вышли ему во фланг и тыл. Туда же красный комкор направил подчиненную ему конную группу Филиппова.

Когда Космин расположил батарею на новом месте — верстах в трех юго-западнее, то рядом с ними на той же высоте встала батарея конной донской артиллерии с шестью орудиями. Подвезли и ящики со снарядами. Связисты проложили телефонную линию со штабом. Метрах в ста левее и ниже высоты, в небольшой леваде, казаки установили и

замаскировали пять пулеметов системы «максим». И, хоть артиллеристы ничего с утра не ели, у Кирилла повеселело на сердце. Он сходил к соседям-казакам из конной артиллерии. Там познакомился с молодым хорунжим, который угостил его сухарями и налил кружку мутного, пахучего домашнего самогона. Они выпили, обещали поддерживать друг друга. Довольный, захмелевший Космин возвратился на батарею. И тут часа в три пополудни пришел приказ вернуть орудия на север. Судя по грохоту разгорающегося сражения, было ясно, что северо-западнее вновь началось серьезное дело.

Часа через пол артиллеристы увидели, что в полуверсте правее их разворачиваются в лаву два полка кубанской конницы — более тысячи сабель. И тут по телефону пришел приказ открыть беглый, навесной огонь по балке, лежавшей верстах в трех севернее.

— Батарея, заряжай! Прицел 60! Беглым огнем, пли! — командует Космин.

Клубится пороховой дым. Земля дрогнула под ногами, ибо казачья батарея тоже открыла огонь. И вовремя! Из балки к подъему на высоту вышло до двух эскадронов конницы. Красные знамена развеваются над ними.

— Батарея, орудия на прямую наводку! Опустить канал ствола на два деления вниз! Отражатель на ноль!.. Прицел 25. По коннице противника, осколочным, пли! — кричит Космин.

Воздух и земля дрожат от раскатов орудийных залпов. Звенят выбрасываемые гильзы. Пороховой дым застилает все вокруг. Легкий ветерок развеивает его, и Космин в бинокль видит, что снаряды попали в цель. Но лава красных, разгоняя коней, несется вверх по склону.

«Их тут немногим менее двух тысяч сабель! Четыре полка!» — с дрожью отмечает про себя Космин.

Из левады открывают огонь казачьи пулеметы, сметая десятки верховых, но лава красных безостановочно катится навстречу врагу. Кубанская конница встречает красных хлестким ружейным залпом, а затем сабельным ударом. Вновь над степными высотами и логами несется:

— Ур-аа! Аа! О-ошь-шь!

Топот копыт, лошадиное ржание, звон клинков, ружейные выстрелы, крики сраженных. Все это в каких-нибудь четырехстах метрах от батареи.

— *Батарея! Поднять стволы орудий на 4 деления вверх. Прицел 30! — вновь командует Космин, понимая, что теперь надо перенести огонь и бить по тылам красной конницы.*

Орудия изрыгают снаряды. Космин ослабляет ремешок фуражки и вытирает пот, проступивший на лбу. Снимает и вытирает несвежим платком пенсне. Звонит телефон. Из штаба приходит приказ срочно оставить позиции и расположить батареи в пяти верстах южнее, у железной дороги.

Кубанская конница, лишь частично отразив и ослабив удар красных, откатилась на юго-запад, перегруппировала свои силы и начала маневрировать. Но силы были явно неравны. Красные подтягивали все новые свежие части и вводили их в сражение. Конные полки Донского корпуса Мамонтова также маневрировали, и, пытаясь найти слабое место в плотном, смыкающемся полукольце частей Красной армии, наносили им короткие, но ощутимые удары. Но тщетно. Бой шел до глубокой ночи 19 октября. Буденный, заняв Монастырщину и Острожку, подошел к Воронежу.

Несколько дней сражение еще продолжалось у восточных окраин города. Гулко громыхали броней и били из орудий бронепоезда, заливались и рокотали пулеметы. 20 октября Конный корпус красных вновь перешел в наступление, но белые за ночь организовали умелое сопротивление, и красные были отбиты. Подошедшие на помощь Буденному части 12-й дивизии повели наступление на Масловку и далее на запад к реке Воронеж. Тогда белые, предвидя окружение, провели маневр и отвели часть войск за реку Дон перед фронтом 15-й и 16-й дивизий Красной армии. Наконец 23 октября Конный корпус Буденного во взаимодействии с 12-й и 15-й стрелковыми дивизиями 8-й армии начал наступление на Воронеж и после ожесточенных боев 24 октября ворвался в город. Однако корпуса Мамонтова и

Шкуро умело вырвались из намечавшегося окружения под Воронежем и вывели с собой всю артиллерию и материальную часть.

Сам Ленин, получив телеграфное сообщение об этом, высоко оценил успех красного комкора. Инициатива перешла в руки командования Красной армии. Уже 26 октября 33-я стрелковая дивизия 8-й армии красных взяла станцию Лиски, отбросив последние части корпуса Мамонтова за Дон. Следом 42-я стрелковая дивизия 13-й армии 29 октября овладела станцией Долгоруково, способствуя наступлению корпуса Буденного на Касторное.

Отступление!.. Тяжело и муторно видеть тоскливые, посеревшие, осунувшиеся лица сослуживцев, соратников и подчиненных, несущих крест поражения и отхода. Николай Туроверов, отлежавший неделю в холодной повозке полевого дивизионного лазарета после контузии взрывной волной под Воронежем, застал людей своего полка именно такими.

Легкая снежная поземка, северный холодный ветер, голодные кони и люди. Значительная часть обозов и часть артиллерии взорваны, сожжены или просто брошены у дороги. Казачья конница, уходя от ударов, постоянно маневрирует, стараясь уязвить наступающего противника то в левый, то в правый фланг. Но и командование красных тоже не дураки, знают, с кем имеют дело. Обрадованный возвращением своего командира в строй вестовой готов услужить подьесаулу чем может. Он достал где-то вареной картошки в мундирах, немного хлеба. Николай привез из лазарета выданный ему паек — «спиртоцид» (как выразился вестовой), чистый, медицинский. Оный, граммов 250, выдал ему врач «на лечение» контузии, но и тому Туроверов рад. Сидя на телеге, он с вестовым выпил, закусил хлебом, присыпав его солью.

— Иваныч, благодарю тя сердешно за то, что поднял меня тоды в бою и всадил в седло. Избавил ты мя от смерти, а может быть, и от красного плена! Спаси тя Христос! — говорил он, пьянея.

Не знал подъесаул, что вестовой, вероятно, спас его дважды и еще ранее, когда выстрелил в красного, с которым Туроверов в сабельном бою рубился насмерть. Снежинки кружились и неслись на юг в холодном ветре. Захмелев от крепкого спирту, вестовой запел старую казачью:

— Сыпал снег буланому под ноги,
Дул в лицо холодный ветерок.
Ехал долгожданною дорогой,
Да зашел согреться в хуторо-ок.
Ехал долгожданною дорогой
Да зашел согреться в хуторок.

Встретила хозяйка молодая
Как встречает рóдного семья,
И к столу с улыбкой приглашая,
Ласково смотрела на меня-а.
И к столу с улыбкой приглашая,
Ласково смотрела на меня.

Так и не доехал я до дому,
Затеряси, словно в камыше.
Что мне делать, парню молодому,
Коль нашел подругу по душе-е?
Что мне делать, парню молодому,
Коль нашел казачку по душе?

А потом, захмелев, запели вместе:

— Ой, не для меня придё-оть весна
Не для меня Дон разольё-оться.
И сердце девичье забьё-ооться
Восто-оргом чувств не для-а меня...

Не для меня придетъ Пасхá.
За стол родня вся собереться,
«Христос Воскрес» из уст польеться.
Такая жизнь не для-а меня.

А для меня — кусок свинца!
Он в тело белое вопьется
И кровь казацкая прольется!
Такая жизнь, брат, ждет меня.

А что же корпус Буденного? Заняв Воронеж и отбросив корпуса Шкуро и Мамонтова западнее Дона, несмотря на огромный моральный подъем, царивший в частях, Буденный все же не достиг главного: оба корпуса белых понесли тяжелые потери, получили ощутимый удар, но не были разбиты. Продвижение красной конницы приостановилось, она перешла с галопа на рысь, а потом «поползла», затопталась на месте. 29 октября 4-я и 6-я дивизии корпуса с трудом отбросили белых к Землянску, выйдя на фронт Павловск — станция Латная. Здесь и решался вопрос о дальнейшем направлении движения красной конницы. А 31 октября конный корпус был усилен 11-й кавалерийской дивизией из резерва фронта. Буденный должен был получить еще 600 штыков, 6300 сабель, 222 пулемета, 26 орудий. В конце октября 11-я кавалерийская дивизия подходила к Задонску, а 1 ноября комкор отдал приказ, которым эта дивизия 2 ноября должна была занять позиции за правым флангом корпуса у Переловки. И тогда же, 1 ноября, правофланговая (4-я) дивизия корпуса вновь перешла в наступление и овладела Землянском. Белые отошли на юго-запад, но на другой день 2 ноября шестью конными полками повели контрнаступление в районе Старой и Нижней Ведуги. Совершив маневр, Буденный отбил наступление и к вечеру вышел в указанный район. Командование телеграфировало ему, приказывая выйти на Касторную.

По данным разведывательных сводок красных, перед фронтом корпуса Буденного действовали 33 конных и 21 стрелковый полк белых. Те явно стремились удержать этот важный железнодорожный узел. Битва продолжалась, ибо казаки, сражаясь у берегов тихого Дона, вновь воспряли духом. В ночь на 5 ноября красный комкор отдал приказ № 261 об овладении Касторной.

* * *

Пулеметный взвод поручика Петра Усачева был распределен по открытым колесным платформам двух бронепоездов. Сам Усачев с двумя «максимами» находился на одной из платформ бронепоезда, что стоял под Нижнедевицком. Утром 5 ноября их бронепоезд под малыми парами неспешно полз к Касторной. Где-то далеко на востоке слышался гул канонады. Мерно и негромко постукивали колеса на стыках рельсов. Солдаты и офицеры грелись у чугунных печей, в теплушках и в отсеках броневагонов, ели сухари, пили чай и водку, курили. Часовые, занесенные снегом, стояли и сидели на платформах у орудий и пулеметов. Вдруг паровоз стал резко тормозить, заскрежетали колеса состава.

— К орудиям! К пулеметам! — прогремел по составу приказ старших офицеров.

Несколько снарядов разорвалось близ бронепоезда, осыпая его смертоносными осколками и комьями мерзлой земли. По броне застучало, звякая, рикошетили осколки. Поручик метнулся из теплушки на прицепленную рядом платформу. Вновь разрывы взметнули землю близ вагонов. Один из снарядов с треском и гулом, кроша броню, угодил в броневаягон с орудиями. Усачев, увидев, что часовой смертельно ранен, взял из его рук винтовку и залег к пулемету, установленному у левого борта платформы. Немного раздвинул мешки с песком, чтобы увеличить сектор обстрела, всмотрелся. Где-то в версте от их состава батарея красных с высоты расстреливала бронепоезд. Скинул мешковину, укрывавшую «максим». Лента из цинка была уже заправлена.

Разрывы снарядов и свист разящих осколков заставляли сердце колотиться в груди. Слегка дрожавшими руками, волнуясь, Петр установил прицел, передернул затвор, прицелился, нажал на спуск. Тяжелая боевая машина зарокотала, затряслась всеми стальными мышцами своего механизма. Усачев был хорошим пулеметчиком. С шестнадца-

того года ему была знакома и привычна система пулемета «максим». Сколько пулеметов прошло через его руки!

Вот открыл огонь второй пулемет платформы, передвинутый солдатами Усачева от правого борта к левому. На батарее у красных явно почувствовали это. Их орудия стали бить с большим перерывом. Через минуту-другую пушки и пулеметы бронепоезда ударили по батарее противника.

Но вдруг левее, позади бронепоезда, показались конные эскадроны красных. Состав тронулся и медленно дал задний ход, стремясь перерезать движение конницы. Бронепоезд развернул орудия севернее и ударил со всех стволов. Гул и грохот разлились по равнине. Конница маневрировала, отходила восточнее и вновь возвращалась. Пулеметы Усачева то замолкали, то вновь начинали бить длинными очередями. Вода в кожухах пулеметов кипела так, что ею можно было заваривать чай. Так и делали, а в пулеметы заливали студеную воду. До глубокого темного вечера шел бой. В тот день Усачев потерял двух своих бойцов.

Белые, бросив против Буденного 22 конных и 2 стрелковых полка при поддержке бронепоездов, оказали упорное сопротивление на линии Архангельское — Нижнедевицк. Красных отбили. Касторную удалось отстоять. А неудачи на фронте 8-й армии затруднили взятие этого важного железнодорожного узла и в последующие дни.

3 ноября 42-я стрелковая дивизия 13-й армии красных заняла Ливны и начала продвигаться на Касторную. В Касторной дым коромыслом... По улицам городка и на станции группами гуляют, «совершают променады» пьяные офицеры, казаки, солдаты. Горят и дымят сотни костров, стоят орудия, лежат полные и пустые снарядные ящики. Повсюду коновязи с казачьими лошадьми, кучи лошадиного навоза. Пристанционный вокзал, еще недавно имевший потрепанный, но сносный вид, постоем войск за неделю превратился в холодный, разоренный сортир. Двери были или изуродованы и не закрывались, или сорваны с петель. Оконных рам не было вообще. Доски, которыми была забита половина окон, пошли на отопление. Столы и стулья разбиты и сожжены. В центре ресторанного зала прямо на полу, выло-

женном красивой плиткой, красовалось остывшее, черное кострище. Холодный ветер со снегом гулял внутри здания. Все люстры расстреляны или выдраны с потолка. Замерзшие, голодные, простуженные офицеры и солдаты Добровольческой и Донской армий забежали туда оправиться.

Пристанищем Космина и его батареи стал какой-то пристанционный барак для рабочих-путейцев. Живых и целых из всей батареи их осталось 12 человек. Он — один офицер, два унтера и рядовые. С ними два целых орудия, что стоят у входа в барак. Снарядов нет. Да еще с ними восемь тощих, оголодавших, сбивших бабки и копыта лошадей, привязанных под соломенным навесом у коновязи. Да и сами артиллеристы-дроздовцы — голодные, завшивевшие, оборванные, в стоптанных сапогах. Все вместе сидят и греются у чугунной печки-буржуйки, труба от которой выходит прямо в оконный проем, забитый досками. Коней и орудия охраняют по очереди.

А по соседству «гуляют» донские казаки. Вчера их полк был сильно потрепан красными, а сегодня они «пьют спиртягу и поминают своих братьев». С казаками какие-то две смазливые бабенки.

— Эй, Филька! А наливай-ка ишо казакам! — уговаривает один хмельной своего собрата.

— Дак кружек ужо-т нетути! — отвечает Филька.

— Вона! А ну-ка, хлопцы, подь... Стаканы на колидоре...

«Да, армии наши понесли поражение, можно уверенно сказать — разбиты. Начинается отступление. Неужели конец Белому делу!?» — думает и чувствует Космин.

— А и то наливай в котелок! Казак и из котелка спиртом не поперхнется! — гутарят и балагурят казаки.

— Эй, Халя! — кричит хмельной Филька, крутя длинный ус, потряхивая чубом — распрягай гнедого, запрягай кровать, поехали!..

— Я тебя самого вместо гнедого запрягу! Повезешь! — не лезет в карман за словом черноокая Галина.

— Повезу верхи до постели с подушкой!

Казаки гогочут, чокаются, пьют, закуривают самокрутки с дымным, ароматным самосадам.

— Не спеши под седло, Филипп, ее черкесы с Кубанского корпуса хотели насильничать, дак она так одного из них обротала и взнузда, что ён без зубов осталси, — с улыбкой промолвил старый седой казак с чубом.

— Да то не я, то ваши донские казачки постарались, — оправдывалась, скраснев, Галина.

«Как все незатейливо у простого люда. Что казаки, что крестьяне — все им легче, чем образованным, мыслящим людям. Что ж! Мы — мыслящая часть общества, нам и отвечать за все! Ну а что же делать мне лично?» — удивляется и сам себе задает вопросы Космин.

«Понял одно. Мне нельзя больше воевать на этой братоубийственной войне! Я почти без перерыва три с половиной года все воюю. Устал. Нужно вернуться к мирной жизни. Хочу увидеть свою любимую и поддержать на руках ребенка — свою дочь. Что же мне сделать-то для этого!» — продолжает рассуждать и задавать сам себе вопросы молодой 23-летний подпоручик.

— Растудыт твою через коромысло! — восклицает и гочечет кто-то из казаков.

«Пойду, попрошу казаков. Может быть, угостят спиртом. Выпью, и легче на душе станет. Да и солдатам своим принесу», — думает Космин, направляясь к казакам.

— Што, стал быть, артиллеристы вы, вашбродь? — спросил его седой казак, наливая ему в крышку котелка.

— Так точно, — отвечал Космин, с благодарностью принимая налитое.

— Где ж твоя артилерия воевала-т ноне, коль красныя так нам всыпали? — вопрошает с долей недовольства захмелевший Филька.

— Под Воронежем. Где-то у Острожки, Монастырщины, Рогачевки, Хреново. Словом, восточнее Воронежа, — без злобы, но со вздохом, с тяжестью на душе и в словах отвечает Кирилл и пьет из ковша. Спирт обжигает ему гортань и пищевод. Он выдыхает в рукав шинели, слезы выступают на глазах. Закуски никто не предлагает, да ее и нет как таковой, кроме нескольких сухарей на столе.

— О, дак и мы тамо билися! — громко говорит кто-то из казаков.

— Билися, билися, да только сами разбилися, — негромко отмечает седой.

— У нас в батарее из четырех лишь два орудия осталось. Было тридцать пять солдат и четыре офицера. А сейчас всех нас двенадцать. Остальные — убиты да ранены. Как перебросили под Воронеж, так из боя с шестого ноября до вчерашнего дня не выходили, — пьянея, рассказывает Кирилл.

Выпивка на голодный желудок быстро делает свое дело.

— Да, побили нас красные! — восклицает уже примирительно Филька.

— Я на Германской войне с весны шестнадцатого года. Уж на что там ни посмотрелся, но такого не видал, — уже совсем пьяно молвит Кирилл.

— Такой молодой, а уж-т посмотрелси, вашбродь, — качая головой, говорит седой и чубатый. — Накось, прими ишо! — говорит и протягивает Космину крышку со спиртом.

Кирилл берет и жадно пьет залпом, а затем выдыхает в кулак. Казаки с уважением переглядываются.

— А и не гребуешь простыми казаками, пьешь по-казачьи, вашбродь! Но не из нашей армии-т ваша артиллерия? Не похожи на донцов. И фуражка на те не казачья, да и не простая. Никак не уразумею, — отмечает седой.

— Дроздовцы мы. Добрармия. К вам командированы из-под Орла приказом командующего вместе с другими частями и Кубанским корпусом Шкуро, — уже совсем опьянев, отвечает Кирилл.

— А! И то, слышали мы! — кричит Филька.

О чем говорили потом, Кирилл уже не помнил.

«Как бы не надраться в стельку! Ну да ничего, Бог милует. Да и свои рядом», — успел подумать он только и присел на стул у стола, предложенный казаком из уважения.

В тот вечер в простой казачьей компании он набрался так, что вновь увидел гномов и троллей, которые, склоняясь над ним, припавшим лицом к руке, что лежала на столе, что-то кричали и ерничали... На минуту-другую он очнулся.

— Из благородных, в очках, а наилси, что сапожник! — хохочет молодой задорный гном.

— Э-эх! Табе все б охальничать! Бессовестная твоя душа! — урезонивает степенный седой тролль.

— Нам с ахфицерами и благородными в одной упряжке энтот гон не вспахать! — влезает в разговор еще один гном средних лет.

— Нам бы Дон-батюшку да Рассею от беды отвести! А куды мы без ахфицеров годны, да на такая дела?! А? — негодуя, спрашивает тролль.

— Э, Петрович! Дон да Рассея — одно ль? Нужна нам Русь вонючая, лапотная? Да за нами идуть и Кубань, и Терек, и горцы, и Махно, и Петлюра с хохлами, и Сибирь с Кончаком, и других ишо не перечеть, — утверждает какой-то новый, вполне трезвый и незнакомый Космину голос.

— Овцы глумные! Когда Дон без России был? Только при турках и татарве, да и то усе Москва в своей руце держала. А Кубань твою те ж бусурмане — турки да горцы порежут враз, коль Русь отворотится. Махну твою и Петлюру ляхи посекут и усю Малую Русь без Рассеи загубят, выжгут и в свою веру оборотят. И ерманец-то не поможет, хоть и хотел бы, ибо у яво тож царя-кайзера сбросили и прогнали. А Сибирь Кончак твой англичанам, хранцузам, мериканам и япошкам энтим запродад да заложил. Думашь, откупится таперь? А вот хрен табе, выкуси! — гневится седой тролль и протягивает фигу в лицо незнакомому гному.

— Промежу прочим, меня и подружку мою наши православныя казаки от бусурман отбили. А с тобой бы, коли ты таков, я б сроду не пошла! — вдруг встревает в разговор какая-то тролльчиха.

Кирилл отрывает голову от стола и видит всю эту картину.

— Вона, она, хоть и баба, а и то лутше табя понимать! — весело кричит молодой, задорный гном.

— *Дону, Кубани, Тереку и Волге куда идти? Они не ходят. Они текут,* — пьяно утверждает Космин.

Все гогочут.

— От-то, вашбродь! Дон, он, батюшка, в Азов-море идет, а Волга в Каспий! — со смехом подтверждает кто-то из гномов.

— Но, однако, принято говорить, и это правильно географически, что *Дон к Волге очень близко подходит в большой излучине. Там стоит город Царицын*, — напрягая свои познания в географии, вспоминает и лепечет Кирилл.

— Эх, глумный! Дон Волге-то кланяется! В тех местах сам атаман Степан Тимофеевич на Волгу с казаками приходил. А по Волге-т в Персию за жупанами. А потом на Волгу воротился и прежь поклонился ей-магушке! Не может Дон без Волги. А за Волгой Урал-река. И та в Каспий бежить. А на Урал-реке и уральския казаки, и оренбургския сидять. Молодшая братья наша. Старики бають, и Кубань ране в Азов-море воды отдавала. А ноне в Черное. *Расся ж море Черное не отдасть, ежели она — Расся!* Вместе надоть нам быть, как бы ни управил Господь...

— *Черное море еще при князе Владимире-Крестителе Русским называлось у всех народов!* А Черное — значит «Чермное» — «Красивое». Хотя греки в древности называли его Понт Евксинский — Море Гостеприимное, — опять вспоминает Кирилл, отрывая голову от стола.

— Да-а. Ученый ты! Но не возьми в обиду. Пора табе к своим антилеристам, вашбродь. Не доведеть тя спирт до добра, — молвил седой, помогая ему встать от стола.

— Добрый, мудрый троль, и вы, уважаемые господа! Налейте моим солдатам, сколько душа ваша позволяет. Ради Господа Бога! — тряхнув головой, пытаясь прийти в себя и крестясь, просит Кирилл.

— За ради Христа, так бери, ваше благородие, — говорит Филька, наливая и протягивая Космину полкотелка спирту.

— Спаси вас Христос! Пойду к своим, — кланяется Кирилл, надевает фуражку с малиновым верхом и отходит...

Казаки негромко заговорили о своем. А Космин, вскоре наливая повеселевшим солдатам по кружкам, пьяно вспоминал и думал:

«Кубань раньше в Азовское море впадала, но тогда на Кубани турки да татары хозяйничали. А нынче на Кубани православные казаки, и она в Черное море течет. Дон Волге кланяется! А Волга-то теперь у красных почти вся!»

* * *

Оперативные сведения за 5, 6 и 7 ноября отмечают упорные бои, которые Конный корпус Буденного вел с белыми за овладение Касторной. Сопrotивление противника носило крайне упорный характер, ибо белые отлично понимали, что потеря Касторной и движение Буденного на юг от этого узла грозили самыми тяжелыми для них последствиями. Поэтому в район Касторной были переброшены Кубанская пешая (пластунская) дивизия, 5 бронепоездов и даже 2 танка. Части эти вели бои к югу от Касторной, стремясь нанести удар в левый фланг корпуса Буденного. Район самой Касторной активно оборонялся Терской пехотной дивизией, которая дралась насмерть и несколько раз переходила в контратаки, отбивая красных. Погода и состояние дорог лишали конницу возможности широкого маневра. Белые, имея здесь значительные стрелковые и пехотные части, упорно оборонялись, а по мере возможности наносили короткие удары своими конными полками.

Не так-то просто было сломать казаков. Уже 7 ноября казачьи корпуса Шкуро и Мамонтова вновь попытались сравнять шансы. Они атаковали части 42-й стрелковой дивизии и 13-й кавбригады 13-й армии, а также те части конного корпуса Буденного, что наиболее продвинулись на запад и вели бои в 20–25 верстах севернее Касторной.

Поздним вечером 6 ноября на предполагаемом направлении главного удара кубанцы установили и замаскировали 8 пулеметных гнезд. Рано утром, как только рассвело, кубанская конница численностью более полутора тысяч сабель была брошена на левый фланг выдвинувшихся батальонов 42-й стрелковой дивизии. Разведка красных прозевала. Казачья лава выкатилась из лога неожиданно, опрокинула аррьергард, расстроила боевые порядки двигавшейся колонны красных. Началось беспорядочное отступление

частей 42-й дивизии, которые несли большие потери. Казаки нещадно секли и крошили пешие стрелковые батальоны. Но на помощь отступавшим пришла 13-я кавбригада. Вновь в холодной, припорошенной снегом степи завязалась кровавая и горячая сабельная схватка.

Есаул Алексей Пазухин знал о готовившемся контр-ударе. Уже более часа не выпускал он шашку из десницы. Рука устала от хлестких, тяжелых, разящих насмерть ударов. Есаул помнил, что сам срубил троих. Последний был в бескозырке и черном матросском бушлате. Попытался защититься винтовкой со штыком, но тщетно: есаул, увернувшись от штыка, направленного в правый бок, сразил матроса колющим ударом клинка в живот. И тут Пазухин увидел, что метрах в сорока от него группа красных до пятнадцати штыков, встав спина к спине, плечо к плечу, заняв круговую оборону, умело, отчаянно отбивается и отстреливается от наседающих кубанцев — его разведчиков. Верховые лихорадочно крутились вокруг них, безуспешно пытаясь достать хоть кого-то шашкой, снимали винтовки из-за спины, падали, сраженные выстрелами красных почти в упор. Пришпорив коня, есаул вспомнил и левой нащупал на поясе гранату-«лимонку». Лихо свистнул.

— А ну, разлетайся в стороны! Граната не помиует! — проорал он на всем скаку.

Казаки, поняв маневр есаула, мигом пришпорили коней, и их словно ветром разнесло. Выпустив шашку, которая повисла на паверзе (ремешке) у кисти, Алексей выдрал чеку зубами и выплюнул. Секунда-другая, и «лимонка», пролетев метров двадцать и описав дугу, упала к ногам красноармейцев. Крики и вопли раненых людей, погибающих от взрыва и осколков... Одна из этих разящих, разлетающихся с бешеным свистом частичек металла просекла бурку и черкеску, впилась Пазухину в левое плечо. Рука и спина онемели от боли, но многолетняя кавалерийская выучка не оставила его, и он удержался в седле.

— В отрыв! В отрыв! — орал какой-то хорунжий.

Казаки дружно поворачивали коней вспять...

13-я кавбригада красных ударила в правый фланг наступавшей кубанской коннице. Казаки недолго сопротивлялись, рассыпались и стали быстро откатываться назад. Пазухин знал о возможном маневре отступления и потому сам, несмотря на сильную боль в плече и руке, погнал коня назад. Кто бы ведал, сколько раз пришлось отступить и маневрировать казакам за эти дни! Топот лошадиных копыт, выстрелы, свист! Двести... сто пятьдесят... сто метров до замаскированных пулеметных гнезд. Казаки оторвались от красной кавбригады метров на пятьдесят-шестьдесят. И тут ударили, зарокотали пулеметы. Кинжальным огнем просекло, прошло ряды красной кавалерии. Верховые с шашками и пиками, лошади кувыркались, падали с налета в грязный снег. Рои пуль веером поднимали, взрывали комья мерзлой земли и льда. Пулеметный смерч подсек лаву красных, уложив на землю до двухсот пятидесяти сабель. Красное знамя пало рядом со сраженным знаменосцем. Напор кавбригады ослабел. Верховые стали поворачивать коней. Началось отступление. Пулеметчики били уже прицельно по небольшим группам и отдельным кавалеристам. Красные, пригибаясь к холмам коней, укрываясь за лошадьми, рассеивались в разные стороны. И казалось, сейчас прозвучит команда контратаковать, казаки вновь ринутся на восток, добивать врага, доделывать то, что не доделали пулеметы. Но не тут-то было...

Из-за ближайшего холма справа во фланг кубанской коннице выкатилось несколько сотен верховых под красным полотнищем. Развернуть пулеметы было несложно, но красные были совсем рядом — метрах в двухстах. Пулеметным огнем можно было побить своих. Недолго думая, казаки ринулись на противника, и вновь завязалась сабельная сеча. Первые ряды красных были смяты. Но силы их прибывали, напор усилился. Посеченные шашками, сбитые пулями, казаки валялись с коней. Офицеры кубанского корпуса поняли, что имеют дело уже не только с кавбригадой, но со свежими частями конного корпуса Буденного, вступившими в бой. На помощь кубанцам пришло два полка Донского корпуса. Открыв ружейный огонь и приняв участие в рукопашной, они, казалось, уравнили положение. Но последовал приказ отступить.

Есаулу Пазухину перебинтовали рану, но он оставался в седле и не выходил из боя. Узнав, что получен приказ об отходе, придерживая левое ноющее от боли плечо правой рукой, он зло сплюнул на землю...

Положение колебалось, как на чашах весов. Инициатива переходила из рук в руки. 8–10 ноября части Красной армии вышли к участку железной дороги Касторная — Старый Оскол. Но с рассветом 10 ноября Кубанский и Донской корпуса повели атаку с юга на железную дорогу Касторная — Воронеж. А Буденный был вездесущ. Он растянул полки своего корпуса широким фронтом восточнее и северо-восточнее Касторной. Его части опрокинули казачков и превосходящими силами преследовали их до станции Суковкино (20 верст южнее). Тогда перешли в контрнаступление пластунские части Терской дивизии севернее Касторной. Это вынудило красных оставить Суковкино и принять меры к тому, чтобы не дать противнику продвигаться вдоль железной дороги на восток.

К 11 ноября определенно выяснилась бесплодность всех попыток корпуса Буденного, ибо соотношение сил было далеко не в его пользу. Три конных дивизии корпуса красных имели против себя две пехотных, два конных корпуса и танки белых. А поскольку плохая погода продолжала сковывать маневры войск, постольку обстоятельства властно требовали содействия Буденному фланговых частей 13-й и 8-й армий.

На 13 ноября Буденный отдал приказ по корпусу за № 164, в котором ставилась задача перенести центр тяжести действий на левый фланг (южнее) и собрать здесь в кулак (ударную группу) две свои дивизии — 4-ю и 6-ю. Им ставилась задача разбить противника и выдвинуться в район Раздельная — Бычок — Анисовская. 11-й кавдивизии Буденный приказывал образовать заслон на фронте Архангельское — Орехово. С переходом же ударной группы в наступление следовало ударить на Касторную и овладеть ею. В приказе подчеркивалась общая установка операции — открытие пути на Украину.

Ночь на 13 ноября прошла спокойно. С рассветом же части корпуса двинулись вперед. Конница была на марше, когда вдруг в полдень начался обильный снегопад, а потом подул северный ветер, да как разгулялась лихая метель...

Туго стало в голой степи. Степь — не степь, а ледяная, белая пустыня. Ветры воют жутко, а может, то поет песню смерти стая голодных волков. По просторам, затерянным, занесенным барханами снеговых волн и заносов, едут верхом, идут пешком, ведя в поводу промерзших лошадей, тянут, подталкивают повозки, сани со снарядами, патронами, мерзлой картошкой, крупой и мороженым салом, впрягаются в артиллерийские упряжки, чтобы орудия было легче тянуть коням, движутся прокаленные ветром и морозом люди. Движутся, и не то чтобы наперекор ветру. (Ветру наперекор — только в красивых большевистских сказках бывает, которые Аркадий Хайдар-Голиков насочинял.) Вьюга-то такая, что крутит, и вертит, и бьет то в спину, то в правый бок, то в лицо. А лица-то: усы, бороды, глаза — залепило. Не видно почти «ни чертова кулака». Степные балки, курганы, левады — все утонуло, сравнялось, кануло куда-то в метельное небытие. Но тянет откуда-то справа вместе со снежной крутящейся пеленой печным дымом, навозом и жильем...

Ударная группа красных остановилась в затерянном степном хуторе. Части 11-й кавдивизии при содействии полков 42-й подошли к Архангельскому. Целые сутки бушевала снежная стихия. Когда она несколько поутихла, 15 ноября в лицо красным подул сильный, холодный встречный ветер. По заметенной, закутанной снегами степи конные полки ударной группы атаковали, завязали бои по всему фронту. Им на помощь с юга подошла 12-я стрелковая. В ходе горячего боя красные вновь взяли станцию Суковкино. Тогда пластунские батальоны терских казаков нанесли контрудар с запада по полкам 4-й дивизии. Это был отвлекающий маневр с целью потянуть время для эвакуации и отвода сил из Касторной. Завязался жестокий бой — последний бой всей операции. Терцы дрались насмерть, спасая и прикрывая своих соратников. Тем временем командование белых выяснило, что с севера к Касторной приближаются также части 42-й и 11-й кавдивизии красных.

Степь занесло снегом по колено. Местами в балках было по пояс. Ледяной ветер дул в лицо. Хорошо, что командив 42-й приказал выдать всем валенки. Иначе бы ноги отмерзли. Кто бы поднялся в штыки? Комиссар, разгребая снег ногами и подметая его полами шинели, шел впереди стрелковой цепи с маузером в руке. Рядовой Павел Абрамов, недавно мобилизованный из молодых орловских крестьян, в валенках, в телогрейке, в дедовской папаче с красной звездой шел вслед за комиссаром, сжимая винтовку с примкнутым штыком. Руки в дырявых, старых рукавицах мерзли, сердце холодело. Но на душе было весело, горячо. Он смахнул слезу, может, накатившую от ветра...

«А и убыть, — думал Пашка, — велика ль беда!? Матушка узнает, поплачет. У церкви отпоют. А вот пуцай Вербниковская зазноба посохнеть. А земля без хозяина не останется. Брат младший Яшка вспашет. Ужо-т ему шешнадцать годов. Подыметь...»

Разрывы снарядов взрыли землю и осыпали комьями и снежной пылью. Шаг — другой — третий, пули секут все вокруг.

«Ниче, — думал Павел, — как-нито дойдем!»

Знал ли он, что через четверть часа, «когда ноги утопли в снегу, и силов нету иттить», в этой заснеженной степи, «за энтим логом», сойдутся они, «орловские робяты» — красные бойцы штык к штыку с такими же православными бородатыми молодыми русскими, только казаками пластунского батальона с далекого Терека. И все — и те, и другие, озверев от холода и боли, будут бросать гранаты, поднимая снежную пыль, калеча друг друга разрывами тола и осколками металла. И будут сходитья ближе и ближе, стрелять один в другого, почти в упор. А потом, когда уже не будет времени и мочи вставить снаряженный магазин в винтовку, в исступлении пойдут в рукопашную и будут колоть друг друга длинными трехгранными штыками, бить прикладами наотмашь, «в дышло», в лицо, вышибая зубы и глаза, выхватывать кинжалы, засапожные ножи и разить в живот, колоть в грудь, резать глотки...

В том бою, застрелив первого, словно выросшего из снега казака, но нарвавшись на матерого урядника, полу-

чив удар прикладом в грудь и штыком в ребра, Павел теряет сознание и очнется в полевом лазарете в Касторной только на третьи сутки...

Направление эвакуации было изменено. Эшелоны белых отправлялись по железной дороге Касторная — Оскол. Первый эшелон со снаряжением, имуществом, боеприпасами подошел к станции Суковкино. Но здесь уже был подорван мост, и вся материальная часть с эшелоном, а за ними и бронепоезда сделались добычей красной конницы. Кто бы знал, как терские пластунские батальоны дрались в степи. Отступили они только тогда, когда в Касторную ворвались конные части 6-й дивизии. К исходу 16 ноября остатки разгромленных белогвардейских войск вырвались из окружения в Касторной и были отброшены на юго-запад.

Новое направление движения Конного корпуса Буденного определилось 17 и 19 ноября, когда командующий Южным фронтом отдал две директивы. Армиям фронта и Конному корпусу указывались задачи по организации преследования белогвардейских войск. Основная цель определялась как разгром Добровольческой армии. 19 ноября в интересах усиления темпов наступления Реввоенсовет Южного фронта отдал приказ о создании на базе Конного корпуса Буденного Первой Конной армии.

В ходе Воронежско-Касторненской операции войска Красной армии и их противника прошли с боями до 250 верст. Красные нанесли большой урон основным силам белогвардейской конницы и, угрожая правому флангу и тылу Добровольческой армии, способствовали ее поражению в Орловско-Курской операции. В ходе Гражданской войны то был первый пример массированного использования крупных конных и кавалерийских соединений в тесном взаимодействии с пехотой для решения оперативных задач.

* * *

Генерал Юденич собрал силы в кулак и готовился к штурму Петрограда. Тем временем советское правительство обратилось к рабочим и красноармейцам с призывом

защищать город на Неве от белогвардейцев, белоэстонцев и интервентов до последней капли крови. Под Петроград были отправлены значительные подкрепления. В городе и на его ближайших подступах были сооружены три линии обороны, которые прикрывали боевые корабли Балтийского флота, введенные в Неву. К 20 октября войска белых были остановлены, а 21 октября силы Западного фронта численностью около 80 тысяч штыков и сабель при 1300 пулеметах, 570 орудиях перешли в контрнаступление. Армии Западного фронта были превосходно оснащены и имели 6 бронепоездов и 23 аэроплана. Уже через два дня красные выбили части Юденича из Павловска и из Детского села. Затем их войска потеснили противника и взяли Царское село. В ноябре они повели упорные бои за Гдов и Ямбург. Угроза революционной столице России отступила.

* * *

Последними наступательными операциями Восточного фронта стало освобождение городов Челябинска и Троицка. Тем самым 5-я армия Тухачевского рассекла колчаковский фронт на две изолированные группировки, из которых одна отступала в Сибирь, а другая — в Туркестан. Так завершилась борьба за Урал.

Уже в августе 1919 года красного командарма Михаила Фрунзе назначили командующим Туркестанским фронтом. Фронт был создан на территории Самарской, Астраханской, Оренбургской губерний и Уральской области в результате переименования Южной группы Восточного фронта. Фрунзе подчинялись также все части красных в отрезанном белогвардейцами Туркестане. Первоначально фронт провел Актюбинскую наступательную операцию по разгрому Южной армии белых под командованием генерала Белова. Затем удар был нанесен по Уральскому казачеству. Казаки, кто как мог, порой всеми семьями оставляли родные земли и уходили на восток, в сухие бесплодные степи. После взятия нефтеносного района около Эмбы штаб Фрунзе переехал из Самары в Ташкент.

* * *

Успехи под Орлом и Воронежем позволили Главному командованию Красной армии уже 27 октября отдать приказ войскам Южного фронта об энергичном развитии наступления с одновременным уничтожением белых, отходивших от Дмитровска и Орла в направлении Курска. Целью было не дать противнику возможности закрепиться и оказать организованное сопротивление.

Тем временем генерал Деникин, решив усилить Добровольческую армию, приказал корпусу талантливого генерала Я. А. Слащева завершить разгром отрядов Махно, еще весной выступивших против белых, и двигаться на соединение с добровольцами. Однако корпус Слащева, выбив махновцев из Екатеринослава, был втянут в затяжные бои с ними до конца декабря. Оказать помощь главным силам добровольческой армии в нужный момент он не смог. Так батька Махно помог большевикам.

Кровавые схватки 13-й и 14-й армий красных с корниловской и остатками дроздовской дивизии на Курском направлении продолжались. Брошенная в рейд кавгруппа Примакова прорвалась в тыл дроздовцев и корниловцев и 15 ноября захватила важный железнодорожный узел Льгов. Испытывая удары превосходящих сил противника, офицерские добровольческие части продолжали ожесточенно сопротивляться, неоднократно переходя в контратаки. 17 ноября части 13-й и 14-й армий подошли к Курску. Добровольцы оказались окруженными с трех сторон. В ночь на 18 ноября после ожесточенного боя части 9-й стрелковой и Эстонской дивизий овладели Курском. Офицерские части Добровольческой армии вырвались из смыкающегося кольца окружения, понеся огромные потери.

Успеху Южного фронта в значительной степени способствовали войска Юго-Восточного фронта, сковавшие своими активными действиями крупные силы Донской и Кавказской армий. Они не позволили генералу Деникину организовать переброску войск на курское направление. В конце ноября войска этого фронта потеснили белоказаков за Хопер. Контрнаступление сил Южного и Юго-Восточного

фронтов переросло в их общее наступление. Стратегическая инициатива на юге России полностью перешла к Красной Армии. 17 ноября Главное Командование РККА поставило войскам Южного фронта задачу разбить Добровольческую армию, овладеть Донецким бассейном и начать наступление на Ростов. Для содействия войскам Южного фронта из района Царицына в направлении на Новочеркасск переходила в наступление 9-я армия Юго-Восточного фронта, усиленная конно-сводным корпусом Б. М. Думенко.

Этим силам противостоял 3-й Донской корпус. Донцы предпринимали все меры, чтобы вывести свои части из железной подковы красных, сжимавшей их полки на левом берегу Дона. Фронтное командование красных усиленно указывало на полнейшую необходимость выдвижения конных масс 9-й армии в район Павловск — Бутурлиновка, что предоставляло полную возможность окружения и уничтожения частей 3-го Донского корпуса. Но движение правофланговых частей 9-й армии носило крайне медленный характер, несмотря на настойчивое требование командования прижать группу белых к реке и уничтожить ее. Задача эта, поставленная 31-й дивизии, не была выполнена, ибо слишком поздно выдвинулись на помощь ей конные части 9-й армии. Да и воды Дона к моменту окружения донских казаков перестали быть преградой для отступавших. Река словно уберегла своих сынов и устранила всякую возможность окружения 3-го Донского корпуса. Как весной 1919 года, в период наступления 8-й и 9-й армий, Дон, вскрывшись, разъединил красные части, помог донцам и добровольцам перейти в решительное наступление, так и теперь, поздней осенью, Дон, покрывшись льдом, спас донцов от окружения и уничтожения.

* * *

Легендарная Первая Конная армия Республики Советов! Замысел ее рождения и организации принадлежал Климу Ворошилову, командующему Южным фронтом Александру Егорову, бывшему подполковнику царской армии, и члену РВС Южного фронта И. В. Сталину. Еще и до этого конные соединения РККА были созданы Борисом Ду-

менко. Когда Троцкий вручал ему орден Красного Знамени за номером 5, то назвал Думенко «первой шашкой республики». Орден Красного Знамени за номером 6 получил Семен Буденный. Тогда он стал «второй шашкой» — заместителем Думенко. Но Думенко был ранен еще накануне Воронежско-Касторненской операции и, казалось, не выживет. Когда встал вопрос об организации Конной армии, то командующим был назначен Семен Буденный — уже талантливый военачальник, лихой рубака, воевавший в кавалерии (в драгунском полку) в чине унтер-офицера на Германской войне, имевший серьезный боевой опыт.

«Реввоенсовету Республики.

Реввоенсовет Южфронта в заседании своем от 11 ноября с. г., исходя из условий настоящей обстановки, постановил образовать Конную армию в составе 1-го и 2-го конных корпусов и одной стрелковой бригады (впоследствии добавить и вторую бригаду).

Состав Реввоенсовета Конармии: командарм товарищ Буденный и члены: товарищи Ворошилов и Щаденко.

Справка. Постановление реввоенсовета Южфронта от 11 ноября 1919 г. № 505/а.

Означенное просим утвердить», — гласило постановление.

«Конная армия была создана, несмотря и даже вопреки желанию Центра (вероятно, автор имел в виду Троцкого и его окружение. — Д. А.). Инициатива ее создания принадлежит товарищу Сталину, который совершенно ясно представлял всю необходимость подобной организации. Исторические последствия этого шага хорошо всем известны. К концу ноября, когда Конная армия окончательно закрепила за собой обладание районом Нового Оскола, а фланги соседних армий подтягивались к Новооскольской параллели, силы белых были безнадежно разъединены и дальнейшие попытки их соединиться вновь для организации совместного отпора красным были обречены на гибель», — писал позднее об этих событиях командующий Южным фронтом А. И. Егоров.

Командир артиллерийского дивизиона Конармии Максимов как-то за рюмкой чая сказал молодому, образован-

ному красному командиру из южнорусских евреев Исааку Бабелю: «Что такое наша армия? Это не армия, это — восстание дикой вольницы, это лишь средство, которым пользуется партия!». И в этом была правда. Первая конная — идеальная модель революционной армии. Еще бы: командующий, красный генерал Семен Буденный — из крестьян. Комиссар армии Клим Ворошилов — из рабочих. Член военного совета армии — бывший семинарист, бросивший учебу, с юных лет возглавлявший боевую организацию партии большевиков, уже тогда мудрый Иосиф Сталин (мало кто и ныне-то знает, что Иосиф, записанный сыном сапожника Джугашвили, на самом деле — незаконнорожденный сын одного из грузинских князей, чей род берет начало из рода Давидова с I века н. э.). Первая Конная — плоть от плоти, кровь от крови беднейшей части народа России, готового сражаться до конца. Четверть конармейцев неграмотны, три четверти, за исключением тонкого слоя командиров и политработников, — полуграмотны. Говорить о высокой сознательности не приходилось. Это и пришлось во всех тонкостях отразить Исааку Бабелю, обесмертившему Первую Конную в своем цикле рассказов «Конармия».

* * *

Великими трудами с остатками своей батареи и одним орудием Космин к исходу ноября добрался до поредевшей дроздовской дивизии уже за Курском. Отступали окольными дорогами, вдали от перерезанных красными железных и шоссейных путей. Лошади и люди отошали, выбились из сил. Во всем чувствовался надлом. Итогом тяжелого поражения белых под Воронежем, Касторной, Орлом и Курском стало небольшое стихотворение, написанное им на биваках в холодные и голодные дни и ночи страшного отступления.

Помнишь Воронеж — Касторную?
Крах!?
Вот он — Изюмский проторенный шлях!
В давность здесь сеяли смерть и пожар
Крым и ногайские орды татар.

Помнишь ли день?
Вспыхнул солнечный блик
в лезвиях сабель, на жалах у пик.
Сотни аллюром пошли:
«Марш! Марш! Марш!» —
В схватку, в огонь, в сумасшедший кураж!
Лавой, с «Ура!», под копытную дрожь...
Смерчем в лицо им катилось:
«Даешь!!!»

Клич этот страшный, как судный набат,
звал всех в атаку на рай,
или в ад...

Пули «максимов» стегнули полки,
свистнули жгучей метелью клинки,
степь задрожала под бешеный гук!
Древнюю ль сечу почуяла вдруг?

Сшиблись.
Метелью кружило нас всех?
Тихо кружился октябрьский снег.
Думалось — вихрилось:
«Как же понять,
две ли России сошлись воевать?
Нет, двум на свете не быть и вовек!»
Только... всё русские падали в снег.

Вновь не скрестить им клинки и пути.
Надо России и это пройти.
Кони на юг повернули свой бег.
Кровью в Покров замерзал белый снег.

Кирилл бесконечно читал и перечитывал письмо Жени. Ответить он ей не мог. В круговороте событий, в сумасшедшей сумятице отступления он полностью потерял связь со всеми друзьями, знакомыми, а главное — с Петром Усачевым. Но Кирилл всей душой, умом, всеми нервами знал, понимал, чувствовал, что ему для того, чтобы дальше жить на земле и не сойти с ума, просто необходимо увидеть и об-

нять свою любимую женщину и родившуюся дочь. Единственное, что мог он предпринять, — это написать рапорт начальству с просьбой дать ему отпуск. Он, конечно, и представить себе не мог, как пересечет фронт и появится на территории, контролируемой Советами, как будет искать Женю и дочь. Он знал одно — нельзя говорить начальству, что жена и дочь находятся по ту сторону линии фронта, надо сказать, что они — в Ростове-на-Дону.

20 ноября его рапорт был вручен командиру артдивизиона (бригады) стрелковой дивизии Дроздовского. Полковник, видимо, недавно принявший часть, не знакомый Кириллу, озабоченный делами, встретил его в крестьянской хате, где располагался на постое.

— Вряд ли, господин подпоручик, смогу удовлетворить вашу просьбу об отпуске. Обстановка не та. Каждый человек на счету, а уж особенно офицеры. Понимаю и ваши семейные обстоятельства. Если вы хотя бы были легко ранены. А то ведь ни царапины, а ведь в такой каше побывали! — высказался полковник.

— Я был ранен в 1917 году во время наступления на Юго-Западном фронте. Тяжелая контузия и перелом левой руки. Толком и не вылечился тогда. После длительной артиллерийской стрельбы голова сильно болит. Почти теряю сознание, — попытался защититься Космин.

— Понимаю, но то — старое ранение. А сейчас мало кто из офицеров хотя бы и легкого не имеет.

— Что ж, господин полковник, прикажете специально подставиться, чтоб ранение получить? — с обидой и издевкой в голосе спросил Космин.

— Избави Боже! Что вы, батенька, несете!?! Никто вас и не думал упрекать в слабодушии или, гм-м, излишней осторожности. Мало того, я где-то с неделю тому назад имел честь видеться в лазарете с раненым командиром вашей батареи Лукиным. Он о вас докладывал и отзывался очень высоко. Да, в той каше было непросто! Но одно орудие сохранено, личный состав батареи собран и выведен из окружения! Да ведь вы, батенька, там, под Воронежем, Лукину и жизнь спасли? Не так ли?

— Там, господин полковник, столько случайностей было, что и не упомнить, кто кого спас, — отвечал Космин.

— Ну что ж, подпоручик, ответ, достойный русского офицера, сражающегося за Белое дело. Вам днями светит повышение — очередная звездочка на погоны и награда — крест Георгиевский. Мы с командиром батареи уже обсудили и это. Ждите приказа. А батарею вашу пополним личным составом и орудие еще одно дадим. Ну а в помощь вам направлю молодого прапорщика. Так что воюйте дальше, подпоручик. Не смею задерживать. С Богом!

* * *

Женя вытерла сосок груди мягким полотенцем. Вложила грудь в лиф. Румяная доченька сопела и крепко спала на руках. Евгения недолго покачала ее, а затем со словами:

— А-а-а, баю-бай! — уложила дитя в качалку.

«Боже, сколько счастья и радости быть матерью. И какие красивые дети будут у нас с Кириллом, — думала Женя. — Наташенька, доченька беленькая, глазки синие. Прелесть, да и только».

«Господи! Хотя и не верила в тебя, а окрестила дитя. Если Ты есть, сохрани моего милого. Прошу тебя, Господи», — смотря на дитя, думала она.

«И зачем эта война!? Неужели люди не понимают, что убивать — вопреки человеческой природе. Ведь есть же умные, интеллигентные люди и у белых, и у красных. У белых — Деникин — умнейший, благороднейший человек. У красных — Ленин-Ульянов, из дворян, великолепно образован, талантлив, интеллигентен. Это все в низах проблема. Ведь наверху и те и другие хотят одного и того же! Хотят видеть Россию великой и счастливой», — думала Женя.

«Господи! Кирилл, где же ты? Боже, сохрани его!» — причитала не веровавшая в Творца и в Его Сына — Спасителя мира молодая женщина и мать.

* * *

Последние сполохи страшной, решающей битвы, определявшей, каким путем отныне пойдет Россия, все еще сотрясали и будоражили бескрайнюю, засыпавшую под сне-

гом южнорусскую степь. Когда Касторная была взята, а упорство белых здесь было ликвидировано, фланги белых армий оказались окончательно разъединенными. Красным представлялась полная возможность перейти к преследованию и уничтожению белых — отдельно Добровольческой и Донской армий. Теперь белые направляли все усилия на удержание Курска, сражаясь здесь с тем же ожесточением, как и под Касторной. Город брали 9-я и 3-я дивизии Красной Армии. 15, 16 и 17 ноября характеризуются особенно упорными боями, в результате которых части 9-й дивизии к вечеру 17 ноября ворвались в город Курск. Отбрасывая контратакующего противника, части 3-й дивизии продвинулись к югу и захватили город Тим. С потерей Курска и Тима вся железнодорожная линия Курск — Лиски оказалась в руках красных.

Белогвардейское командование понимало, что отступить далее — смерти подобно. Южнее лежала ровная как стол степь! Возможно ли было найти там рубеж, подходящий для обороны? Белые ухватились за Сейм. Но река эта выше города Сумы мелководна. Даже в летнее время верховые переезжают ее вброд, не замочив сапог. Поэтому решено было не отходить, а вернуть утраченное положение, тем более что у Боброва и Лисок держались еще донцы.

Метели и гололедица связали и сковали степь. С большим трудом удалось белым у Тима собрать отряд генерала Третьякова в составе 1-го Марковского полка, 1-го Алексеевского полка и 1-го батальона 2-го Марковского полка при 12 орудиях. Перейдя в контрнаступление 20 ноября, отряд Третьякова выбил 3-ю дивизию из города Тим и начал продвигаться на север и северо-запад с явным намерением ударить в тыл 9-й и Эстонской дивизиям, чтобы затем вынудить их к отходу от Курска. Удар этот явился полностью неожиданным для 13-й армии. Однако встречными действиями 9-й, 42-й, Эстонской и Латышской дивизий 21 и 22 ноября контрманевр белых был ликвидирован. Тогда 13-я армия вышла на правом фланге в 15 верстах к югу от Курска, а на левом фланге к реке Оскол. А14-я армия к этому времени подошла к реке Сейм, заняла город Рыльск и при содействии группы Примакова — Льгов.

Тимская операция, хоть и была последней, неожиданной и не планируемой красным командованием, но задержала в центре наступательный порыв красных армий, дала белым возможность оторваться от преследования частей Красной армии.

* * *

Космин еле-еле дождался прапорщика, присланного ему в помощь на батарею. Ничего другого он уже не ждал. Звание поручика и Георгиевский крест пришли к нему сами. Его только вызвали в штаб дивизиона, сделали запись в удостоверении о произведении в звание, вручили звезды на погоны, достали крест из коробочки и приколотили ему на грудь. Но Космин даже и не собирался «обмывать» повышение и награду. Да и было ли с кем?

Посвятив молодого человека — студента, недавно мобилизованного и надевшего погоны прапорщика, — во все дела батареи, дав ему самые важные указания, что делать и как вести себя в случае боевых действий, Космин оставил батарею ночью 22 ноября. Заплатив одному из крестьян, чтобы довез его до ближайшего города, он на крестьянских санях отправился окольной дорогой на юг — в сторону Белгорода. Нужно ли долго рассказывать, каких трудов стоило ему добраться до железнодорожного вокзала в Белгороде. И тут Космин понял, что интуиция полностью подвела его. Он слишком давно не был и не возвращался в гражданской жизни — в тылу воюющих денкинских армий. Анархия или произвол различных ведомств правительства Юга России, ОСВАГ(а) и контрразведки царили повсюду. У здания вокзала Космина сразу же задержал многочисленный патруль. Проверяли всех людей в военной форме поголовно. И тут Космин пожалел, что заранее не переоделся в гражданское платье. Даже тех военных, у которых были оправдательные документы, патрульные офицеры отпускали не сразу, а после долгих придирчивых расспросов. Тех же, у кого их не было и кто вызывал хоть малейшее подозрение, разоружали и отводили в сторону. Многочисленный конвой, набранный из кадетской молодежи и бывших кур-

сантов военных училищ, с примкнутыми штыками охраняя группу офицеров и солдат человек в двадцать. Это были те, кто был задержан патрулем без отпускных или командировочных предписаний. Оказавшись в их числе без удостоверения, шашки и пистолета, Космин решил вести себя спокойно и простоял так почти до вечера. К вечеру группа задержанных увеличилась вдвое. Когда стемнело, их отогнали в какой-то пристанционный барак, заперли на засов и приставили часового.

Переночевав кое-как без хлеба и воды в холодном бараке на нарах, Космин проснулся совершенно замерзший и голодный. С утра начали вызывать и водить людей на «допрос». Лишь в полдень он дождался вызова. С руками, которые велено было держать за спиной, его привели в подвальное помещение массивного и серого каменного здания, расположенного там же, близ вокзала. В сводчатом помещении с зарешеченными окнами, которые располагались довольно высоко, ибо выходили на улицу на уровне цоколя, было сумрачно и тепло. Горела печка-буржуйка, труба которой была выведена прямо в окно, заделанное железным листом. За большим канцелярским столом сидел молодой подпоручик с худым лицом — усы в нитку. У дверей двое часовых с винтовками и фельдфебель-мордovorот, в углу за небольшим столом солдат в очках с ручкой и аккуратно разложенными по столу листами бумаги.

— Кто такой, куда следуете? — прозвучал сухой и жесткий вопрос, и Космин догадался, что он попал в контрразведку.

— Поручик Космин Кирилл Леонидович. Исполняю обязанности командира 2-й батареи артдивизиона дивизии Дроздовского Добровольческой армии, — отвечал Кирилл, прикладывая руку к фуражке с малиновым верхом и как бы указывая этим на свою принадлежность к воинскому соединению.

Офицер-контрразведчик порылся в кипе бумаг и документов, разложенных на столе, нашел удостоверение Космина и стал внимательно читать написанное в документе.

— Куда следуете? Где ваше отпускное или командировочное предписание?

— Следую в Ростов к жене. Она родила и плохо себя чувствует, — солгав и понимая, что иного не примут, отвечал Кирилл.

— Предписание!?! — еще жестче и уже раздраженно произнес контрразведчик.

— Понимаете, подпоручик, в тех условиях, в которых сейчас находится дивизия, да и вся армия, практически никаких служебных бумаг не производится. Меня отпустил командир дивизиона под честное слово.

— Слушай! Ты — мерзавец! Сколько будешь испытывать мое терпение?! Заливать станешь в другом месте! В Царстве небесном сказки будешь рассказывать, но не здесь в контрразведке! — вдруг заорал сидевший за столом.

Космин остолбенел и чуть не проглотил язык от удивления и негодования.

— Быстро отвечай, скотина! Где взял форму и удостоверение?

— Подпоручик, потрудитесь вести себя, как подобает офицеру! Вы разговариваете со старшим по званию, — хриплым от волнения голосом произнес Кирилл.

— Я тебе дам, мразь! Старший по званию! Где состряпали тебе документы? В ЧК? В разведке у красных? Почему? Почему, я тебя спрашиваю, ты записан поручиком, а носишь погоны подпоручика? Звездочек на погоны не хватило? Ясно, что там, у красных, путаются в званиях! — орал, приподнявшись за столом, контрразведчик.

Тут Космин к ужасу своему вспомнил, что не посадил по третьей звездочке на погоны шинели и гимнастерки. А ведь в документах у него было уже записано повышение в звании. Это обстоятельство, вероятно, и навело на подозрение патруль при аресте на вокзале. Для него — фронтового офицера — и всех, с кем он плечом к плечу дрался на фронте, это не значило почти ничего. А для этой крысы из контрразведки в погонах подпоручика, что сидела сейчас напротив него за столом, это значило много.

— Ты! Тыловая гнида! — вскипел вдруг Космин, — Я с шестнадцатого года на фронте! И десятки раз видел смерть, как тебя сейчас. А ты — сука, засел здесь в теплом подвале у печки и шерстишь всех подряд. Сам — вошь, и спосо-

бен видеть только подобных себе! Попал бы ты под мое начало под Воронежем или под Касторной, а еще лучше полтора года назад под Ростовом. Я бы показал тебе, кто такие дроздовцы! — сорвавшись, прокричал Космин.

— Но-но! Не забывайся! Ты — дезертир! По меньшей мере — дезертир! — побелев лицом, понизив голос, прошипел контрразведчик.

— Сам ты — дезертир, крыса тыловая! Засел здесь в тепленьком местечке, спрятался от фронта, от ранений и смерти. А как придут красные — вильнешь хвостиком и был таков! — продолжая кипеть, обличал Космин.

— Я выполняю долг там, куда меня поставило начальство, и не тебе упрекать меня! А за то, что придут красные, будешь отвечать. Занеси это в протокол допроса, — обратился он уже спокойнее к писарю, составлявшему бумагу.

— Крыса протокольная! Свои звезды на погонах в канцелярии заслужил?! А сейчас глумишься над фронтовым офицером, — уже с издевкой продолжал Космин.

— А насчет твоих звезд на погонах мы еще уточним в вашей части. Направим запрос. А вот когда ответят, поговорим! Обыскать его! Снять с него шинель и гимнастерку с погонами! — приказал-прошипел, как змей, контрразведчик.

Часовые, словно выдрессированные псы, схватили и заломили Космину руки за спину. Он попытался скинуть их.

— Фельдфебель! Не церемониться с этим! Есть распоряжение о таких! — приказал контрразведчик.

Фельдфебель умелым и хлестким ударом в челюсть временно выключил сознание Кирилла. Когда Кирилл, быстро приходя в себя, попытался вновь оказать сопротивление, фельдфебель вторично ударил его в челюсть, а потом по затылку. Дроздовская фуражка навсегда слетела с головы поручика Космина. Пенсне упав с глаз, повисло на шнуре.

Шинель и гимнастерка были сорваны с Кирилла.

— Вот, ваше благородие, пистолет при их был спрятан, — сказал фельдфебель, протягивая контрразведчику оружие, подаренное Кириллу Ивашовым в памятные дни боев в Москве.

— Мерзавец, пистолет прятал! Всыпьте ему хорошенько! — приказал офицер.

На Космина посыпались удары. Били в живот, по голове, по лицу. Когда он упал, били ногами по ребрам и ниже пояса.

— Получи! Получи, сволочь дезертирская! — шипел подпоручик, нанося удары носком лощеного сапога.

Все поплыло перед глазами, как в дурном сне...

Пришел в себя Космин на нарах барака. На нем была какая-то драная телогрейка, накинутая поверх нательной сорочки. Видимо, пока он был без сознания, кто-то из арестованных укрыл его, чтобы не замерз. Стены барака подрагивали от артиллерийской канонады. Верно, красные были недалеко. Кирилл сел, огляделся.

— Покурить хошь? — тихо спросил его немолодой усатый солдат, подсаживаясь и протягивая ароматную раскуренную самокрутку с самосадам.

— Нет. Спасибо, братец, — отвечал Космин.

— Здря-а. Не гребуй, дерни, вашбродь. Полегшаеть, согреисси. Другого-то нетути, — вновь предложил солдат.

— Давай-ка, затянусь, — согласился Кирилл.

— О, энто по-нашему! — улыбаясь, произнес солдат.

— О! Спаси тя Христос! — слегка покашливая после затяжки, благодарил Космин.

— Аль из казаков буишь, вашбродь? — поинтересовался солдат.

— Нет. А почему про казацкое происхождение спрашиваешь? Разве похож?

— Благодаришь по-казацки. Так-то их старой веры, стал быть, казаки благодарствуют, — отвечал солдат.

— Нет. Не казак я. А как ты определил, что офицер? Ведь нет на мне мундира и погон?

— Э-э, вашбродь! Надьсь я табя в погонах видал. А потом и по виду-т не из крестьян ты, хоть и рвань на табя наден. Почитай, из благородных?

— Из них, братец.

— Вот вишь, опять же «братец». Так ведь только благородные кажут. То есть не «брат», не «браток», а как молодшего, неразумного — «братец». Э-эх вы, господа! Пропили, прогуляли, проспали Рассею и зямлю-т нашу просрали. Отдали яё большакам да инородцам. Ну, да ниче...

— Не упрекай, солдат! *Россия и у тебя, и у меня одна.* Другой нигде не найдем и эту, видать, не поделим. Так уж Богу угодно.

— Эх, умен ты, вашбродь. И слова правильные говоришь. Вижу, душа болить у тебя. Бога помнишь! Но как же ты при своем-то уме да попалси в энту контрисветку? Неужто ума не хватило?

— Не хватило, видать. Научи, солдат, что делать-то?

— Да, коли ты так уделали, выходить, насолил ты им. И не помилуют. Бяжать тебе надоть, барин. Иначе иль енти аспиды, иль большаки придуть да расстреляють. Слышишь, с орудьев бьют. Конец Деникину выходить. Час другой у них тута суматоха пойдеть. Бяги, пока нито.

— Как бежать то, подскажи, родимый?

— Поди, стучись у дверь, проси за ради Христа, отворят. Извиняйся, подойди к часовому, что постарше. Дядя, дай, мол, подкурить. Прикури. Насыпь и ему самосадику, угости, то есть. Да скажи, что жена, мол, письма от тебя ждеть, детишки голодные, болеють. Наше-то поколение, постарше, с понятием. Нехай на четверть часа отпустить письмо у вокзалу с пошты отправить. Да и так, куды тебе деваться? Не к красным же бежать. А и то, а?.. Давай-ко, барин, держи мой старый кисет. У меня новый есть. Бог тебе в помощь. Да и мне в бега подаваться надо. Домой пора...

* * *

Женя проснулась в полночь. С тревогой оторвалась от подушки, выпрямилась, села на постели, протерла глаза. Ей почудилось, словно кто-то провел по ее волосам легкой шелковой паволокой или крылом с тончайшим оперением и тихим голосом прошептал ей на ухо:

— Проснись, Евгения! Не засыпай, молись за Кирилла!

Женя в страхе перекрестилась. Затем подумала, осмыслила все, улыбнулась и упала головой на подушку. Сон мгновенно взял ее в свои объятия.

Но не прошло и пяти минут, как в ночном, холодном ноябрьском сумраке она в тонком тревожном сне вдруг увидела и услышала, как младенец-доченька, протягивая к ней ручонки, прошептала:

— Мама, мамочка! Проснись! Помоги папе. Папа бежит, волки за ним!

Женя, окончательно испуганная голосами и видением, проснулась. Встала, наклонилась над детской кроваткой. Наташа крепко спала и посапывала.

«Надо же привидеться такому! Какие волки? А, ну понятно — волками пугают маленьких детишек... Да, но откуда младенец может знать о волках и как она может говорить?» — с испугом подумала Женя.

Склонившись над кроваткой, она перекрестила дочь, а затем, обратившись к образу Богородицы, стала вспоминать забытые с юности молитвы.

* * *

Кирилл бежал. Бежал уже вторые сутки на север, ориентируясь по звездам и восходу.

Сколько же в то время было в России таких вот беженцев-беглецов, людей, ищущих пристанища, ищущих, где приклонить голову, где найти спасение, мятущихся из края в край своей огромной, раздираемой междоусобной враждой Отчизны!

Кирилл давно оставил окраины города позади. Днем прятался в оврагах и балках, поросших кустарником и лесом. Ночью вышел на какую-то еле различимую, засыпанную снегом дорогу, обозначенную полозьями саней и уводившую на северо-восток в бескрайнюю ночную степь. Он промерз до костей, но, протирая уцелевшее пенсне, кутаясь в рваную телогрейку, все шел и шел вперед, как-то согреваясь быстрой ходьбой. Канонада глухо гремела на востоке. Возможно, была уже полночь, когда, подходя к затерянному в степи хуторку, он вдруг набрел на двух присыпанных снегом покойников. Кирилл в очередной раз протер пенсне, осмотрелся. Снег был притоптан вокруг. Оба убитых, вероятно, расстрелянных, были без сапог. Но если один был в рваной гимнастерке, то на другом была старая солдатская шинель. Убитые были без погон, без каких-либо знаков различия и принадлежности к белым или красным.

Перекрестившись, читая «Отче наш», Кирилл с трудом снял с окоченевшего покойника шинель и размял ее руками, ощупал, осмотрел. На левом отверстии шинели, напротив сердца, было несколько отверстий. На противоположной стороне у левой лопатки расплылось и замерзло большое черное кровавое пятно. В правом внутреннем нагрудном кармане лежала свернутая газета. В потайном кармане у пояса была коробочка спичек.

Шинель он надел поверх телогрейки и поднял воротник. Скоро ему стало теплее. Хутор обошел стороной, слишком велика была вероятность того, что там на постое те, кто расстреливал. Наверное, сделал он правильно... но все же вскоре пожалел об этом.

И полчаса не прошло, как явились вековечные спутники российских лихолетий, жирующие и плодящиеся на ее бедах и утратах. Они явились из глубин бытия самой дикой и первозданной природы, хищники, попущенные Творцом для вразумления человечества. И Кирилл сразу почувствовал и услышал их. Унылый и грозный вой предупредил его. Почувствовав, что его преследуют, Кирилл машинально побежал к ближайшей роще, раскинувшейся на склоне большого яра. Бежал он быстро, но оглянулся; стая числом с десяток рысила за ним по пятам...

Он успел добежать до первого развесистого дуба и вскарабкался по ветвям метра на три от земли. Они были уже близко. Вожак осторожно подвел стаю к дереву, и они обложили его со всех сторон. Сердце Кирилла бешено колотилось.

— Эх, пистолета нет! Где-то сейчас подарок Ивашова? Может быть, сейчас этот ублюдок из контрразведки расстреливает из этого не запятнанного мерзкими убийствами оружия неповинных людей, — подумалось Кириллу.

Прошло около часа. Звери не уходили. Крутятся возле дуба, скулили и повизгивали, щелкали зубами, рыча, поднимая вверх ощеренные морды.

— Лучше тут замерзну, а вниз не сойду, только бы не упасть, как усну, — думал Кирилл, ощупывая себя, замерзая и забываясь в холодном, заиндевелом сне, читая, как стихи, заученные с детства молитвы.

И тут где-то в версте, а может, и более, прозвучали винтовочные выстрелы, следом ударил пулемет. Серое зверье, скуля и повизгивая, снялось с места. Вожак повел стаю куда-то по дороге к хутору.

Космин еще полчаса сидел на дереве. Ощупал спички, присмотрелся сверху, где развести костер. Взглядом нашел метрах в двадцати куст с сухими ветвями. Медленно спустившись с дерева и осматриваясь, он побрел к кусту. Наломал тонких сучьев, сложил пирамидкой, достал газету, оторвал половину. Из газеты выпала листовка. Он аккуратно завернул листовку в остаток газеты и убрал в нагрудный карман. Свернул оторванный лист, чиркнул спичкой, запалил, сунул горящий факелок между тонких веток. Костер разгорался медленно. Космин раздувал его полкой шинели. Вдруг он почувствовал на себе чей-то взгляд и с трепетом обернулся. Из-за кустов на него смотрели, желто-зеленые полные лютой, нечеловеческой ненавистью и злобой звериные глаза. Это были глаза вожака. Стая вновь окружила его и расположилась метрах в пятнадцати-двадцати, но костер уже полыхал. Космин задрожал всем телом и стал поспешно ломать ветки и выкладывать второй костер метрах в пяти от первого. Затем — третий перпендикулярно первому и второму. Вскоре пламя трех костров озарило окрестные кусты и деревья. Зверье отступило подальше, но продолжало сторожить его... Он не сомкнул глаз до утра, ломал сучья и подкладывал их в костры. Холод отступил. Космин был весь мокрый от пота, жара и горячего едкого дыма. Стекла пенсне покрылись копотью и частичками гари. Только с зарей стая снялась и ушла восвояси.

Уже когда совсем рассвело, он нащупал кусок газеты и листовку в кармане шинели. Достал листовку, протер стекла пенсне и стал читать:

«Солдаты, казаки и офицеры армий генерала Деникина, за кого вы сражаетесь?! Вы сражаетесь за интересы и капитал помещиков, буржуазии и эксплуататоров! Вас гонят убивать своих братьев и соотечественников! Вы боретесь против своей же Республики. Советская власть вам не враг! Бросайте оружие, прекращайте бесплодное, безнадежное кровопролитие. Всем солдатам, казакам и офицерам, доб-

ровольно сдавшимся Красной армии от имени Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, власти рабочих и крестьян и их правительства объявляется полное прощение и амнистия! Решайтесь, кладите оружие пока не поздно!»

«Да, это мне пригодится», — подумал Космин.

* * *

Курская группа белых — основное ядро остатков Добровольческой армии, — подвергшаяся сильнейшему натиску с фронта, сжимаемая с обоих флангов конными группами Примакова и Буденного, отступала, дралась и умирала. По замыслу командования Южного фронта, она должна была погибнуть к исходу ноября.

Но и красным было нелегко. После тяжелых, продолжительных боев у Воронежа, где белой коннице был нанесен основательный удар, после напряженной борьбы у Касторной, протекавшей в крайне тяжелых погодных условиях, конница Буденного, не получая отдыха, в котором она крайне нуждалась, должна была безостановочно преследовать белых в южном направлении. Действия красной конницы развивались вдоль дороги Касторная — Валуйки. Здесь они вступили во взаимодействие с 12-й дивизией 8-й армии. Сильные разведывательные отряды Буденного доходили уже до станции Роговое в 15 верстах к северу от Старого Оскола.

Оперативная сводка разведки Буденного от 20 ноября отмечала начавшуюся выгрузку эшелонов, прибывающих с Царицынского фронта. Это были свежие части 3-го Кавказского корпуса генерала Улагая — последняя надежда и попытка командования белых остановить наступление красных. Буденному была поставлена задача перерезать линию железной дороги южнее Старого Оскола и, действуя с востока и юго-востока, разбить противника и захватить Старый Оскол. Стремительным охватом города красной конницей с востока часть белых 3-го кавказского корпуса была отрезана, окружена, бросила оружие и подняла руки. Когда бы это ранее белогвардейские офицеры и солдаты Кор-

нилова и Деникина сдавались в плен? Остальные отступили на юг к Новому Осколу. Но следом и тот был взят красными 25 ноября.

Да, Добровольческая армия погибала. Теперь же Донская армия при всех своих крупных недостатках (впрочем, как и во все периоды ведения борьбы) сохраняла однородность рядового и офицерского состава. Даже в лучшее время — в апреле-мае 1919 года — Донская армия считалась Деникиным чуть ли не «иностранной», хотя «дружественной и союзнической». Но Добровольческая, да и Кавказская еще с июля постепенно теряли свой былой состав и обволакивались массой мобилизованного крестьянства. Плоды этого пожинало теперь белое командование. С каждым шагом отступления Добрармия разваливалась более и более. Полки теряли свое лицо, дивизии переставали существовать. О былом порыве вперед не было и речи; дезертирство и сдача в плен десятками и сотнями бойцов стали обычным явлением. Дезорганизованный тыл и совершенно не налаженный снабженческий аппарат резко усугубляли моральный упадок офицеров и солдат, лишали их боеспособности. Холод, метели, снежные заносы, голод окончательно надломили силы белых армий. Все эти условия особенно тяжело отразились на коннице.

Рапорт генерала Чекатовского, командира 1-й дивизии корпуса Юзефовича, командующему Добровольческой армией в начале декабря:

«В этом докладе не будет ни одного слова преувеличения. Конский состав дивизии дошел до полного изнурения. Выйдя в поход в июле, до сих пор дивизия имела 5–6 дней, которые она стояла на месте... В настоящее время лошади являются обузой для всадника, они на каждом шагу скользят и падают, так как все дороги в настоящий момент сплошной лед, а замерзшие вспаханные поля для движения невозможны. Скорость движения полков — 3 версты в час. Конные батареи впрягли в орудия все, что было возможно, до офицерских лошадей включительно, а офицеры ходят пешком... Если существует мнение, что в тылу есть пополнения, не использованные частями на фронте, то это несправедливо. Все, что возможно взять из тыла, сколачи-

вается и привозится в полки. Но эти пополнения прибывают частями по 25–50 человек и за несколько дней незаметно тают. Примером может служить 1-я бригада, которая 28 ноября имела 146 шашек. А сегодня, 2 декабря (все числа по старому стилю), после боя у Ракитной имеет 141 шашку... Не желая вводить в заблуждение высшее командование громкими названиями „бригада“, „дивизия“, так как с этими наименованиями даются задачи, считаю своим долгом доложить, что 1-я кавалерийская дивизия представляет собой не боевую единицу, способную для выполнения каких-нибудь боевых задач, а лишь небольшую вымученную часть, которая своей численностью достигает численности полка слабого состава».

Не лучше было и положение корпуса Мамонтова, о котором генерал Улагай писал:

«Я уже доносил, а теперь повторяю, что, в общем, конницы у нас нет. Рассчитывать на что-либо серьезное от конной группы совершенно нельзя».

Но ведь красные, как и белые, находились в тех же погодных условиях! Так же несли потери. Их части, далеко отрываясь от тылов, также не получали полноценных подкреплений. Почему же красная конница насадала и часто активно преследовала противника? Достаточно предположить и рассмотреть хотя бы один фактор. Вероятно, в конных и кавалерийских частях белых армий не была налажена перековка лошадей в зимних условиях. Это мероприятие требовало серьезной технической подготовки, наличия в войсках кузнечного дела и хорошего обеспечения. Но об этом своевременно позаботились Буденный, Примаков, Думенко и другие красные командиры.

* * *

Ровно через двое суток после спасения от волков Космин, остановленный секретом одного из полков Латышской дивизии, был приведен в штаб полка и допрошен сначала командиром стрелкового батальона, а затем комиссаром и командиром части. Еще прежде, чем привели его к батальонному командиру, сначала ошупали и обшарили все

карманы. Командир батальона — по виду русский, усатый, но хорошо выбритый, с хитрецей в глазах, первым делом спросил:

— Перебежчик?

— Да, — отвечал Космин.

— Офицер? Доброволец?

— Прапорщик. Был насильно мобилизован белыми в октябре этого года.

— Все ясно. Почему решил перебежать к нам?

Кирилл достал листовку из нагрудного кармана и передал ее командиру. Тот прочел и вернул ее обратно Кириллу.

— Покажешь это комиссару полка! — сказал он, обращаясь к Кириллу. — Все, ведите его!

Кирилла привели в просторную, чисто выметенную, прибранную и натопленную хату. За столом, на котором лежала карта и бумаги, сидели двое. Часовой остался у дверей с винтовкой в руках. Командир полка оказался уже довольно немолодым латышом, комиссар с бородкой — похоже, русским.

— Имя, фамилия, звание? — произнес жестко комиссар.

— Изгнанников Кирилл Леонидович, прапорщик. Был мобилизован в Курске насильно в октябре этого года, — солгал, не сморгнув, Кирилл. Фамилия эта пришла к нему сама по себе совершенно неожиданно, но подсознательно Кирилл понимал, что она была выстрадана им.

«Коль случилось так, что пришлось мне уйти в изгнание, то буду я Изгнанниковым. Стану отныне и советской власти послушным пасынком с этой фамилией. Даст Бог, не докопаются», — подумал Кирилл.

— Где форма и документы? — вновь прозвучал сухой вопрос.

— На вокзале в Старом Осколе был задержан патрулем без какого-либо оправдательного документа, типа командировочного или отпускного предписания. Естественно, документы и оружие изъяли. Потом всех задержанных отправили в контрразведку. Там они страшно боятся лазутчиков и разведчиков со стороны красных. Да и перебежчиков пытаются запугать. И все равно, в тылу у белых полный

бардак и хаос... Ну а в контрразведке на допросе сорвали шинель и гимнастерку, избили. Чудом пенсне вот уцелело... — уже почти правдиво рассказывал Кирилл.

— Да уж видно, коли все лицо в кровоподтеках и синяках, — смягчаясь голосом, произнес замполит.

— Что же застафило фас остафить их ряды и перейти к нам? — спросил с акцентом комполка.

— Я не могу и не хочу стрелять в свой народ. С того момента, как был мобилизован, все время думал о побеге. А потом вот — прочел, — и Кирилл достал листовку и протянул ее комиссару.

Тот принял, быстро пробежал глазами и одобрительно кивнул головой.

— В какую армию били призваны? — опять спросил комполка.

— В Добровольческую.

— Назовите номер или название воинского соединения и части!? — вновь жестковато спросил комиссар.

— Соединение?.. Вроде бы дивизия Дроздовского. Но я был призван в артиллерию. 3-я батарея артиллерийского дивизиона. И нашу батарею, как только меня мобилизовали, сразу же направили под Воронеж.

— Ах, вон где вы были в ноябре в самый разгар боев? Ну и что же можете сообщить об артиллерии нашего противника? — теплее голосом, спросил комиссар.

— Что могу сообщить? Артиллерия в основном или сильно потрепана, или вообще потеряна под Воронежем — Касторной. Лошади обезножели от бескормицы, снега и гололеда. Снарядов крайне мало. Словом, упадок полный.

— Понятно. А что говорят добровольцы-офицеры о боях под Орлом, Курском, Воронежем, Касторной? — продолжал интересоваться комиссар.

— Говорят мало. Но по всему видно, что поражение белых в этих операциях стало полной неожиданностью для многих из них. Никто не предвидел таких массированных и маневренных ударов красной кавалерии, столь слаженно действовавшей со стрелковыми и пехотными частями, с бронепоездами.

— Да, как показал себя Конный корпус Буденного! Отныне преимущество белых в коннице и кавалерии ликвидировано! Советская власть сумела организовать и создать более превосходную конницу. Деникину остается надеяться только на бронепоезда, броневики, танки, аэропланы. Но есть ли у белых надежные специалисты, способные справиться с этой техникой? — рассуждая, спросил комиссар.

— Специалисты, несомненно, есть, но их немного, и те не очень надежны. А французские и британские инструктора даже за большие деньги не всегда готовы принять участие в боевых действиях на стороне белых, — отвечал Кирилл.

— Да, с интервенцией Антанты все уже ясно с весны этого года! Французы и англичане боятся посылать своих солдат против армии рабочих и крестьян, иначе те повернут штыки против своей же буржуазии, как это было уже с немцами после братаний на германско-русском фронте, — уверенно изрек замполит и посмотрел на Космина.

Но Кирилл промолчал в этом случае и только склонил голову.

— Ви, как я понимаю, в прапорщики не у белых произведены? — вдруг задал вопрос комполка.

— Так точно. С весны шестнадцатого года воевал на германском фронте. Там и был произведен, — четко отвечал Кирилл.

— И где же фоевать пришлось? — вновь с интересом спросил комполка.

«Латыши! Они же дрались тогда под Ригой!» — вихрем пронеслось в голове Кирилла.

— Северо-западный фронт. 2-я батарея артбригады 2-го Сибирского стрелкового корпуса, — вновь четко отвечал Кирилл.

— Рижскую операцию застали?

— Имел такое удовольствие. Рядом с нами тогда отлично дрались латышские стрелки. Наша стрелковая дивизия им многим обязана, — с подлинным пиететом произнес Кирилл.

— Да, фложили тогда немцам латыши за родную Ригу. Я ф те дни ротой командофал в чине подпоручика, — теплея голосом и глазами, произнес комполка.

— Помнится, 20 августа германцы атаковали 6-й Сибирский корпус, западнее Иксюля. Тогда 6-й Сибирский отступил на тыловую позицию, но продвижение немцев было остановлено. А 2-я гвардейская германская дивизия встретила стойкое сопротивление латышских стрелковых частей. Кажется, в боях на реке Малый Егель немцы были остановлены 2-й Латышской стрелковой бригадой. Именно удар латышских стрелков и позволил избежать окружения правофланговым 6-му и 2-му Сибирским корпусам, — обстоятельно и со знанием дела высказался Кирилл.

Комиссар и комполка, услышав это, с долей уважения посмотрели на Космина.

— Да, если бы не предательская политика генерала Корнилофа и командования фронта, не отдали бы Ригу немцам, — с сожалением сказал комполка.

— Корнилов явно не стремился удержать Ригу. Хотел подавить революционное движение в армии. Вот он и отдал приказ командующему 12-й армией, оборонявшей столицу Латвии, отступить к Вендену. По их мнению, угроза германского вторжения могла остановить процесс революционного брожения. Вот русские войска и оставили Ригу и Усть-Двинск 21 августа. Это стало началом трагедии для всего Северного фронта. Да, то была и серьезная угроза Петрограду. И я 21 августа ранен был. Контузия и перелом левой руки, — заключил Космин.

Комиссар и комполка взглянули на него с пониманием.

— Изгнанников, какое у вас образование? — спросил вдруг комиссар.

— Реальное училище окончил в 1915 году. Затем сразу мобилизован в армию и направлен в унтер-офицерскую школу. После окончания школы получил назначение на Северо-Западный фронт, — отвечал Кирилл.

— Слушайте, а почему вы не ушли из Курска до призыва в армию белых? — вновь задал вопрос комиссар.

— Дело в том, что я ведь учительствовал. В гимназии. Учебный год начался только, месяца полтора прошло. Как же бросить? Дети ведь! Да и казалось, что никто меня не призовет. В Красную армию ведь не призвали...

— Вы женаты?

— Да, недавно родилась дочь. Но жену я заранее отправил в Кадом, еще до прихода белых. Там у нее родители, присмотр. А тут война!

— А какое у вас происхождение? — вдруг серьезно спросил комиссар.

— Отец был земским лекарем в Курской губернии. Ма-тушка — швея, портниха. Наверное, я из разночинцев. Но отец умер, когда я был еще ребенком, оставив троих детей. Жилось нам нелегко. Но благодаря заботам и помощи дяди я и поступил в реальное и закончил его без посредственных оценок.

— Ну что ж, происхождение, конечно, у вас не пролетарское и даже не крестьянское, но и не буржуазно-помещичье. А главное — хорошее образование и наличие боевого опыта с германской войны! Вы, конечно, — офицер, но, надеюсь, не запятнаны кровью, пролитой трудовым народом за дело революции, — резюмировал комиссар.

И тут Кирилл четко представил себе, что никогда уже не наденет офицерских погон. Не увидит рядом Пазухина, Новикова, Гумилева, не выпьет с ними, с другими знакомыми ему офицерами, не услышит стихов Туроверова о Новочеркасске и многого-многого другого. Но выбор уже был сделан им, нужно было идти дальше торной дорогой жизни.

«Эх, хоть бы Петя Усачев выжил и остался цел в этой каше! Он поймет... Господи, спаси и убереги раба твоего Петра!» — подумал Кирилл, но не перекрестился.

— Так вот, Изгнанников! — вернул к реальности Кирилла голос комиссара. — Хотите послужить Республике Советов, новой, молодой, социалистической России?

— А это возможно? — обескураженный вопросом комиссара спросил Кирилл.

— Ели бы было невозможно, не предлагал бы.

«Нельзя отказываться, усомнятся», — подумал Космин и твердо отвечал:

— Да. Разрешите вопрос?

— Давайте.

— Смогу я увидеть жену и ребенка? Ясно, что не сейчас, но потом?

— Вот направим вас по назначению, проверим, устроитесь, определитесь, и отпустят вас к вашей супруге и дитю в отпуск, — с улыбкой произнес комиссар.

«Знал бы ты про мой боевой опыт в ноябрьские дни семнадцатого года, когда горстка офицеров, юнкеров, кадетов и гимназистов дралась и била вас в Москве! Видел бы ты меня весной прошлого года, когда я вместе с дроздовцами (с Пазухиным, с Новиковым, с Гаджибеклинским), прорываясь к Корнилову и Деникину в Добрармию, ходил в штыковые! Да хотя б краем глаза посмотрел ты, как из последних сил дрались мы и клали вашу красную конницу под Воронежем и Касторной. Увидел бы, без допросов и разговоров приказал бы сей же час отвести меня за угол этой хаты и прислонить к стенке!» — с тревогой и долей скрытой гордости вдруг подумал Кирилл, уже выйдя в сени.

* * *

Уже в эмиграции, годы спустя, А. И. Деникин полностью признается в своем неумении и растерянности, проявленными им в этот период времени. Это означало «невозможность опереться на либералов, нежелание передать власть всецело в руки правых, политический тупик и личную драму правителя». Он все же пытался найти какой-либо выход и распустил Особое совещание (ОСВАГ), установив военную диктатуру. Но декретировать военную диктатуру невозможно. Военный диктатор силен и представляет собой власть не программными декларациями, а мощью штыков. А их-то как раз у Деникина не было. Армия безнадежно отходила и, отходя, расплывалась. Власть Деникина пала, как только окончательно определилась невозможность вооруженной борьбы.

Белые стремились оторваться от непрерывно нападающего противника, найти подходящий для обороны рубеж, собрать ударную группу из сохранивших хотя бы остатки боеспособности войск и контрманевром вынудить красных к приостановке наступления. В середине ноября командованию белых это представлялось еще возможным. Естественно, что все внимание штабов белых армий сосредото-

точилось на ударной группе красных — Конной армии Буденного, подкреплённой двумя стрелковыми дивизиями. Именно навстречу движению красной конницы предполагалось бросить свежие части.

Командующий Кавказской армией генерал Врангель 1 ноября (нового стиля) телеграммой № 03533, посланной начальнику штаба главнокомандующего, предложил перебросить из состава вверенных ему войск от 3 до 6 конных дивизий на Курское направление. Деникин отверг это предложение, ограничиваясь снятием с Царицынского участка двух дивизий. Они начали прибывать на фронт в двадцатых числах ноября, причём Деникин решил усилить намечавшееся сосредоточение за счёт частей, снимаемых с северо-востока и Сочинского фронта. Все эти мероприятия позволяли сосредоточить против Буденного в районе Волчанск — Валуйки отряд силой в 7 тысяч сабель, 3 тысячи штыков, с 5–8 орудиями, и снабдить его танками, бронепоездами и авиационными средствами. Генерал Врангель находил такое сосредоточение недостаточным и настойчиво предлагал снять с Царицынского фронта ещё две кавалерийские дивизии и образовать из собиравшейся группы отдельную конную армию с ним самим во главе. Однако Деникин и с этим предложением Врангеля не считал возможным согласиться. Вместо этого он снял окончательно спившегося и «разложившегося» генерала Май-Маевского и назначил командующим Добровольческой армией генерала Врангеля.

«В обоих случаях Деникин принял половинчатое решение. И, как всегда бывает, середина оказалась вовсе не золотой. Медленно проходившее сосредоточение не давало требуемого эффекта на фронте, а не прекращавшийся натиск красной конницы сравнительно легко разбивал отдельные попытки белых оказать сопротивление на Купянском направлении. Линия, намеченная Врангелем, во всех отношениях более соответствовала той оперативной обстановке, какая складывалась осенью на фронте. Соответствующее политическое обеспечение операции, своевременное сосредоточение крупных конных масс на центральном к Москве направлении открывали белым неплохие перспекти-

вы, но Деникин не сумел этим воспользоваться. Как летом в «Московской директиве» он бесконечно растягивал свои армии в пространстве, так и теперь он опасался за Царицынское, Воронежское, Курское и Киевское направления и нигде не смог сосредоточить должного превосходства в силах. Из сосредоточения ударной группы в центре, на которое возлагалось бесконечное количество надежд, ровным счетом ничего не вышло», — позднее писал по этому поводу командующий Южным фронтом А. И. Егоров.

В задачи ударной группы конницы белых, сосредоточенной в районе к югу от Нового Оскола, входила не только приостановка движения конницы Буденного, но и контрманевр в тыл правого фланга армии в районе Бирюч и левого фланга 13-й армии. Но тесная увязка действий красной конницы с 13-й армией ликвидировала эту попытку в самом начале. В результате боев к 9 декабря 10-я дивизия Мамонтовского корпуса оказалась наголову разбитой и, оставляя сотни пленных и десятки орудий, бежала на юг. Преследуя противника, конница Буденного 9 декабря заняла Валуйки и получила задачу занять Купянск не позднее 12 декабря. 8-я и 13-я армии должны были выполнять поставленные задачи, содействуя продвижению Конной армии.

Причины этой новой крупной неудачи белых коренились в том отчаянном развале, который на данной стадии развития операции охватил все части боевого организма белых армий. Приведение в жизнь плана Врангеля о снятии значительных сил с Царицынского фронта явно запоздало. Вот как описывает бегство белых генерал Науменко, временно заменявший ушедшего с поста комкора генерала Мамонтова:

«...Колонна донцов бежала, преследуемая одним полком, шедшим во главе конной колонны. Все попытки мои и чинов штаба остановить бегущих не дали положительных результатов, лишь небольшая кучка донцов и мой конвой задерживались на попутных рубежах, все остальные неудержимо стремились на юг, бросая обозы, пулеметы, артиллерию. Начальников частей почти не видел, раздавались возгласы казаков, что начальников не видно и что они ускакали вперед».

Но помимо этого Деникин допустил ряд ошибок в организации этого соединения, пагубно отразившихся на его действиях. Он объединил донцов и кубанцев в одну группу и назначил ее командиром генерала Улагая, что сильно озлобило Мамонтова, который был все же очень популярен среди донских казаков. Мамонтов подал рапорт о своем нежелании подчиняться Улагаю и самовольно бросил корпус. Обстоятельство это имело весьма существенное значение, ибо если кто-либо мог воодушевить казаков и сдержать их паническое бегство, то это был только Мамонтов.

Конница Буденного продолжала преследование. Назначение того или иного генерала, конечно, уже не могло изменить хода кампании. Мамонтов мог затруднить действия Буденного, замедлить общее продвижение красных, но повлиять на исход операции коренным образом... Теперь Деникин, окончательно растерявшийся под влиянием событий на фронте и в тылу, хватался за всякую видимую возможность спасения. В тот момент он почувствовал, что командующий Добровольческой армией генерал Май-Мавевский не на месте. Генерал, вероятно, мало отвечал своему назначению, ибо, несмотря на ряд выдающихся боевых качеств, он был безнадежным алкоголиком и предавался непрерывным кутежам. Об этом Деникин не мог не знать и раньше, но, пока армия имела успех, он молчал и не желал «менять коней на переправе». Теперь же, в первой половине декабря, во главе Добровольческой армии был поставлен генерал Врангель.

К этому времени обстановка на фронте складывалась таким образом, что перед фронтом 12-й армии белые, разделившись с Петлюрой, увеличили свои силы. 2-й Галицкий корпус перешел на их сторону. Вследствие этого 12-й армии пришлось преодолевать значительное сопротивление на Киевском направлении, а к 10 декабря левый фланг армии был даже несколько оттеснен к северу. Но на всем остальном фронте успех был на стороне красных. К 12 декабря красные заняли Валки, Харьков, Волчанск, Валуйки и Евстратовку. Красные стремились отрезать все пути отхода белых в Донскую область, овладеть Луганском, Таганрогом.

* * *

После какой-то непонятной Кириллу двухнедельной «проверки» при штабе Латышской стрелковой дивизии, где он находился как бы под домашним арестом, «бывшего прапорщика Добровольческой армии, насильно демобилизованного, но добровольно перешедшего на сторону Советской власти, Изгнанникова Кирилла Леонидовича» решено было отправить в Москву в распоряжение руководства Всеобуча. Что можно было проверить в то время? Кирилл хорошо понимал, что ничего. Но, видимо, его какое-то время держали под арестом, лишая всякой информации и всякого общения, чтобы проверить, не всплывут ли какие-то факты или свидетельства его дела. За время своего пребывания под арестом Кирилл много молился и немного читал. Читал, конечно, газеты Красной армии, которые ему по его просьбе велел доставлять комиссар. Вероятно, все обошлось.

Декабрьская холодная Москва встретила Космина строго, торжественно, каким-то забытым, непонятным шумом и запахом огромного столичного города. Он уезжал из Москвы, тогда еще первопрестольной, во многом провинциальной, патриархальной и святой, поздней осенью 1917-го, очертя голову, с ненавистью в сердце, в отчаянии, но лелея надежды. Возвратился спустя два с небольшим года уже в столицу новой, какой-то еще неведомой ему России.

Курский вокзал принял поезд в свои объятия. Кирилл вышел на перрон с небольшим солдатским вещмешком, в простой, но добротной солдатской шинели, в солдатской фуражке, чисто выбритый, отрезвленный свежим морозным воздухом. Остановился, осмотрелся. Величественная, холодная, монументальная, но до боли родная Москва встречала его.

«Боже! Что со мной? Где я был все эти два года? Где только не носило меня? Что делал я, что пережил!? А она, моя Москва, все стоит, и ничего-то с ней не поделалось. Только еще величественнее стала. Теперь не только первопрестольная. Отныне вновь — столица!» — думалось Кириллу.

* * *

*«Командующий Добровольческой армией
генерал-лейтенант барон П. Н. Врангель.
Декабря месяца, 11-го дня, 1919 г.
Главкомандующему Вооруженных сил
Юга России.*

Рапорт

События развиваются с чрезвычайной быстротой, и неблагоприятно сложившаяся для нас на фронте обстановка становится грозной. Наш фронт разрезан пополам, и армии отходят двумя группами на ЮВ и ЮЗ. Необходимо принять крупные решения. Со своей стороны полагаю необходимым:

1. Правую группу армий постепенно отводить на линию реки Сал и Дон, сохранив плацдарм на правом берегу реки по линии устье реки Миуса — Новочеркасск. Спешно укреплять указанный фронт, объявив рабочую повинность населению. Одновременно готовить узлы сопротивления по линии реки Маныч и укреплять район Новороссийска.

2. Кавказскую, Донскую и Добровольческую армии, по отводе на означенную линию, свести в одну армию из 4 корпусов (Добровольческий, 1-й Кубанский и два Донских) под Вашим непосредственным управлением. Все лишние штабы расформировать, направив чинов в строй.

3. Из войск левой группы составить отдельный Крымский корпус.

4. Немедленно объявить сполох на Дону, Кубани и Тереке, возложив руководство сбором пополнений на популярнейших генералов соответствующих войск.

5. Готовясь всеми силами к продолжению борьбы, одновременно безотлагательно готовить все, дабы в случае неудачи не быть застигнутыми врасплох, выполнить лежащее на нас нравственное обязательство и сохранить кадры армии и часть технических средств, для чего ныне же войти в соглашение с союзниками о перевозке, в случае необходимости, армии в иностранные пределы, куда при

первой же возможности начать эвакуацию матерей, жен и детей офицеров, отдающих Родине жизнь. Их спасение — вопрос нашей чести.

Генерал-лейтенант барон *Врангель*».

Красное командование Южным фронтом продолжало настойчиво преследовать основную цель — разъединить донцов и добровольцев и уничтожить их по частям. Эта задача по-прежнему лежала на коннице Буденного. Конная армия была усилена двумя сильными стрелковыми дивизиями (в частности, 12-й дивизией, только что укомплектованной Алатырской бригадой и насчитывающей в своем составе 4 тысячи 500 штыков).

Для защиты Донецкого бассейна Деникин мобилизовал все силы, и ему удалось к 20 декабря сосредоточить в районе Бахмута — Попасного значительные группы: около трех кавалерийских корпусов и двух стрелковых дивизий при поддержке большого количества бронепоездов. Они оказали сильное сопротивление ударной группе Буденного. Началась упорная борьба за обладание Донецким бассейном, которая дала возможность белым вывести остатки живой силы из-под ударов 13-й и 14-й армий и отойти к Ростову и на линию реки Дон.

* * *

Фронты Гражданской войны откатились далеко от сердца России и более никогда не приближались к нему. Гражданская война, начавшаяся в ноябре 1917 года в Москве, развернулась на периферии, а затем два года кипела и все более и более приближалась к столице вплоть до ноября 1919 года. Затем под Воронежем и Касторной, Орлом и Курском произошла кульминация. Фронты вновь откатились далеко на окраины. Война еще бушевала и кипела два года, но Советская Россия доказала свою жизнестойкость, отстояла право на существование. И хотя окраины, где шла война, еще пытались добиться автономии или какой-то самостоятельности, Советская Россия всячески доказывала и доказала, что она — преемница монархической

«единости и неделимости». Той самой «единой и неделимой России», за которую так ратовали генералы Алексеев, Лукомский, Корнилов, Деникин и адмирал Колчак.

Причины поражения Белого движения?..

В основу административного и политического устройства Юга положено было «сохранение единства Российской державы» (Деникин А. И., т. 5. С. 138). И здесь национальный вопрос решался также «просто» и «легко», как он решался при царском правительстве. «Никаких мечтаний!» Россия должна быть единой. Если же казачеству и обещали кое-какие отклонения от этого единства, то лишь как плату за борьбу с большевиками. Иностранцы же не имели никаких надежд. По отношению к Украине Деникин однозначно заявлял, что правительство берет твердый курс «на национальное, религиозное и культурное единство русского народа в лице трех его ветвей — великорусской, малорусской и белорусской». Слово «Украина» во внимание не принималось и права на существование не имело. Малороссия была разделена на три области — Киевскую, Харьковскую, Новороссийскую. В Крыму татарский парламент (курултай) и правительство (директория) были упразднены простым административным распоряжением. Весь Крым был включен в состав Таврической губернии. Но с казачеством, активно выступавшим против советской власти, дело обстояло сложнее всего.

Но!.. Отстаивая свои экономические интересы, донское казачество стремилось к самостоятельности и готово было смотреть на иногородних как на иностранцев. Атаман П. Н. Краснов откровенно проводил эту политику, которая получала местно-патриотический оттенок. По его словам, Каледина погубило доверие к крестьянам, знаменитый паритет. Дон раскололся на два лагеря: казаки и крестьяне. Крестьяне, за малыми исключениями, были за большевиков. Там, где были крестьянские слободы, восстания не утихали. Весь север Войска Донского, где крестьяне преобладали над казаками, — Таганрогский округ, слободы Орловка и Мартыновка 1-го Донского округа, города Ростов, Таганрог, слобода Батайск, — был залит казачьей кровью в борьбе с крестьянами и рабочими. Попытки ставить

крестьян в ряды донских полков кончались катастрофой... Война с большевиками на Дону имела уже характер не политической или классовой борьбы, не Гражданской войны, а войны народной, национальной. Казаки отстаивали свои казачьи права от «русских», как писал генерал Краснов. (П. Н. Краснов. Всевеликое войско Донское. Цит. по книге: Алексеев С. А. Начало Гражданской войны, 1926 г., с. 148).

Первый же войсковой круг, собранный в конце апреля старого стиля 1918 года в Новочеркасске и провозгласивший себя «кругом спасения Дона», утвердил «Основные законы», которые:

1) передали всю власть управления войском во всем ее объеме войсковому атаману в пределах Всевеликого войска Донского с указанием, что он же есть высший руководитель всех сношений Всевеликого войска с иностранными государствами;

2) предписывали управляться на основаниях свода законов Российской империи, за исключением статей, отменяемых донскими основными законами, и отменить все законы, изданные Временным российским правительством и Советом народных комиссаров.

В дальнейшем казачество мечтало округлить свою территорию, получить возможно лучшие выходы к морю, а верхи казачества пытались прибрать к рукам часть естественных богатств окраин (уголь Донбасса). В письме к Вильгельму от 28 июня старого стиля 1918 г. атаман Краснов просил:

1) признать права Всевеликого войска Донского на самостоятельное существование, а по мере освобождения Кубанского, Астраханского и Терского войск и народов Северного Кавказа — на слияние с ними Войска Донского в одно *государственное объединение под именем Дано-Кавказского союза*;

2) содействовать присоединению к войску по стратегическим соображениям городов Камышина и Царицына Саратовской губернии, города Воронежа и станций Лиски и Поворино;

3) своим приказом заставить советские власти Москвы «очистить пределы Всевеликого войска Донского и других

держав, имеющих войти в Доно-Кавказский союз», причем... все убытки от нашествия большевиков должны быть возмещены Советской Россией.

Этот замечательный исторический документ в полной мере свидетельствует обо всех вожделениях Войска Донского, а также об относительной слабости казачьей контрреволюции, которая искала поддержки у иностранной интервенции — сперва германской, потом англо-французской. Эта слабость сказывается весьма явственно, если принять в расчет ту фактическую помощь, которую Дон получил от германцев в обмен на свои естественные богатства. 27 июня старого стиля в Ростове с майором фон Кохепхаузенем был официально установлен курс германской марки в 75 копеек валюты, была произведена расценка русской винтовки с 30 патронами в один пуд пшеницы или ржи, заключен контракт на поставку самолетов, орудий, винтовок, снарядов, патронов и др. В Ростове была образована смешанная доно-германская экспортная комиссия, нечто вроде торговой палаты, и Дон начал получать сначала сахар с Украины, а затем просимые им товары из Германии. В Войско Донское были отправлены тяжелые орудия, в посылке которых германцы до этого времени отказывали. Было установлено, что в случае совместного участия германских и донских войск половина военной добычи передавалась Донскому войску безвозмездно. Наконец, германцы оказывали и непосредственную помощь своей вооруженной силой. Так, немцы отразили попытку красных высадиться на Таганрогской косе, составили план совместных действий под Батайском, предложили помощь своих войск для овладения Царицыном. Последнее из этих предложений было отклонено атаманом в надежде, что Добровольческая армия поможет овладеть Царицыном, как это было постановлено 15 июня старого стиля 1918 года в станице Манычской.

Германские гарнизоны были поставлены в зависимость от атамана и оставались лишь там, где он считал это необходимым. Когда 29 июля старого стиля 1918 года Украина признала старые границы Донского войска и донские власти вошли в Таганрог и Таганрогский округ, германские

гарнизоны покинули Донецкий округ и остались только в Ростове и Таганроге.

С уходом немцев германская ориентация сменилась на англо-французскую, которую Донское войско приняло через свои верхи, по-прежнему не будучи в состоянии обойтись без иностранной интервенции. Атаман Краснов настойчиво добивался через Деникина тяжелых орудий из Севастополя, с морских судов, для бомбардировки Царицына, а также не менее настойчиво просил о присылке хотя бы двух иностранных батальонов, чтобы поддержать истощенные и деморализованные донские войска на северной границе области в январе 1919 года. Разница была лишь в том, что англо-французская интервенция не действовала так деловито и систематично, как интервенция немецкая, и направлялась не непосредственно, а через Деникина.

Подчинение Деникину, имевшее столь большое значение для объединения командования вооруженных сил южной контрреволюции, состоялось также при участии Антанты и даже под ее давлением. Как французское командование (в лице генерала Вертело), так и английские представители Антанты единодушно настаивали на этом объединении «русских армий» в лице Деникина, которое и состоялось 26 декабря 1918 г. Только добившись этого подчинения, французы и англичане приступили к широкому снабжению объединенных сил контрреволюции вооружением, снаряжением и обмундированием. Но подчинение, проведенное с большими трениями лишь одновременно со сменой донского правительства, т. е. с уходом атамана Краснова (его заменил генерал Богаевский), осталось незавершенным, отражая общие противоречия между добровольческим централизмом и донским сепаратизмом на протяжении всего 1919 года. Конфликт ослабевал в особенно тяжелые для Дона моменты, как это было весной 1919-го, но усиливался в периоды военных успехов Донской армии, как это случилось летом того же года. Сказывалась непрочность объединения, основанного, по существу, лишь на военной диктатуре. В основе противоречий лежали политико-экономические причины. Хотя Донской круг и выявил в декларации от 13 (1) июня 1919 года «свое демократиче-

ское лицо», но, по существу, «казачий демократизм» прикрывал лишь заботу о закреплении и расширении казачьих сословных преимуществ в пределах Донской области, отставая даже от правопорядка, устанавливаемого властью Добровольческой армии, и мало отвечая «общегосударственным» устремлениям Деникина. Так, казачество не вводило органов земского и городского самоуправления и оставалось совершенно непримиримым в вопросе о наделении землей иногородних, в особенности «пришлых», которые составляли, однако, 24 % населения. Лишь к концу 1919-го были уничтожены «пограничные рогатки» с соседними областями. Постоянные столкновения вызывала общая экономическая политика Особого совещания, направленная к ограничению прав отдельных казачьих областей на вывоз продуктов или естественных богатств за границу или в другие области.

Между тем верхи казачества пытались прибрать к рукам естественные богатства края (уголь) с целью обращения их в источник сословных казачьих доходов. Тем не менее конфликт Добровольческой армии с Доном не принял таких острых форм, как с Кубанью, вследствие уже самого состава донской правительственной власти, где преобладали кадеты. Но были и другие причины. Для Дона экспорт зерновых хлебов не играл такой роли, как для Кубани, а потому и деникинская «блокада» не так задевала интересы донской буржуазии и войсковой казны. А главное — Дон гораздо непосредственнее чувствовал опасность со стороны советской власти и Красной армии, чем прикрытая Донским войском Кубань. Противоречия в самом казачестве на Дону между сильно «расказаченными» северными и богатыми кулацкими южными округами были гораздо глубже, чем на Кубани. Давал себя чувствовать также революционный элемент Донбасса: непрерывное революционное брожение донецких шахтеров сдерживало рвение донцов в их трениях с Добрармией. Наконец, играли немаловажную роль противоречия между Доном и Кубанью на экономической почве: Дон был заинтересован в притоке продовольствия с Кубани, тогда как кубанские власти постоянно тормозили вывоз. При этом заправили «общего-

сударственной» политики главнокомандующего пользовались этими противоречиями для борьбы с кубанской самостоятельностью. Атаман Краснов согласился на подчинение Донской армии Деникину с оговоркой, что «конституция Всевеликого войска Донского не будет нарушена» и что «достояние Дона, вопросы о земле и недрах», а также «условия быта и службы Донской армии не будут затронуты». С уходом Краснова были сделаны некоторые уступки, но потом все осталось по-старому.

«Донская армия, — пишет Деникин, — представляла из себя нечто вроде иностранной союзной. Главнокомандующему она подчинялась только в оперативном отношении; на ее организацию, службу, быт не распространялось мое влияние. Я не ведал также назначением лиц старшего командного состава, которое находилось всецело в руках донской власти». По словам Деникина, донское командование оказывало иногда пассивное сопротивление, проводя свои стратегические комбинации и относя к «force majeure» уклонение от общей задачи. «Так, в июне, — пишет Деникин, — я не мог никак заставить донское командование налечь на Камышин, а в октябре — на Воронежское направление и никогда не мог быть уверенным, что предельное напряжение сил, средств и внимания обращено в том именно направлении, которое предуказано общей директивой; переброска донских частей в мой резерв и на другие фронты встречала большие затруднения; слушание частных начальников, как, например, генерала Мамонтова, повлекшее чрезвычайно серьезные последствия, оставалось безнаказанным».

В этой характеристике не отмечен лишь наиболее важный политико-экономический момент, которого Деникин касается мимоходом, когда говорит, что «все это, наряду с понятным тяготением донских войск к преимущественной защите своих пепелищ, вносило в стратегию чуждые ей элементы». Но именно в этом упорстве казачьих масс, т. е. рядовых представителей Донского войска, в отстаивании своего дореволюционного положения с одновременным нежеланием «идти спасать Россию» и заключались главные источники затруднений и, в конечном счете, — одна из

причин неудачи. Деникину не удалось, наступая на Москву, вытянуть за собой на своем правом фланге Донское войско, которое в октябре 1919 г. составляло 32 % всех вооруженных сил Юга.

Нужно также принять в расчет, что общее направление донской политики вынуждено было считаться с истощением казачьих масс, которое ощущалось очень болезненно, так как мобилизация захватила почти поголовно все способное носить оружие казачество.

Если Донское войско послужило для Деникина «армией прикрытия», под защитой которой он развернул свои добровольческие кадры, то Кубань была его базой, в особенности — в первый и последний периоды борьбы. «Кубань, — пишет Деникин, — волею судеб являлась нашим тылом, источником комплектования и питания Кавказской армии и связующим путем как с Северным Кавказом, так и с единственной нашей базой — Новороссийском».

Так было в начале борьбы. Потом база расширилась на все порты Черного моря и левобережную Украину, а под конец опять сузилась до Новороссийска.

Кубанское войско. На Кубани обстановка стала сложнее, чем на Дону, по причине особого экономического положения Кубани и ее федералистских стремлений. Оставаясь в глубоком тылу «вооруженных сил Юга России», развивавших борьбу с начала 1919 г. исключительно на территории Донской области и Украины, Кубань оказалась в особенно выгодном положении по части использования своих сельскохозяйственных богатств, чем и не замедлила воспользоваться, установив у себя хлебную монополию и регистрацию вывоза товаров. Позднее был выставлен принцип ввоза эквивалентов, т. е. требование, чтобы ни один фунт товаров не вывозился из области без возмещения товарами, в которых нуждается ее население. Таким образом, создалась политика экономического сепаратизма, которая встала в резкое противоречие с централизмом власти главнокомандующего, требовавшей вывоза продовольствия для нужд вооруженных сил Юга (без эквивалента), задерживавшей расчеты и останавливавшей экспорт кубанского продовольствия за границу (в Константинополь). Узко-об-

ластной, федералистский шовинизм верхушки кубанского казачества, несмотря на общность задач в борьбе с советской властью, все же не давал ни дружбы, ни тем более политического союза с «единой, неделимой» Деникина. Эта верхушка шла путем, во многом напомиравшим путь «самостийной» петлюровской Украины.

Наряду с этим большое значение получил вопрос о «Южнорусском союзе и правительстве», который Кубанская Рада особенно энергично отстаивала. Идея объединения казачьих войск возникла еще в 1917 г., но в неясных формах. Позднее, при атамане Краснове, существовал проект «Донско-Кавказского союза». В ноябре 1918 года в начале работы Кубанской Рады было выставлено положение о воссоздании России в форме Всероссийской федеративной республики с установлением формы правления на Всероссийском учредительном собрании нового созыва. Власть должна была образоваться не сверху, как требовал Деникин, а «снизу», путем сложения местных властей. Кубанский край должен войти в союз как член федерации, так же как Украина, Дон, Терек, Азербайджан, Грузия и Союз горских народов. Эти тезисы, принятые Радой и определившие конституцию Кубанского края, находились в полном противоречии с военной диктатурой и вызвали конфликт, не прекращавшийся до конца правления Деникина.

Первое кубанское правительство продержалось до марта 1919 года. Внутри Рады сразу возникли противоречия между правящей группой «черноморцев», составленной из кулацких элементов, и буржуазно-служивыми и офицерскими элементами «линейцев». Черноморцы не удовлетворялись внутренней автономией Кубани, отстаивали свободу внешних ее сношений, ее полную самостоятельность в области товарообмена и самостоятельность кубанской армии; таким образом, они являлись крайними сепаратистами. Линейцы, являясь лишь федералистами, выставляли более умеренные требования и ориентировались на Добрармию. Выдвинутое на смену черноморцам правительство Сушкова, ставленника Деникина и крупной буржуазии, должно было вскоре подать в отставку, но оппозиция была не в силах создать свое правительство, и де-

никинская агентура оставалась у власти до середины мая, когда образовалось третье по счету правительство Курганского. Оно снова подняло лозунги самостоятельности и взяло на себя инициативу созыва Южнорусской конференции с участием не только Донского, Кубанского и Терского казачьих войск, но также Закавказья и горских племен. Деникин запротестовал. Время было тяжелое (10-я красная армия надвигалась от Великокняжеской), и конференцию отложили. Но с развитием успехов Добрармии, когда красные войска почти очистили землю Войска Донского, 11 июня старого стиля состоялся съезд представителей Круга (Рады) и правительств трех казачьих войск. На этот раз делегаты собрались в Ростове для заключения «Юго-Восточного союза» и утверждения «кровью добытых автономных прав», хотя пределы автономии на Дону и на Кубани понимались различно.

Деникину удалось и на этот раз отвести опасность для его диктатуры, превратив конференцию о казачьем союзе в конференцию по организации южнорусской власти. Дело сводилось в основном к признанию Колчака Верховным правителем, а Деникина — его полномочным представителем на Юге. (По свидетельствам Деникина, в дальнейшем организация власти намечала палаты областных и губернских представителей, общее правительство и автономию казачьих войск, но без федеративных начал.) Однако переговоры затянулись, а Кубанская Рада продолжала прежнюю линию поведения, которая вызвала в ноябре 1919 года жестокую расправу Деникина с кубанской крамолой, после чего последовало временное изменение кубанской конституции в сторону более тесного объединения с Добрармией и ограничения автономии. Но в конце декабря, когда вооруженные силы Юга потерпели неудачу и, оставив Украину и север Донской области, ушли за Дон, Кубанская Рада отменила все изменения конституции и вернула к власти «самостийников».

Казачьи массы держались в стороне от борьбы линейцев с черноморцами, но они не могли оставаться равнодушными к политике Деникина, в особенности в области продовольствия. А вовлечение в длительную борьбу с Моск-

вой возбуждало их против деникинского режима. Расправа с Радой усилила эти настроения. Дезертирство из кубанских частей и глухое сопротивление кубанских станиц после этих событий заметно возросло. В станицах не хотели больше бороться с большевиками и говорили, что «генералы обманули». В широких массах казачества лозунг, брошенный подпольным Северо-Кавказским краевым комитетом компартии: «Мир с большевиками, война с Деникиным», — становился все более популярным. Сам Деникин в V томе своих «Очерков» признает, что взаимоотношения между властью Юга и Кубанью были одной из наиболее серьезных внешних причин неудачи движения.

Переходя к вопросу о роли кубанцев в «вооруженных силах Юга России», надо подчеркнуть, что они не составляли особой армии, как Войско Донское, и были связаны непосредственно с Добрармией. По выражению своего атамана (Филимонова), они с самого начала «срослись с Добрармией» и в период второго Кубанского похода составляли в ней высокий процент.

Летом 1919 года уже шел полный разброд в казачьих настроениях. Всякий подъем в казачестве мало-помалу угасал. Началось повальное дезертирство с фронта, не преследуемое кубанской властью. Дезертиры свободно проживали в станицах, увеличивая собой кадры «зеленых». К осени 1919 г. на Царицынском фронте стояла, по словам Деникина, «страшно поредевшая Кавказская (кубанская по составу) армия, сохранившая еще, благодаря главным образом влиянию лояльного и национально-настроенного кубанского генералитета и офицерства, бодрость духа и дисциплину. Но с тыла, с Кубани, к армии не шло уже более на пополнение ни казаков, ни лошадей». Тем не менее в октябре кубанские части составляли все еще 12 % вооруженных сил Юга России.

В сентябре 1919 года состав Добрармии был следующий: общероссийских пехотных полков 10, конных полков 2, батарей 14; кубанских пластунских батальонов 8, конных полков 16, батарей 7.

Все войсковые части на походе и в бою были перемешаны. Всего кубанцев в армии было 50 %, а внося поправку

за счет казаков, находившихся в рядах офицерских частей, эту цифру надо поднять до 60–65 %.

Деникин соглашался по мере притока укомплектований выделять всех кубанцев из чисто добровольческих частей, но в формировании отдельной армии категорически отказал. Кубанское казачество несло очень большие тяготы, выставило 10 возрастов в состав действующей армии, а за время борьбы на территории Кубани — почти поголовно становилось в ряды в качестве гарнизонов границ и отдельных партизанских отрядов. Природные кубанцы неохотно шли в пластуны; пехота их была слаба, но конные дивизии по-прежнему составляли всю массу добровольческой конницы, оказывая ей неоценимые услуги.

Терское войско. Терское войско не играло самостоятельной роли и шло за Доном. Чрезвычайная чересполосность края и постоянная опасность со стороны горских племен отодвигали на задний план вопросы самостоятельности, хотя они и возникали из политико-экономических соображений (в связи со стремлениями захватить в распоряжение войска минеральные источники, грозненскую нефть и Владикавказскую железную дорогу). Терское правительство под угрозой со стороны чеченцев и ингушей тяготело к Добровольческой армии, заботилось о поддержании добрососедских отношений с мирными горскими племенами (кабардинцами, осетинами) и с иногородним населением и избегало радикальных мер в области экономических и социальных отношений. Тем не менее и на Тереке возник конфликт с деникинским режимом, который, по признанию самого Деникина, оказался слишком «ригористским».

Поставленный Деникиным во главе Терско-Дагестанского края генерал Лонов повел слишком крутую политику и самочинно взял на себя восстановление в правах владельцев земли и движимого имущества. Требования терского правительства усилились с момента, когда донское правительство в мае 1919 года, стремясь привлечь Терек на свою сторону, выдало терцам 80 млн рублей.

Терские дивизии и пластунские бригады входили в состав армий Юга и беспрекословно выполняли боевые задачи. Политические недоразумения кончались обыкновенно компромиссами.

Что касается Украины, то здесь кратко можно сказать, что в истории Белого движения она сыграла особую роль. Временно послужив для Добровольческой армии продовольственной базой и источником пополнений живой силой, она затем — в самый тяжелый период борьбы в лице атамана Махно, в лице Директории и Петлюры и пр. — подорвала организацию тыла и снабжения белых армий.

* * *

«Целью гражданской войны всегда является и будет являться не создание условий, вынуждающих одну из сторон к прекращению борьбы, а полное уничтожение живой силы противника с окончательным разгромом его баз, ибо нет никаких практических возможностей к сожительству таких двух взаимоисключающих систем, какими, например, были в прошлую гражданскую войну советская власть и деникинщина, — писал позднее, оценивая итоги этих событий, командующий Южным фронтом А. И. Егоров. — Мы можем считать, что принцип этот в полной мере учитывался той и другой сторонами, но выводы отсюда были далеко не всегда верны. В частности, Деникин считал возможным уничтожение большевизма, а вместе с тем и режима советской власти путем захвата Москвы. Ему казалось, что если белые войска хоть ниткой дотянутся до красной столицы, то советская власть должна пасть немедленно и окончательно. В этом одна из коренных ошибок Деникина. Нам представляется несомненным, что в случае благоприятного для белых исхода октябрьских боев, дальнейшего их продвижения и даже занятия ими Москвы — положение красных армий при всей его трудности было бы все же далеко не безнадежным. Сдача столицы ни в коей степени не определяла окончательного падения советской власти, и борьба продолжалась бы с еще большим ожесточением. А между тем Деникин так распределил свои силы и давал им такие задачи, что дальше Москвы продолжать борьбу для них едва ли представилось возможным. *Белые имели бы несравненно больше шансов на успех, если бы, воспользовавшись временным ослаблением Красной армии*

весной 1919 г. и враждебным отношением к советской власти значительной части казачества в занятой красными войсками территории Донской области, они попытались действительно разбить, а не только преследовать их, давая им уходить от ударов и ослабляя свои собственные силы с каждым шагом продвижения вперед».

Иными словами, бывший командующий Южным фронтом дает понять, что Деникин не должен был вести свои армии на Москву, не должен был отрываться от своих оперативных баз на Дону и Кубани, не должен был растягивать линию фронта и распылать свои войска. Для успеха Белого дела он должен был максимально напрячь все силы для разгрома красных армий Южного фронта там же — на юге России. Но это автоматически по минимуму означало создание мощной автономии Юга, мало зависимой от советской власти, а по максимуму — создание полностью независимого «Юго-Восточного союза» или «Дона-Кавказского союза», о котором мечтали атаман П. Н. Краснов и казачья верхушка Дона, Кубани и Терека. Вот почему Краснов и его окружение так напрягали силы для взятия Царицына, выхода к Волге и Каспию. Ухватиться за Волгу и Царицын означало для них овладеть важнейшей артерией, ведущей к сердцу страны. Этого было бы вполне достаточно, чтобы не брать Москву, но обеспечить себе гарантированное, безбедное существование, да еще при взаимодействии с белогвардейским режимом в Сибири на десять лет вперед.

Большой интерес представляет и оценка «Московского похода» генералом Врангелем. Он пишет:

«К приезду главнокомандующего в город Царицын я с генералом Юзифовичем составили подробный доклад, предлагая дальнейший план действий. Впредь до завершения операции войск генерала Эрдели — овладение Астраханью и нижним плесом Волги, что дало бы возможность войти в реку нашей Каспийской флотилии, — дальнейшее наступление на север, при отсутствии меридиональных дорог и необеспеченности тыла армии, представлялось трудно выполнимым...

Безостановочное, стремительное наступление Донской и Добровольческой армий, при чрезвычайной рас-

тяжке нашего фронта, при полном отсутствии резервов и совершенной неорганизованности тыла, представлялось опасным. Мы предлагали главнокомандующему временно укрепиться на сравнительно коротком и обеспеченном на флангах крупными водными преградами фронте Царицын — Екатеринослав (т. е. между низовьями Волги и Днепра. — Д. А.) и, выделив из Кавказской армии часть сил для действия в юго-восточном направлении, с целью содействия Астраханской операции, сосредоточить в районе Харькова крупную конную массу: 3—4 корпуса. В дальнейшем действовать конной массой по кратчайшим к Москве направлениям, нанося удары в тыл, укомплектовывать и разворачивать части, создавать свободные резервы, строить в тылу укрепленные узлы сопротивления. Все эти соображения мы изложили каждый в отдельном рапорте, которые и вручили главнокомандующему. Генерал Деникин, выслушав нас и принимая от нас рапорты, усмехнулся: „Ну, конечно, первыми хотите попасть в Москву..“

Вместе с тем для меня было ясно, что чудесно воздвигнутое генералом Деникиным здание зиждется на песке. Мы захватили огромное пространство, но не имели сил для удержания его за собой. На огромном, изогнутом дугой к северу фронте вытянулись жидким кордоном наши войска. Сзади ничего не было, резервы отсутствовали. В тылу не было ни одного укрепленного узла сопротивления. Между тем противник твердо придерживался принципа сосредоточения сил на главном направлении и действий против живой силы врага».

Таким образом, один из талантливейших лидеров Белого движения — генерал Врангель заранее предвидел поражение белых армий в сражении за столицу России и, как видим, неоднократно предупреждал и докладывал об этом главнокомандующему Деникину. Но военные и стратегические соображения Врангеля в этом смысле совпадали с политическими и экономическими чаяниями казачьей и буржуазной верхушки Юга России, вели к разделению страны.

«В этом отношении планы красной стороны, несомненно, в гораздо большей степени отвечали требованиям политического обеспечения. Августовская операция при всей

ее оперативной нелогичности была в политическом отношении обеспечена вполне удовлетворительно. Но ни расстановка сил, ни их взаимная группировка в августовской операции не отвечали цели, а желание одним прыжком разрешить поставленные задачи сыграло плачевную роль в судьбах самой операции, причем это обстоятельство сказалось в самом непосредственном будущем. Наконец, осеннее наступление Южфронта, начавшееся почти без всякой оперативной паузы, было, насколько это оказалось возможным, обеспечено в политическом отношении, а для оперативного обеспечения, несмотря на трудности, были также использованы все возможности», — писал А. И. Егоров.

Так или иначе, но у красных было больше шансов победить. Вариант действий и планы Краснова, Врангеля и их окружения были более реалистичны, но вели к расчленению России. Этот политический курс был рассчитан на долгое противостояние с Советской властью, на многолетний подрыв и ослабление большевистского режима, но, в конечном счете, на ослабление России в целом. Еще раз подчеркнем: Краснов, Врангель, Юденич и даже Колчак и Деникин не смогли бы победить советскую власть до конца, но смогли бы только ослабить ее путем деления страны и отторжения окраин. Но это бы означало и ослабление всей России. Промыслом и попущением Божиим советская власть и большевики, несмотря на красный флаг Интернационала, под которым они выступали, дрались за «единую и неделимую», новую, великую и могучую Россию. И это было понятно рабочим и большинству крестьян. Да не прошло и полгода, как новый вскрывшийся нарыв Гражданской войны на западных границах России явил всю утопичность политики лидеров Белого движения.